

ISSN 0130-3600

ბიბლიოთეკის
სამაგისტრო



ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

8

1986

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- КАРЛО КАЛАДЗЕ. Стихи. Перевели Ян
Гольцман и Михаил Синельников 3
- ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ. Стихи. Перевела
Светлана Кокорева 7
- ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНКО. Стихи 10
- ТЕНГИЗ БУАЧИДЗЕ. Исповедь, или Профес-
сор Сордиа. Повесть. Перевод Галины
Корниловой 33

ПУБЛИЦИСТИКА

- РУСУДАН ГРИГОЛИЯ. В порядке экспери-
мента 13

- ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО
ИРИНА ГУРО, АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ. Кур-
натовский в Тифлисе 18

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Предвестие весны. Окон-
чание. Авторизованный перевод А. Бе-
ставашвили 142

8

1986

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. С. ТИХОНОВА



0419359240
302301010330

ТАТЬЯНА ШАРОЕВА. «Я прошел над Ала-
занью...» К вопросу о единстве интер-
национального и национального в твор-
честве Н. С. Тихонова 182

ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

СУЛХАН ЖОРДАНИЯ. «Кентавр»: миф, ме-
тафора, реальность... 192

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

ИРИНА ТРИУС. Живут книги, живут ученики 196

НУНЭ МИРЗОЯН. Два письма Юрия Марра к
Иосифу Гришашвили 199

ЛЕВ ОЗЕРОВ. Тропа в страну поэзии 204

ВЛАДИМИР ВАХТАНГАДЗЕ. Чистые звуки
саза 207

ИСКУССТВО

ЛАТАВРА ДУЛАРИДЗЕ. «Влиятельное ис-
кусство кино» 210

Памяти Константина Лордкипанидзе 221

ХРОНИКА 223



ТУЧИ ПРОМЧАЛИСЬ...

Горе тому, чей удел немота,
Он за безмолвье ответит:
Там, где небесных волос чернота,
Он ни звезды не заметит!

Вспыхнув однажды от пламенных строф,
Вечно жалею молчащих.
Как опаленные камни костров,
След мой останется в чащах.

Тучи промчались... Сияние дня
Снова напевом встречаю.
Смотрит светило сто лет на меня —
Как это не замечаю?!

И ТЕРЕК, И АРАГВИ...

Если ветер не развеет тучи,
Для чего тропу торить без толку?
За горами Терек режет кручи,
Здесь — простор арагвскому потоку!

Тот, кто знает Юг и Север, тот-то
Знает сердцем, породненным с ними:
Распахнув дарьяльские ворота,
Два потока делаешь своими.

Огляди былое взором строгим,
Вот они, промчавшиеся годы —
Перекаты, омуты, пороги —
Жизнь походит на речные воды.

Если ветер не разгонит тучи,
Для чего тропу торить без толку?
За хребтами Терек режет кручи,
Здесь — простор арагвскому потоку.

Все, что спел, — стекло по струнам чистых
Горных рек в долинные глубины.
Я служу горам вернее льдистых
Тех вершин, что с юности любимы.



Разве наша доля неизменна?
Жребий свой ищу в стремнинном риске:
Пусть текут мгновения — мгновенно,
Всякий миг отбрасывая брызги!

Даже гром небесный — знает каждый —
Порождает веру и отвагу.
...Кто отпил из Терека однажды —
Пьет и пьет струи арагвской влагу.

Перевел Ян ГОЛЬЦМАН

ОСЕНЬ

В древний край виноградарей птицей влечу!
Неоглядные дали чисты,
И поодаль, плечом прижимаясь к плечу,
Встали Кавкасиони хребты.

Кончен сбор винограда, и мы — на пиру,
Делу — время и празднику — срок...
Новорожденный месяц я в руки беру,
Словно турий изогнутый рог.

И с волной алазанской, с иорской волной
Я по-свойски уже говорю.
Горы Кавкасиони встают предо мной,
Поднимая зубцами зарю.

Песнопенье в просторе растет полевом,
Бесконечные арбы пошли.
И с родительской щедростью и торжеством
Нам дано изобилье земли.

Винограда завалы, корзины плодов
И тяжелые мехи вина.
Кахетинец-аробщик удал и бедов,
Грудь открыта и шапка черна.

Кахетинская шапка, склоняясь к лозе,
Ты под солнцем сгорала дотла,
А случилось нагряться военной грозе —
Ты под блестящим шлемом была!

И покуда гудит голосов разнобой,
Продвигается с каменных гряд
Осень вдоль Алазани неслышной стопой,
И в давальне бурлит виноград.

«Винный месяц» в немыслимых арбах увяз,
День вскипающим хмелем пропах,
И, седым тулумбашам подобны сейчас,
Эти горы с утра на ногах.

На проезжих дорогах накрыты столы,
Неоглядные дали чисты.
Вырастая у края истаявшей мглы,
Встали Кавкасиони хребты.

АФОНИ ДНЕМ

Вот, напевая, они обнажились у моря,
Чтобы волненье открытыми встретить сердцами;
Горы гудят, восклицаниям радостным вторя,
Волны дрожат, расступаются перед пловцами!

Солнца вовек не погасят ни ветер, ни всплески,
Люди, что с вами, кто вынудил вас торопиться?!
Искры на гальке дробятся, в немеркнущем блеске
День замирает, рассыпавши света крупицы.

Тени бросая на запад, горит, озаряет на зное
Море и землю все ласковей, все благосклонней.
Неба одним лоскутом и волною одною
Снова и снова нас всех оделяет Афони.

Как же случилось, что всё вы озвучить хотите,
Что здесь таится, когда вы доверять готовы
И сокровенные думы, и радость наитий
Вечной игре этой вольницы белоголовой?!



ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОВЕТСКИЙ РАДИО

АФОНИ НОЧЬЮ

Вот и стемнело, струится покой запустенья,
Черная ночь наступила, но это ль не диво? —
Люди ушли, но остались повсюду их тени,
Длинные тени стоят на посту терпеливо.

К небу взмывающий, тенью темнеет Афони,
И собрались кипарисы, выдавшие солнце воочью,
Чуткие, словно слепые, толпятся на склоне,
Моря волнение им хочется видеть и ночью.

Море лежит на спине, мягко в сторону небо откинув,
Тяжко дыша, отдыхая... Какая усталость!
Что ему думы людские на фоне валов-исполинов
И человеческого сердца ничтожная малость!

Вы же укрылись в своих сновиденьях, вы спите,
Ждете рассвета с какою-то жаждою древней,
Чтоб сокровенные думы и радость наитий
Снова доверить игре этих пенистых гребней.

Перевел Михаил СИНЕЛЬНИКОВ



ДРЕВНИЙ СЮЖЕТ

Вот она жизнь — череда ситуаций!
Древний сюжет для сатиры и драмы!
Вижу поэта великой нации —
Смотрит он с сумки наряженной дамы.

Сумка двубокая, как и положено.
С трубкой Есенин — и кинозвезда.
Боже, каких только их не возложено,
Миссий, на вечно живые сердца!

Воля стихии — забвенье, признание...
О жизнелюбец, давай, улыбнись!
Что для поэта былые страдания, —
Разве страдания перевелись?..

РАЗЪЕДИНЕНИЕ

Нас разлучили — серую пустыню
И в клочкотанье разорвавший сердце
Избегавшийся по камням ручей.
Нас обособили,
Мы в меньшем сопряженье
Между собой, чем право и преступник,
Подушка и бессонница.
Форель
В струе Арагви — с раскаленной галькой,
Чем стужа зимняя — и августовский зной,
Пылающий в кустарниках Гареджи...
Мы друг для друга более чужие,
Чем пыль руин и крыша для жилища,
Чем ноздри мертвеца и воздух, чем
Уста лежащего в гробу — и слово...
Тебя недостает мне, как огня
Рассветного луча — лучине утра,
Глухой стене — двери, как древу — плода,

Гнезду — пернатой, жертве же — ножа...
Не жду тебя я более. И где ж,
Где ж слыхано такое, чтоб фиалка
Пускала корни в лед?
Нас различили...



ФОНТАН НА ПЛОЩАДИ СЕНЬОРИИ

Фантазия

Я кепи надел на фонтан —
Как тополь, шумящий, могучий,
С копытами фавна, ветвями
Рогов, зацепившими тучу.

В прохладе замшелого дна
Лучи, словно рыбы, резвились.
И мрамора мышцы бугрились.
И гладко лоснилась спина.

Невольню подумалось: где вы,
Калеки, слепцы и уроды,
Красой обойденные девы?
Спешите под дивные воды!

Омойте под струями оными
Горбы, искривленные души.
Пусть станут сердца окрыленными
И правде откроются уши.

А доверху полная чаша
Лила свои слезы печали.
И стоном отчаянья падших,
Журча, ее воды звучали.

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Если б смог я хлеба дать и денег
Всем голодным на земле и нищим,
Каждого от стужи оградить
Стенами и крышею жилища, —



Просто дать, без «так как» и «поскольку»,
Ни Христом не сльвя, ни Крезом...
Мне б так жить, чтоб сердце, как челнок,
Билось между голых стен железом, —
Каждому воздать — чего достоин,
Сроки бытия продлить на век,
Дверь держать открытою: будь гостем,
Мимо проходящий человек!

Что ж, судьба, внемли же моей просьбе,
Сделай так, чтобы не средством брани —
Камнем, исполняющим желанья,
Я лежал у каждого в кармане.

Что мне ад, жаровня преисподней?
Лягу сам на жар каленой жести,
Чтоб избавить от испепеленья.
Всех приговоренных к лютой мести.

Вновь кому-то плод подарит ветка,
И зажгутся радостью глаза.
На моем же дереве слеза
Пусть висит. Слыхал я, очень мало
Надо человеческой душе,
Чтобы сердце радость испытало...

Перевела Светлана КОКОРЕВА





Нарикала

ДОРОГА

Пересечем бурун Куры,
Минуем банные шатры
И выйдем в небо над холмами,

Где город в мареве под нами
Весь, на три стороны окрест:
Метехи скол, Сиона крест
И справа, где дома, как дети,
На синем — перышко мечети.

Я верю зренью твоему,
Легко из рук твоих приму
Осколок пиалы старинной
И, шаг спустя, склонясь над глиной,
Застыну вехой на пути.

Ты с детства знал, куда идти,
Но ждал, питая образ дома...
Под небом, слева от пролома,
Поляна с полостью внутри,
Над ней откинут пласт земли
И в образованном распадке —
Руина безупречной кладки
Из циклопических камней.
Следы искусства есть на ней.


ТРАВЫ

Не бог ли бросил свиток буйволиный?
Раскатанный, он плыл среди созвездий
И в судный день торцом упал на землю,
Пробил скалу, в заре ороговел,
Одевши кожей семена растений,
И камнем стал. И каждую весну
В затянутых землею чашах башен
Встречают вас кресты и семицветья,
Шатры и бубны — травы Нарикалы.

Случается, на каменном одре
Они лежат, разваленные ливнем,
В потоках солнца. Изумрудной негой
Исходят отраженья звездных капель,
И буйволиный изумрудный гнев
От корня к острию растет, густея!
Тогда вернитесь в эту ипостась
Не тварью роговой, не жадным слухом,
Не разумом, способным раздвигать
Бирюльки снов крюками интеграла,
А просто так. Пускай душа босая
Сквозь шевеленье сабель и гирлянд
Идет, не опуская головы,
Одетая младенческим доверьем,
И власть земли — крылатую тоску,
Извечную причуду материнства
Воспримет и
Переболеет ею.
Тогда восстанут травы Нарикалы,
Неведомое олово семян
Прольется вниз, в природу человека,
Вновь водрузит шатры и семицветья
И выразит на общем языке
Надежду жизни, о которой весть
Еще не долетела до подлунной.

ГЛИНА

Не вечность, а бесправный человек,
Вне племени подвергнутый призывью
И ощутивший мускулы земли,
Коснувшись до плеча каменотеса,
Совокупил живую терракоту
И угол неба с колоколом духа
И стену водрузил на грань природы,
Чтоб оградить дыхание птенцов
От умысла людского и стихии,
Которая стучала в дверь копытом,
На крыльях приносила запах гари,
Но не имела имени. Потом
Еще не раз цари и музыканты



Ей подносили зелье в черепах,
Еще не раз она терзала стены
Неистовым копытом и крылом
И оставляла след железных перьев
В зрачках младенцев и в груди кормилиц,
Еще не раз она алкала Мира,
Звала под небом, отверзала чрево,
Но Мир не шел. И не творился плод.
И, костенея, жар ее бесплодный
Сжигал детей, рожденных на земле
Крестьянками от воинов угрюмых.
И плоть ее старела и ветшала,
Пока не обрела черты бессмертья,
И черная краса не отвердела,
И люди нарекли ее — Война.
Гарь заповедна в лоне этих стен:
Доныне — пепелища в горле маков,
Доныне осыпь пыльного пролома
Пытается вернуть осколки глин
Моим рукам, подозревая в них
Отечество рыданий и ремесел,
Призвание, живую терракоту,
Которая одна не знает страха,
Вольна, влажна, бесправна и бессмертна.

ПИСЬМО

Этот приют у червлёных плит...
Вздумаешь, приходи.
Благостно там, и огонь горит
Времени посреди.
Эхо найдет тебя, если прав.
Мера взрастет в груди.
Тихо поднимется племя трав
Времени посреди.
Молча призвание расстели:
Лепет миров затих...
Пусть зарастут в глубине земли
Раны от мук твоих.
Пусть, огражденная тишиной,
Бремени вопреки
Мерит улитка звездной слюной
Камень твоей щеки...



Русудан ГРИГОЛИЯ

В ПОРЯДКЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

«Интересные формы стимулирования труда ученых проходят апробацию в Тбилисском государственном университете».

(Из Отчета ЦК Компартии Грузии XXVII съезду Компартии Грузии).

ОДНО из стратегических направлений в ускорении научно-технического прогресса — тесная связь науки с производством. Синтез науки и производства превращает творческую мысль в конкретное дело. Вся деятельность созданной при кафедре биохимии Тбилисского государственного университета экспериментальной отраслевой биотехнологической лаборатории нацелена на реализацию именно этой задачи.

Успехи биологической науки за последние двадцать лет способствовали быстрому развитию новой отрасли промышленности — биотехнологии. Подобно индустрии электровычислительных машин, биотехнология охватила широкую сферу производства — от ветеринарии до других отраслей сельскохозяйственного производства, от переработки отходов до горного дела. Биотехнологическая лаборатория Тбилисского государственного университета поставила себе целью разработать новые прогрессивные технологические процессы переработки вторичных отходов, накапливающихся в различных отраслях сельского хозяйства и промышленности, быстро освоить их и внедрить в условиях опытного производства — на животноводческих, птицеводческих комплексах, фабриках, в объединениях. Лаборатория намечает также оптимальное решение вопросов охраны окружающей среды от загрязнения.

В порядке эксперимента в лаборатории применяется новая система оплаты труда, что помогло коллективу расширить рамки исследований, ускорить внедрение в производство ре-

зультатов своего труда. Новая система оплаты труда осуществляется на основе хозяйственного договора.

В биотехнологической лаборатории действуют две формы оплаты труда: повременно-премиальная и аккордная. 10 процентов фонда заработной платы используется в виде премии для материального стимулирования научных сотрудников. Их деятельность оценивается не столько по научной степени или званию, сколько по конечному результату работы.


В лаборатории сложилась полезная практика утверждения научной характеристики каждого сотрудника, которая служит как бы паспортом ученого, отражающим его трудовой вклад в достижение общего конечного результата работы всего коллектива.

— Коллектив в лаборатории прекрасный, все научные сотрудники — энтузиасты, преданные делу специалисты, — так считает научный руководитель лаборатории, доктор биологических наук, профессор Нугзар Алексидзе. — Что же касается экономического эксперимента, мы уже смело можем сказать, что система оплаты труда и общее Положение о материальном стимулировании оправдали себя, если отбросить нуждающиеся в корректировке отдельные моменты.

По мнению руководителя лаборатории, необходимо определить, за счет каких средств должны проводиться изыскательские работы, которые, к сожалению, сейчас никто не финансирует. Ему представляется более целесообразным и реальным сохранить за лабораторией право использовать фонд заработной платы по мере надобности и в последующие годы. Как показывает практика, было бы полезнее, если бы годовые планы лаборатории разрабатывались и утверждались на ее научно-техническом совете.

— Для успешной работы нашей лаборатории мне представляется необходимым определять общий объем финансирования выполненной работы, исходя из объема фонда заработной платы. Мы должны иметь возможность приглашать на протяжении года по мере надобности одного и того же специалиста, а также из других городов, — сказал профессор Н. Алексидзе, — это непременно даст хороший результат.

Научная деятельность должна опираться на прочный хозяйственный фундамент. Проводимый в лаборатории экономический эксперимент продуман и одобрен каждым членом этого большого творческого коллектива. Они уверены, что оплата труда будет соответствовать их напряженному труду и усилиям.



— Каждый проведенный нами опыт необычайно ответ-
ствен. Потому и работаем мы без учета времени. Много-
месячные усилия могут сорваться из-за пустяка, и мы делаем
все, чтобы этого не допустить. — Это говорит заведующий ла-
бораторией, кандидат технических наук Темур Мдинарадзе.

Увлеченно, заинтересованно представляет он нам дея-
тельность лаборатории. Не отрицает он и ту роль, которую
сыграло в успешной работе лаборатории материальное стиму-
лирование.

Премии выдаются здесь по истечении каждого квартала,
когда наглядно выкристаллизовываются результаты и объем
исследования. Много писалось о том, что зачастую научные
работники, получив ученую степень, считают свой долг перед
наукой выполненным и получают оплату уже не по заслугам,
а в соответствии со степенью.

В биотехнологической лаборатории и этот вопрос реша-
ется по-иному. В условиях большой отдачи оплата сотрудника,
не имеющего степени, вдвое, а иногда и втрое превышает его
основную заработную плату. Именно подобная новая форма ор-
ганизации труда стимулирует инициативу, повышает ответ-
ственность.

Лаборатория существует всего три года, а ее сотрудники
уже получили 18 авторских свидетельств. Создана комплексная
система безотходной технологии для свиноводческих комплек-
сов, птицеводческих фабрик, для предприятий по переработке
мяса и молочных продуктов. В связи со строительством в
республике крупных свиноводческих комплексов и птицеводче-
ских фабрик возник целый ряд экологических проблем. В
мировой практике все еще нет рациональной технологии ис-
пользования накапливающихся органических отходов свино-
водства и птицеводства, этих вторичных остатков, имеющих
большое хозяйственное значение. Это одна из наболевших
проблем ближайшего будущего в мировом масштабе. От ее
решения зависит индустриальное производство свинины и
птичьего мяса.

Разработанная в лаборатории комплексная система без-
отходной технологии сейчас успешно внедряется на свиновод-
ческих комплексах, в частности в Крцаниси. Полученный
здесь после переработки исходного материала продукт при-
меняется как наполнитель вместо дорогостоящей древесной
муки при производстве пластмасс.

На комплексе ничего не пропадает даром, вместе с тем
окружающей среде больше не угрожает загрязнение. Что ка-

сается экономического эффекта, то на тысячу голов свиней он составляет сорок тысяч рублей.

Несколько лет назад на руставском производственном объединении «Азот» появились отходы, которые сжигались. Сотрудники биотехнологической лаборатории вместе с центральной лабораторией объединения разработали технологию изготовления битума из этих отходов. Уже выпущена опытно-производственная партия битума в количестве десятков тонн, причем этот продукт удовлетворяет всем общетехническим требованиям, предъявляемым к термопластам.

Большие исследовательские работы проведены также и на птицеводческих фабриках, где в кратчайший срок разработан упрощенный технологический процесс производства кормовых добавок из отходов отрасли. Как видно из данных исследования, эта добавка нетоксична, питательна и положительно влияет на рост и развитие птицы. Например, в 1984 году на Гамарджевской птицеводческой фабрике этот корм прошел производственное испытание на двухстах тысячах бройлеров, и ежемесячная чистая прибыль от него составила 89 тысяч рублей.

Большой экономический эффект получен от тех технологических работ, которые на принципах партнерства проведены совместно с бывшим министерством мясной и молочной промышленности Грузинской ССР. Разработан такой компонент, который заменяет растительный белок низкой питательности. Вообще из отходов животного происхождения наиболее ценным продуктом считается кровь, но и по сей день в кормовых целях используется лишь кровяная плазма, в которой белок составляет только 7 процентов. Между тем самая значительная ценная часть крови — формирующие элементы, содержащие 40 процентов белка, до сих пор не использовались. Вот почему возникла актуальная задача — получить из крови забитых животных белковый препарат.

Самое главное и значительное в деятельности лаборатории — то, что все ее научные обретения внедряются в практику. В Крцаниси вступила в строй первая очередь экспериментального завода по изготовлению пластмассовых изделий, скоро завершится строительство и второй очереди. Строительство цеха по выпуску кормовых добавок на Крцанисском свиноводческом комплексе шло без проволочек и завершилось за несколько недель.

Несомненно, что огромная работа, которая проведена в столь короткое время — три года — была и результа-

том разумного применения новой формы материального стимулирования ученых и работников производства. Это именно тот случай, когда идея, ее научные разработки и практическое осуществление исходят из экономической политики партии и правительства. Материальное поощрение повысило заинтересованность, создало в лаборатории поистине творческую атмосферу, инициативное и подлинно научное отношение к делу, обстановку хорошо организованной работы. В результате резко возрос уровень персональной ответственности за выполняемую работу. Появилась возможность дифференцировать способности и талант работников по конечным результатам. Естественно, возникли как организационные, так и психологические противоречия. Не все мирятся с тем, что их деятельность оценивается не столько по научной степени или званию, а по конечным результатам. Иногда деятельность многих ученых, облеченных научными степенями и званиями, не отвечает требованиям современности. Необходимо, чтобы ученая степень и деятельность ученых были в полном и реальном взаимном соответствии, что начисто исключит равнодушное отношение к делу и безответственность. Большие перспективы открываются перед биотехнологической лабораторией Тбилисского государственного университета. Нужно только своевременно, без затяжек принимать к производству созданное учеными, ибо именно производственники решают судьбу внедрения научных достижений.

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года сказано: «Осуществить комплекс мероприятий по совершенствованию технологии производства... Обеспечить широкое внедрение в народное хозяйство принципиально новых технологий — электронно-лучевых... биологических и иных, позволяющих многократно повысить производительность труда, поднять эффективность использования ресурсов и снизить энерго- и материалоемкость производства. Перейти на индустриальные, интенсивные технологии в растениеводстве и животноводстве, широко использовать методы биотехнологии и генной инженерии».

Деятельность биотехнологической лаборатории Тбилисского государственного университета сполна отвечает этим директивным указаниям и служит залогом успешного осуществления определенных партией кардинальных задач по ускорению социально-экономического развития страны.



Ирина ГУРО,

Анатолий АНДРЕЕВ

КУРНАТОВСКИЙ В ТИФЛИСЕ*

ИЗ ВОРОНЕЖА, по заданию партии, Виктор Константинович Курнатовский выехал на Кавказ. Он узнал от Скорнякова, старого знакомого по Цюриху, теперь работающего в Тифлисе, подробности о работе Владимира Ильича, вырвавшегося из сибирской ссылки.

Еще летом Ленин уехал за границу. Это было необходимо. Рождалась «Искра».

Курнатовский внимательно слушал Скорнякова, связанного и с Петербургом, и с другими пунктами, через которые будет налаживаться распространение будущей газеты.

Беседа то и дело переходила на положение в Тифлисе.

Курнатовский уже видел корпуса большого завода и говорил Скорнякову:

— Вы знаете, от одного вида крупного предприятия современного типа у меня складывается впечатление о будущей моей работе здесь. Никогда фактически не работал я среди рабочих, в их массе, в их рабочей сфере. Вел работу в кружках, в узком кругу. Но у меня всегда было желание выйти из круга, выплыть в широкие воды. И вот я чувствую, что здесь, в Грузии, я попаду в это течение...

Обычно сдержанный, Курнатовский казался необычайно воодушевленным. Это обрадовало Скорнякова, искренно любившего Виктора Константиновича еще тогда, в Цюрихе.

* Страницы из повести «Конь мой бежит...» о выдающемся русском революционере - большевике, соратнике В. И. Ленина — В. Г. Курнатовском, подготовленной к печати в «Политиздате».

— Да, да, — говорил он, невольное охваченный оживлением товарища, — вы, Виктор Константинович, здесь очень нужны. И не на пустое место вы прибыли. Еще два года назад крупная забастовка прямо-таки потрясла Тифлис. Железнодорожные мастерские прекратили работу. Бастовала фабрика Энфианджянца, бастовала конка. О, это чувствительно! Кожевенный завод Адельханова — мощная стачка! Бастовали типографии. Словом, пролетариат Тифлиса имеет опыт стачечной борьбы. Познал радости успеха.

Курнатовский с удовольствием слушал Скорнякова.

— И руководила забастовками организация?

Скорняков ответил с живостью:

— Конечно. Такое стачечное движение не могло возникнуть стихийно. Дело в руководителях, и эти руководители здесь есть! Понимаете, тут соединение весьма опытного партийного деятеля Ладо Кецховели и молодого, но уже обстрелянного в классовых боях Джугашвили. Вы сами познакомитесь, оцените, чего стоит каждый из них. Да, обязательно... Я сам познакомлю вас с Калининым... Обаятельный человек, настоящая рабочая косточка! Очень, очень удачно, что вы прибыли именно сюда. Тифлис — это уже не тихая заводь, которой он был еще недавно. Фурии частного интереса, о которых говорил Маркс, распростерли свои мощные крылья над городом. Растут предприятия, промышленность здесь поднимается на плодотворной почве — много свободных рабочих рук. В деревне тоже идет расслоение. Младшие братья в семьях уходят в город на заработки. Разноязычный, многонациональный рабочий класс неоднороден и по социальному своему составу. Но есть основа, крепкое ядро старых рабочих.

Скорняков говорил увлеченно, и видно было, как ему хочется доказать, что приезд сюда — удача Курнатовского, и нарисовать перспективу работы самую радужную.

Он сыпал фактами боевых выступлений тифлисских рабочих. Речь шла о недавних событиях...

Хозяйка внесла на вытянутых руках блюдо с «дарами осеннего Тифлиса», как выразился Скорняков. Он очистил для гостя сочный гранат — плод, незнакомый ему, и тут же подумал, что щедрость природы Кавказа какой-то своей стороной оборачивается против бедноты — уже был наслышан о крайних мерах притеснения садовых рабочих и особенно в деревне...

А забастовка рабочих тифлисской конки, связанной со своеобразием города, его разбросанностью, гористостью, необходимостью городского транспорта... Как важна работа в такой среде!

Появление Курнатовского в Тифлисе совпало со знаменательным этапом в рабочем движении края. Все явственней и резче становился водораздел между «лидерами» и молодежью. Это противостояние уже тормозило размах работы. Оно выявилось с внезапной наглядностью и силой в забастовке железнодорожных рабочих. То был конец 1898 года. «Лидеры» социал-демократической группы оказались весьма далеки от рабочих выступлений, и предметом их заботы было главным образом убрать с глаз, отодвинуть в затемненный угол политические лозунги. Упования «лидеров» были направлены на ограничение забастовки на то, чтобы она осталась на уровне экономических требований.

С досадой, не скрывая презрения к оппортунистам, Скорняков говорил:

— Есть такие болота: время от времени на поверхности их возникают пузыри, они тут же лопаются, трясина поглощает их, и снова все спокойно на ее опасной глади...

Он не скрывал своих надежд на живительные перемены, связанные с приездом Курнатовского и других ссыльных из центральной России.

Надо было сразу же заявить свои позиции, противопоставить себя местным экономистам с их иссушающей рабоче движению проповедью отстранения от политики.

В пролетах механических мастерских привыкли видеть высокого худощавого мужчину, который появлялся в разных обликах — то в тужурке путевого инженера, то в куртке из чертовой кожи, какие носили линейные рабочие. Привыкли к скупому жесту и чуть повышенному голосу, какой бывает у людей со слабым слухом, к простым и веским его словам. Они узнавали в нем опытного политика и ученого человека, но он не был похож на тех интеллигентов, которых им доводилось встречать. Что привлекало в нем? Открытость позиции. Он не преуменьшал трудностей и не звал на легкое. Но раскрывал значение борьбы. Повышал тем самым роль каждого забастовщика: «Не за копейку, не за копеечные уступки деремся, за изменение существующего строя в России!»

Пребуждал в каждом чувство собственного достоинства и сознание общности своей с классом: «Вашиими руками создано все, чем богата страна, сложите вы руки — и остановится все движение, вся жизнь государства»...

Курнатовский входил в подробности рабочей жизни, особенно на железной дороге. Близко сошелся с Михаилом Ивановичем Калининным, рабочим-путейцем, уже имевшим опыт работы в массах.

Благодаря широкой, активной агитации, многолюдным собраниям рабочих, которые приохотились слушать горячее слово социал-демократов, 1 мая 1901 года на демонстрацию вышло более трех тысяч человек. Движение колонн под красными знаменами происходило в полном порядке. Появление полиции встретило сопротивление демонстрантов.

Многолюдные митинги становятся обыкновением среди рабочих.

Это время — пора горячей работы в массах, о которой он всегда мечтал, — укрепило дух Курнатовского, его веру в свои силы. Окружающие видели его увлеченным, полным энергии, которой он умел заражать других. Он вроде даже стал лучше слышать. «Как хорошо, — подумалось ему мимолетно, — что я отучил себя приставлять руку к уху!»

Особенно поднимало его настроение здесь, в Тифлисе, сознание, что сделано немало, что тут положено начало марксистской социал-демократической организации, и этому уже не дано измениться. Аресты и репрессии выхватывали вожakov. На их место, — верил он, — встанут другие.

Чувствуя, понимая, что и его срок недолог, он торопился. Появлялся в самых разных местах — на горе святого Давида, в Ортачалах, в депо, в заводских цехах...

Его темперамент раскрывался в яростной полемике, в пылу разногласий, в терпеливом разъяснении основ учения Маркса.

Поддерживало не только чувство локтя старых товарищей, но ощущение того, что для настоящих слов открыты души молодых. Впервые ему довелось очутиться в таком кипении подлинной жизни, каждый день несущей нечто новое для него, для людей, для движения.

* * *

Виктор Константинович обрел в Тифлисе то поле практической работы, к которой стремился. Он понимал, что широкой агитации в массах должна сопутствовать углубленная работа в рабочих кружках. Вел несколько таких кружков, малочисленных по условиям конспирации, но именно здесь отчетливо был виден рост политического сознания рабочих. В этих кружках были и армяне, и русские, и грузины — железнодорожники, знавшие русский язык. Железная дорога воспитывала кадры, тесно спаянные общей работой, общими интересами.

Курнатовский сблизился со многими из тифлисских рабочих. В то время в Тифлисе работал слесарем Сергей Алилуев. Курнатовского занимала мысль о том, как сделать понятным рабо-

чему «Капитал» Маркса. Это было невозможно при чтении в одиночку. Невозможно было и расширять круг по конспиративным условиям. Выход был в кропотливой, трудоемкой работе — пропагандист толковал «Капитал», собираясь с небольшой группой рабочих. Им был понятен дух книги, зовущей к объединению рабочих, к внедрению социалистического сознания в массовое рабочее движение. И здесь ему помогал Алилуев.

Курнатовский ближе познакомился и с Михаилом Ивановичем Калининым. Это был человек, уже прошедший путь сознательного рабочего, пропагандиста и агитатора, испытывавшего на себе все хитроумные способы охраны, умело маскировавшегося и сумевшего здесь, в Тифлисе, повести активную работу среди железнодорожников.

Увлеченность, окружение добрых и интересных ему людей как-то сглаживали тяжелые воспоминания о невыносимом одиночестве в Сибири, когда пурга отрезала его от милого сердцу круга друзей.

Он полюбил свидания со своими молодыми друзьями, каждый раз в каком-то другом, по-своему живописном месте. Иногда это было на горе святого Давида, вечером, когда отсюда россыпью огней виделся Тифлис, казавшийся нарядным, широко разбросанным у подножия горы.

— Я жил в Швейцарии, тоже в горах, — раздумчиво говорил Курнатовский. — Живописны маленькие швейцарские городки, но все там мельче, более сжато и как-то... слишком аккуратно... Эмиграция неизбежно накладывает свой отпечаток даже на испытанных революционеров.

Тифлис, как говорили товарищи и в Воронеже, и в Петербурге, представлял собой «пылающий очаг рабочего движения». Тут образовалась крепкая социал-демократическая организация. Но движение имело и свои подводные камни. Так называемые «лидеры» — Жордания и Джигладзе тяготели к экономистам. Им противостояли Ладо Кецховели и молодой Иосиф Джугашвили.

То было время, когда между этими двумя направлениями уже было невозможно навести мосты.

В пору, когда Курнатовский появился в Тифлисе, в полной мере выявились личные качества Жордания: нетерпимость к критике, чванство, презрительное отношение к рабочим.

Но многие еще находились под его влиянием.

Разногласия проходили по генеральным вопросам стратегии и тактики партии.

Водораздел обозначился по основополагающим позициям:

создание партии рабочего класса, нелегальной печати; отношение к открытой борьбе против самодержавия.

Курнатовский с ходу вошел в самый огонь разногласий. Его бескомпромиссные выступления против Жордания вызывали уважение. Логика его аргументов, терпеливое разъяснение ленинских позиций помогли многим стать на верный путь.

* * *

В дополнение к двум-трем своим телеграммам по поводу беспорядков, происшедших в Тифлисе 22 апреля, и рапорту на имя министра юстиции от 30 апреля 1901 года, № 201 прокурор Тифлисской судебной палаты, действительный статский советник В. Ф. фон Клюген 8 мая того же года за № 229 препроводил во временную канцелярию министерства юстиции по производству уголовных дел три копии воззваний, найденных в разных местах города Тифлиса.

«Товарищи... наши враги — не одни только начальники, фабриканты и заводчики, но и все те, кто потворствует им и помогает держать нас в рабском состоянии. Самый сильный, самый лютой враг наш. Монарх Всемилостивейший больше всех нашу шерсть стрижет да наши слезки пьет. И чего только не делает наш Царь-Батюшка, чтобы держать нас в рабстве: он не пропускает к нам свободного слова; он разрушает наши союзы; он по первому требованию начальников или фабрикантов сажает нас в тюрьмы, ссылает в Сибирь, а детей и жен наших пускает по миру. Только — нет! Что грибы после дождя, растут среди нас честные, сознательные рабочие, и никакие силы темной власти не остановят нашего движения. Друзья! Сильны враги наши. Нам не от кого ждать помощи. Сила в нас самих, в нашем согласии; стоит только сплотиться, и мы заставим своих врагов исполнить наши требования. Довольно же, братья, спать. В крепком СОЮЗЕ ЗАВОЮЕМ СВОИ ПРАВА, СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ!

Московский комитет рабочих, 28 марта 1901 года».

По данным губернского жандармского управления и прокурора Тифлисской судебной палаты, «...в ночь на 21 апреля (1901 года) по улицам Тифлиса, в железнодорожных мастерских, на частных заводах и фабриках и в общественных местах были разбросаны противуправительственные воззвания в восьми видах и разного содержания, из них три были отпечатаны на русском, четыре — на грузинском языках и одно литографирован-

ное — на русском...» «...В 1900 году в Тифлисе произошли следующие стачки и забастовки: 1-го января — забастовка кондукторов и кучеров конки... Забастовки наборщиков типографий... В июне — рабочих на мундштучной фабрике... В июле — папиросников табачной фабрики Сафарова... На механическом заводе Яралова... В тифлиских главных мастерских Закавказской железной дороги...

...Состоялось несколько совещаний у Помощника Главного начальствующего и Губернатора с представителями администрации, железнодорожного начальства, прокурорского и жандармского надзора, которые, однако, никаких результатов не достигли, а после арестования восемнадцати рабочих по городу стали распространяться не без участия интеллигентных агитаторов печатные и литографические прокламации на русском и грузинском языках, из коих одна заканчивалась словами: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРОЛЕТАРИАТ».

...Так как рабочие продолжали упорно настаивать на своих требованиях и особенно на освобождении арестованных товарищей, было признано необходимым арестовать еще четыреста человек...»

Виктор Константинович сблизился со многими соратниками по борьбе. Он надеялся, что удастся еще долго работать вместе с ними. Они были разные: Михаил Иванович Калинин — невысокий, выглядевший моложе своих двадцати пяти лет, хотя для солидности носил бородку-эспаньолку, остроумец в узком кругу и хороший оратор в спокойной деловой манере на больших собраниях. Черноглазый, горячий Караджян, который помог Виктору Константиновичу поступить на работу в качестве химика-лаборанта к богатому виноделу, что было и денежно, и конспиративно. Каждый из них чем-то помог ему глубже войти в своеобразную жизнь города. Калинин познакомил его с обстановкой на железной дороге. Пленил его Ладос Кецохвели, организатор подпольной типографии в Баку, долгое время остававшейся неуловимой для сыска.

Типография находилась в Баку, но выполняла работу для тифлиской организации.

«Посылку» привезли в редакцию «Нового обозрения», где работал Франчески. Убедившись, что за ним нет «хвоста», он отвез ее домой. «Посылка» была из Батума, куда ее доставили стареньким парходиком «Азов», на котором плавал боцманом социал-демократ из Абастумана.



Ночью на квартиру Франчески пришел Курнатовский. Вместе вскрыли посылку. В ней оказались, как они и ожидали, первые номера ленинской «Искры».

Стоял февраль 1901 года, когда «Искра» впервые оказалась в руках тифлисских рабочих, железнодорожников, типографов. Кое-что читали вслух — от нетерпения! Что-то удалось прочесть в обеденный перерыв. Виктор Константинович рассказал, как в Сибири мечталось об этой газете. Рабочие стали просить: «Давайте соберемся за городом, там можно свободно почитать и обсудить...» Организовали под видом пикников встречи за городом.

В железнодорожном карьере Курнатовский выступал на рабочей сходке. Затем — в Ортачалах, потом на горе святого Давида. Еще позже — на большом собрании рабочих и учащихся неподалеку от гробницы Грибоедова. Там собрание было пестрое, разноязычное. Виктор Константинович на этот раз был особенно наэлектризован получением «Искры». Говорил легко, доходчиво. Люди — их были сотни — казались знакомыми. «Рабочий класс Кавказа, — говорил он, — часть пролетариата всей России — несет обновление обществу. Мы все здесь братья по борьбе и по судьбе — грузины и армяне, русские и азербайджанцы. У нас есть верные друзья — рабочие всего мира. И смертельные враги — тоже общие: самодержавие, помещики, капиталисты. Будем готовиться дружно встретить наш праздник — 1 Мая! Открыто пройдем по улицам Тифлиса. Над нашими головами будут реять полотнища, знамена Российской социал-демократической партии...»

Об успешной работе в Тифлисе узнал Владимир Ильич, находившийся в это время в эмиграции.

«1901 г., август 3/16. Ленин читает листовку Тифлисского комитета РСДРП... с призывом к борьбе против незаконных действий жандармов и зверского обращения с политическими заключенными в Метехском замке и в военной тюрьме...»

«...Ленин читает листовку Тифлисского комитета РСДРП от 12 (25) ноября 1901 г.: «Товарищи солдаты!» — с призывом к борьбе с самодержавием».

(Из биографии).

Начавшиеся в Тифлисе аресты явно были результатом работы провокаторов. Какие-то еще смутные подозрения накапливались и беспокоили. Чувствовалось, что чья-то рука крепче натя-

гивает и без того тугую тетиву сыска. Надо было торопиться, активизировать работу, принимая новые меры конспирации. Пуще глаза хранить подпольную типографию, так славно служившую делу.

Подозрения товарищей были небесспорны. Охранка перестраивала свою работу. Чиновник для поручений московского охранного отделения корпуса жандармов — штаб-ротмистр Спиридович был одним из немногих работников сыска, обладавших аналитическими способностями и склонностью к обоснованным выводам. Его доклад начальству в адрес генерала Ратаева являет между строк разящую иронию по адресу тифлисских «мастеров сыска». Стиль этого документа характеризует определенный этап в работе охранного отделения.

Заскорузлым чиновникам противостоял образованный и целеустремленный молодой человек, осуществлявший охрану государственных интересов на том уровне, которого требовала уже сложившаяся, сильная теоретически и практически организация революционеров.

Именно это противостояние характеризует документ, исходящий от Спиридовича. В нем легко просматриваются факты, говорящие о том, что революционная работа в Закавказье перешла на новые рубежи.

«Милостивый государь Леонид Александрович. Как известно Вашему превосходительству, против прогрессирующего в Тифлисе противуправительственного движения местное жандармское управление ведет весьма энергичную борьбу, которая, однако, не приводит к желательным результатам. Движение растет, пропаганда свившая себе гнездо в рабочей среде, нашла благодарную почву среди учащихся и даже проникает в войска; неуловимая русская типография продолжает выпускать не оставляющие желать ничего лучшего в техническом отношении прокламации».

Далее отмечалось, что доморощенные, ограниченные пинкертонеры уже не могут справиться с возросшей активностью революционного движения.

«...Причины такой малоуспешности в подавлении революционного движения кроются, по-видимому, в недостатках противопоставляемой ему на месте системы борьбы, к каковым надо отнести:

а) Неудовлетворительное состояние агентуры. Агентурные силы управления составляют два постоянных сотрудника: мастерской, освещающий круг железнодорожных рабочих, и полунинтеллигент, вращающийся в городской среде. Кроме них есть еще

рабочий и женщина-интеллигентка, работающие по мере надобности сдельно.

...Кружки русских интеллигентов, среда армянская, грузинская, а также кружки учащихся — за отсутствием сотрудников в них не освещаются совершенно...

Факты провалов сотрудников находят широкую огласку в революционных кружках, следствием чего и является боязнь работать на управление.

6) Неудовлетворительная постановка наблюдательского (Филерского) дела.

Филеры малоопытны в деле наблюдения, легко обнаруживают себя при проводках наблюдаемых... Малоопытность филеров естественно привела к систематическому провалу их... Они почти все известны занимающимся противуправительственной деятельностью. У них отсутствует выучка, школа, нет хорошего примера, как и что надо делать... да и платят им всего лишь 20 рублей в месяц... что не позволяет разбитному, сметливому человеку браться за эту тяжелую, крайне опасную службу.

Надо полагать, что ядовитые замечания Спиридовича, подкрепленные его трезвыми рассуждениями, сыграли свою роль: работа сыска улучшилась. При всем своем опыте подпольщики уже не всегда могли избежать провалов. Особенно потому, что агентурная сеть сыска стала прибегать к квалифицированной провокации.

В преддверии первомайских событий охранка перешла к активным действиям.

Усталый, счастливый и страшно голодный возвращался Виктор Константинович домой после многолюдного собрания в депо.

Ночь была совсем теплая. 21-е марта — здесь уже полная весна. Калитка, как всегда, была закрыта, он просунул руку между штакетинами и откинул крючок. Оставив обувь внизу, поднялся в свою светелку, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить хозяйку. И тихо открыл не запертую, а только прикрытую дверь.

На столе в старинном медном подсвечнике догорала свеча. Глиняная миска с мацони на столе и лепешка вдохновили Виктора Константиновича необычайно. «Я же голоден как волк!» — подумал он.

И сразу же все в нем погасло: тень человека упала на белую скатерть. Звякнули шпоры.

— Полуклоун-полувампир к вашим услугам, — произнес скрипучий голос.

«Он это знает. Значит, один из двух провокатор. Парикма-

хер? Вряд ли. Значит — Орехов», — мгновенная догадка осветила сразу многое...

— Вы арестованы, господин Курнатовский.

Виктор Константинович увидел словно бы вышедших из стены двух приставов и какого-то детину. Еще кто-то жался к двери... Он увидел их, но не услышал ни слова. Гробовая тишина окутала его. Мир стал безмолвен, как могила.

Началось двухгодичное следствие. Два года в гарнизонной тюрьме. «Метехский замок поглотил меня, как щука ерша. Вряд ли мои легкие выдержат тесные объятия сырых толстых стен, холодных даже в жару. Они перемалывали и не таких, как я, словенские страшные челюсти чудовища из старой грузинской сказки, которую тетушка Маро рассказывала внучке», — думал Виктор Константинович.

Сообщение исполняющего должность прокурора палаты:

«...В начале текущего года в кружки рабочих, как железно-дорожных, так и типографских, проникли еще двое интеллигентов — аккерманский мещанин Ипполит Франчески и дворянин Виктор Курнатовский, оба они привлекались уже ранее к политическим дознаниям, стали действовать уверенней и решительней.. Ввиду приведенных данных по отношению к дворянину Курнатовскому, аккерманскому мещанину Ипполиту Франчески возбуждено в порядке 1035 ст. уст. уг. суд. дознания по обвинению в принадлежности к тайному преступному сообществу, предусмотренному ст. улож. о наказаниях. Будучи заключены под стражу, продолжают пока оставаться в этом порядке и впредь до принятия против них соответствующих мер пресечения по дознанию. Об изложенном имею честь сообщить Временной канцелярии. Е. Холодовский».

В это время Надежда Константиновна Крупская в письме Екатерине Окуловой в Киев запрашивала:

«Жив ли Виктор Константинович? Почему не пишет?».

Владимир Ильич и Надежда Константиновна осенью 1901 года узнали, что Курнатовский арестован и содержится в тюрьме. Надежда Константиновна писала Л. Е. Гальперину в Баку: не может ли он спрятаться в Тифлисе, находится ли еще в тюрьме Курнатовский.

«Пусть ему передадут от нас деньги, это наш хороший товарищ, и мы не знаем совсем, в каких условиях он сидит».

К Виктору Константиновичу вернулся слух, но какой-то усе

енный, слышалось избирательно: то близкое, то далекое. На допросах он делал вид, что ничего не слышит, тянул время.

Теперь он хорошо припомнил весь разговор тогда, в парикмахерской. Ротмистр вышел из отдельного кабинета, где его обслуживал сам Акакий — хозяин парикмахерской.

Виктор Константинович услышал слегка скрипучий голос офицера, бросившего уже на ходу какую-то фразу, и мельком отметил необычное его лицо: очень белое, словно обсыпанное мукой.

Молодой парикмахер, назвавший себя «Жоржем», который стриг Курнатовского, необыкновенно общительный, как и полагается разбитному Фигаро, заметил вслед вышедшему офицеру, садившемуся в ожидавший его экипаж:

— Вы знаете, кто это?

Курнатовский пожал плечами, но в разговор вступил Орехов, дожидавшийся тут же. Его Виктор Константинович встречал в Цюрихе, а здесь, в Тифлисе, видел только мельком.

Орехов поспешил высказать свою осведомленность:

— Ротмистр недавно принял в Тифлисе жандармский пост..
Странное лицо — очень белое, как у клоуна, верно?

Курнатовский не ответил: он не обратил на офицера внимания, но Орехов продолжал с живостью:

— А губы красные, как у вампира...

Виктор Константинович усмехнулся:

— Пожалуй, ему так и полагается, помесь клоуна с вампиром...

«Значит... значит, один из двоих провокатор. Парикмахер Жорж? Вряд ли. Орехов!» — вдруг уверенно решил он, словно кто-то ему подсказал... Вспомнилось, что в Женеве он отнесся и Орехову с недоверием. Но потом как-то забыл о нем. А вот недавние аресты... Орехов знал о кружке, он работал в депо счетоводом. Орехов — конечно же, он! Было сообщено на волю об Орехове.

Несмотря на болезненное состояние — лихорадило, мучило расстройство слуха, головные боли, — Курнатовский проявлял великую энергию в организации связей с волей. Метехский замок был среди тюрем царской России «аристократом». Величественная постройка на крутом берегу Куры вознесла высоко в небо все мрачные своды. Толстые стены, сырые казематы, страшный холод даже в летние дни...

Зато на первых порах арестованные чувствовали себя довольно свободно, имели возможность общения. Тотчас наладилась «работа», та систематическая, углубленная партийная работа, ко-

торая уже оправдала себя: овладение теорией, практикой социалистического движения, политические дискуссии. Помощь в самообразовании молодым. Словом, тюремные университеты.

Тюремный режим постепенно ужесточался.

Несмотря на это, удавалось организовать активное общение заключенных. Шли горячие дебаты по вопросам текущей партийной жизни, разгорались страсти.

Годы заключения в Метехском замке оказались для Курнатовского не только порой жестоких физических страданий — холод и сырость буквально разрушали его организм, — но и годами работы для партии. Той работы, которую он вел до ареста. О которой мечтал в своих ссылках.

Сложилась такая обстановка, при которой в древних стенах Метехского замка оказался отряд бесконечно преданных революции людей, обладавших огромным опытом борьбы с самодержавием.

И эта борьба продолжалась другими методами, но с тем же напряжением, с той же отчаянностью, изобретательностью, каждодневным накалом, что и на воле.

Прежде всего была налажена связь между узниками. Курнатовский, Алилуев, Енукидзе, вся группа деятелей тифлисского подполья, схваченных в канун Первого мая 1901 года, установили систематическую связь с привезенным в Метехский замок из бакинской тюрьмы Ладом Кецховели — организатором знаменитой подпольной типографии, носившей конспиративное название «Нина».

Ладом Кецховели находился в особо жестких условиях. Тюремная администрация применила по отношению к нему меры полной изоляции, лишила права на свидания и на получение книг, урезала до предела тюремный паек.

Курнатовский и его товарищи по заключению преодолели строгости охраны и предприняли совместные акции против тюремщиков. Они вмешались и в судьбу Кецховели.

Из тюрьмы политические заключенные наладили связь с волей, с членами Тифлисского и Бакинского комитетов РСДРП. Это удалось сделать благодаря привлечению к организации связи работников типографии метехской тюрьмы, ранее входивших в социал-демократический кружок тифлиских типографских рабочих, которым руководил Кецховели. В тюрьму проникали с воли даже листовки, продолжавшие печататься в подпольной типографии.

Курнатовский, Кецховели, Енукидзе широко развернули работу среди политических заключенных. Опытные агитаторы и

пропагандисты, они сумели создать атмосферу, в которой формировались и укреплялись идейные марксистские позиции. Труд Ленина «Что делать?» и проект программы РСДРП, которые удалось получить узникам Метехского замка, послужили основой политического самообразования на самом высоком уровне. Документы передавались из камеры в камеру. Прямой ответ на вопрос «Что делать?» звал к решительным выступлениям. Он показывал путь революционных интеллигентов, безоговорочно связавших свою судьбу с судьбой рабочего класса. Этот путь вводил от самопожертвования героических одиночек к массовому движению. Привнесение социалистического сознания в стихийное рабочее движение — эта ясно сформулированная задача вдохновила ту часть интеллигентов, которая давно жаждала активного участия в грядущей революции.

Да ведь именно об этом еще тогда, в Шушенском, говорил Владимир Ильич, — вспомнил Курнатовский. Это были отдельные мысли, но уже тогда они складывались в стройное мировоззрение.

Не потому ли, что уже тогда был намечен этот путь, так единодушно и уверенно высказались социал-демократы против «кредо» Кусковой?

Виктор Константинович снова испытывал радость утверждения своих взглядов. Они сейчас получили конкретную форму выражения. Было за что бороться и были силы для этой борьбы...

Горячие споры, воспоминания, иногда стихи звучали в камере. Спокойный, глуховатый голос Курнатовского, его полная достоинства и уверенности манера держаться странным образом действовали на блюстителей тюремного порядка. Надзиратели не решались грубо оборвать беседу в камере, а просительно обращались:

«Господа политические, просьба не шуметь»...

Арестованные сплоченно и бурно выступали против предпринятой тюремным начальством меры — окна закрывались досками, чтобы прекратить обмен записками между этажами.

Кецховели, Курнатовский и Чодришвили возглавили массовый протест против нового ужесточения тюремного режима. Узники стали ломать деревянные щиты, установленные на окнах. Это сопровождалось шумом, выкриками, политическим протестом. «Долой самодержавие!», «Долой произвол тюремщиков!» — разносилось по всей тюрьме.

Поздней ночью и с сугубыми предосторожностями узников доставили на станцию Навтлуг, заперли во избежание эксцессов.

...Застучали колеса, и снова потянулись за окнами горы пашни, деревянные города, убогие деревни.

На север, в глубину Сибири, в жестокие ледяные края...

Но и там была Россия, может быть, ждавшая их, может быть, страна осуществления их надежд и чаяний.

Они не могли проститься с товарищами в тюрьме. Ладо Кецховели был потрясен этим. Он писал брату:

«Что за несчастье! Отняли у меня товарищей. Вчера вечером объявили приговор, их ссылают на четыре года в Восточную Сибирь. Выхватили их неприготовившихся, не простившихся с родными... без одежды, в одной рубашке... нет границ моей скорби и страданию по товарищам...»

И прошло много времени, пока до друзей Ладо дошла горестная весть: Кецховели застрелен в своей камере охранником Метехского замка.





ДОРОГОЙ друг! В своем письме Вы просите меня дать для Грузинской советской энциклопедии «дополнительные сведения о нашем соотечественнике, известном грузинском генетике профессоре Александре Элифановиче Сордиа».

Однако прежде я должен буду сообщить Вам, что письмо Ваше дошло до меня с опозданием, из-за моих старческих недугов я этой осенью не сумел вовремя приехать из деревни в Кутаиси, хотя внуки известили меня о полученном письме. Поэтому приношу Вам свои извинения за то, что запоздал с ответом.

Кроме того, хочу заметить: само упоминание о «дополнительных сведениях» говорит о том, что в Вашем распоряжении имеются и какие-то основные сведения. Чем именно Вы располагаете, мне неизвестно, хотя догадываюсь, что Вы, очевидно, смогли познакомиться с личным делом моего брата, хранящимся в архиве университета, а также с материалами, предоставленными Вам кафедрой, где он когда-то работал.

Наверное, Вам также известны и работы брата

Тенгиз БУАЧИДЗЕ

ИСПОВЕДЬ, ИЛИ ПРОФЕССОР СОРДИА



Повесть

Перевела
Галина КОРНИЛОВА

по вопросам генетики, которые были опубликованы в тридцатых годах в грузинской прессе, и его довольно большая статья, появившаяся в московском философском журнале как раз в то время, когда по вопросу им затронутому, велась оживленная дискуссия.

Вряд ли Вы имели возможность прочесть другие его статьи, напечатанные за границей, в американских и немецких журналах. Зато Вы, наверное, знаете его самую известную книгу «Философские вопросы естествознания», которая вышла в Москве в 1947 году, а спустя двадцать лет переиздана там же.

И последнее, что я должен сказать: сейчас сам я порядком сдал, в этом году мне пошел семьдесят девятый год, поэтому писать мне трудно, я быстро устаю и чаще диктую внукам. И хотя память мне как будто не изменяет, я все же прошу Вас отнестись с осторожностью к этому рассказу о моем брате. Возможно, Вы не все разберете в моем стариковском повествовании или, может быть, я перепутаю фамилии, неточно укажу даты, а кроме того, я ведь могу оказаться и пристрастным. А потому советую Вам использовать этот материал только после его проверки — если у Вас будет такая возможность.

Это все, что я счел нужным предварительно обговорить.

Одновременно хочу принести благодарность руководству Грузинской энциклопедии и всем ее сотрудникам, заботящимся о сохранении памяти о моем брате. Вам хорошо известно, что, к сожалению, мой брат и его деяния принадлежат прошлому, но ведь прошлое живет и сегодня, а сегодняшнее обязательно проявит себя в будущем.

Значит, разумным человеком можно считать того, кто знает эту простую истину и работает, не забывая ни первого, ни второго, ни третьего. И я надеюсь, что в этом и состоит Ваша цель — сказать читателям правду о том, что происходило в прошлом и что происходит сегодня, и дать им тем самым возможность предугадать и то, что совершится в будущем.

А теперь я начинаю свою историю, вернее — историю моего брата...



Оба мы — я и мой брат Александр родились 16 января 1900 года в семье известного в то время кутаисского коммерсанта и благотворителя Эпифана Сордиа.

Когда-то в юности наш отец приехал из Мегрелии в Кутаиси. По какой причине он уехал (или, быть может, бежал) из Мегрелии, нам, детям, он никогда не рассказывал. Подозреваю, что, возможно, он участвовал в каких-то сомнительных делах, — я смутно помню высказанный однажды мамой упрек отцу: почему он избегает своих родственников. В Кутаиси отец занялся торговлей и благодаря природным способностям и энергии вскоре приобрел и имя, и состояние. Ко времени нашего рождения родители уже занимали двухэтажный каменный дом на тогдашней Кузнечной улице (в этом доме сейчас живут четыре семьи, а еще раньше располагался садоводческий техникум). Наш большой двор простирался до высокого берега Риони (сейчас двор немного уменьшился, река постепенно обглодала участок, и позже его обнесли каменной стеной).

Моя мать Тасо (Анастасия) — дочь отставного полковника Лордкипанидзе из селения Вани — была младше отца почти на восемнадцать лет. Она без благословения родителей вышла замуж за нашего неродовитого отца, что тогда считалось довольно скандальным поступком, хотя сейчас такие вещи кажутся смешными.

Родственники матери почти не бывали у нас. Только дедушка Спиридон Лордкипанидзе был необыкновенно привязан к моему брату Александру, которого мы все называли Сандро. Сандро считался его воспитанником, поскольку до поступления в гимназию подолгу жил у деда, а во время учебы проводил у него каждое лето.

Я сказал «необыкновенно привязан», но не поймите, будто любовь дедушки к внуку мне и в самом деле казалась «необыкновенной». Нет, просто наш дед отличался крутым нравом и ко всем родственникам — к жене, к дочери и прочим относился довольно холодно. Он никогда громко не смеялся, да что смеяться — я не помню его улыбающимся. По двору дед всегда хо-

дил с палкой, такой суровый и неприступный, что собака не осмеливалась к нему приласкаться. Кроме того, он был очень вспыльчив. Когда дедушка, отдохнув после обеда, соседи боялись слово громко сказать, ибо хорошо помнили, как однажды дед выскочил из дома с просонок в одном белье и избил какого-то крестьянина за то, что тот громко звал другого.

Что же касается Сандро, то тут дедушка проявлял несвойственную ему мягкость. Он часами просиживал с ним рядом, рассказывая ему сказки, с удивительным терпением учил грамоте. Если же Сандро случалось порой разбудить деда, тот не только не сердился, но ласково целовал мальчика. Как бы Сандро ни проказничал, дед всегда прощал его. Вот Вам примеры: однажды пятилетний Сандро выбрал из лежащего на тахте оружия (стенной ковер, на котором оно обычно висело, вынесли во двор проветривать) старинное, оправленное в серебро ружье, привезенное дедом еще с русско-турецкой войны и особенно любимое им. Он выволок ружье из комнаты (дедушка в это время куда-то отлучился), с грохотом стащил его по лестнице вниз и бросил возле калитки в яму с водой. Представьте, что дедушка ничуть не рассердился, — весь тот день перед дедом, занятым чисткой ружья, сидел внук и безмятежно улыбался ему. А однажды, когда дедушка прилег днем поспать, Сандро утянул с высокого стола его золотые часы с цепочкой, вынес их на улицу и давай толочь камнем!..

Такие его проделки, конечно, нелегко было терпеть не только вспыльчивому, но даже спокойному и уравновешенному человеку. Но дедушка и в тот раз лишь молча погладил внука по щеке, поцеловал в голову и сказал: «У этого мальчика такие глаза, что я не могу на него сердиться».

Несмотря на суровый характер, а может быть, как раз благодаря ему, дедушка был хорошим хозяином. Редко у кого другого в наших краях можно было увидеть такие ухоженные поля и виноградники или такой как у него, выметенный двор. На деда работали временнообязанные крестьяне, а кроме того он нанимал еще и батраков.

— Ты крестьянин, сукин ты сын, значит и работу крестьянскую должен работать, — ласково говорил

дед внуку, обучая его полоть, пахать и ухаживать за фруктовыми деревьями. Спустя много лет Сандро признавался мне: если бы не дедушка Спиридон и его фруктовый сад... если бы я не привил своими руками столько деревьев и кустов и не наблюдал потом годами за результатами этих прививок под руководством дедушки, то вряд ли я когда-нибудь заинтересовался бы вопросами генетики...

2

Мы с Сандро были близнецами (я появился на свет несколькими минутами раньше) и поэтому нас, как всех близнецов, связывала необыкновенная духовная близость.

Семья наша была многочисленной — семеро братьев и сестер (сегодня из них только я один остался в живых). В доме у нас бытовали имеретинско-мегрельские традиции: пища (за границей Сандро все время мечтал о нашем лобио, мегрельском сулгуни и горячем гоми), язык (отец обучил мегрельскому и маму, с нами же в детстве всегда говорил только по-мегрельски, чтобы мы не забыли родной язык), традиционная вежливость, готовность постоять друг за друга, исключительное умение принять и проводить гостей, широкая благотворительность...

Детство наше было вполне обыкновенным. Мы росли настоящими кутаисцами. Правда, семья Сордиа считалась зажиточной, но это обстоятельство никак не отразилось на нашем детстве и впоследствии не сыграло в нашей жизни никакой роли.

Когда я думаю о ранних детских годах, то чаще всего припоминаю вот что: мы с братом босиком бегаем по двору или сидим на разогретом солнцем огромном валуне, лазаем в кустарнике, окликаая друг друга; протекающий за двором Риони, как магнит, влечет нас, но одновременно и пугает. Ведь тогда в городе протекал настоящий, большой Риони... С постройкой РионГЭС он обмелел в черте города почти наполовину.

Плавать мы научились рано, но разлившаяся река

все-таки наводила на нас ужас. Ловля рыбы, беготня по каменистому берегу, чужие фруктовые сады (своих было вдоволь, но!..), бесцельное хождение по овеваемым горячим ветром пыльным улицам Кутаиси, бульвар (мы говорили тогда «бульвард»), городской, фазтоны, рачинцы, спускающиеся с гор для торговли, церковь (и отец, и мать были истинно верующими), Архирейская гора, Мцванеквавила, гора Габашвили... Купаться мы ходили на Цкалцитэла, возле моста был омут...

Помню наши детские игры: отурма, риктапела, лело...

Вспоминается и такой странный случай.

Однажды мы, мальчишки, долго играли среди развалин храма Баграта. Когда зашло солнце, все мы сильно проголодались и разошлись по домам. Дойдя до нашей калитки, я оглянулся — Сандро нигде поблизости не было. Он всегда ходил медленно и постоянно плелся сзади, то начинал разглядывать что-то по дороге, а то шел, опустив голову, задумавшись о своем.

Подожду его, подумал я и прислонился к дереву перед нашей калиткой. Жду, жду, его не видно. Я был голоден и разозлился. Не мог решить, идти ли мне домой или же бежать на поиски брата. Возвратиться домой без Сандро я не рискнул. Побежал назад, и что же? Сандро стоит в придорожных кустах и, как сумасшедший, машет руками. Когда я издали его окликнул, что, мол, ты там делаешь, он вздрогнул и обернулся, сердито крикнул мне: не приближайся, спугнешь! Я остановился и стал смотреть, как он крутится на месте, машет в воздухе руками и будто что-то ловит. «Что ты ловишь?» — крикнул я опять. Он ничего не ответил и, ворча, направился ко мне. По сей день я не знаю, что именно он там ловил... Почему человеческая память удерживает такие бессмысленные картины, а те, что понастоящему значительны, забывает без следа? Эта сцена — маленький Сандро кружится в придорожных кустах и с увлечением ловит над головой... воздух — осталась в моей памяти как какой-то символ.

Когда у нас появились младшие братья и сестры, нашей с Сандро свободе пришел конец. Сначала родилась Софико, потом брат Владимир, или Лади (он был назван в честь Ладо Месхишвили), потом еще один

брат — Илико, потом подряд одна за другой сестры Анико и Нино. После того как все они немного подросли, наши прогулки с братом ограничивались уже территорией дома: большей частью мы играли теперь во дворе или на балконе.

Я уже, кажется, упоминал, что наши родители были истинно верующими. Но это вовсе не означает, что они дневали и ночевали в церкви. Их отношение к религии было довольно своеобразным. Например, в нашей семье праздновали лишь пасху, рождество и крещение. Особое значение родители придавали пасхе. Мы, дети, никогда не пропускали всенощную. Пока мы были маленькими, религия, пожалуй, сильно влияла на наши юные души. Но когда мы подросли, она утратила для нас свою таинственную привлекательность. Не знаю, характерно ли это для грузин вообще или это черта только нашей семьи. В гимназии к молитвам мы были совершенно равнодушны — относились к ним лишь формально. Когда мы были в третьем классе, Сандро сообщил мне по секрету, что он атеист. Я не удивился и не возмущился. Родители не заставляли нас ходить в церковь. Вообще в те времена повсеместно наблюдалось довольно равнодушное отношение к религии, большинство только тогда вспоминало о ней, когда происходили какие-нибудь особые события: рождение или смерть, освящение или свадьба. Нас религиозные проблемы волновали мало, хотя у мамы в комнате висели старинные иконы и перед ними всегда горела маленькая лампада...

Мы с Сандро в детстве были светловолосыми (в отца), но постепенно наши волосы потемнели, в особенности у меня. Голубые глаза Сандро смотрели наивно и даже с какой-то беспомощностью, и каждый, встречаясь с ним взглядом, невольно думал: этот мальчик никогда не сумеет солгать.

Так оно и было на самом деле.

Когда он бросил ружье деда в яму с водой, он тотчас сам же во всем признался, сам же привел деда к месту преступления и еще объяснил свой поступок: «Я боялся этого ружья, по ночам мне казалось, что кто-то целится в меня». Когда же его спросили, почему он

бил камнем по часам, он ответил: «Часы так громко тикали, что я испугался, как бы они не разбудили дедушку». — «Поэтому их надо было истолочь?» — спросили его. «Но ведь иначе я не сумел бы заставить их замолчать», — ответил маленький Сандро так чистосердечно, что все в конце концов поверили в благую цель его действий...

Я лицом больше походил на маму. Ростом сперва я был выше Сандро, но потом он меня догнал и обогнал. В молодости он зачесывал свои каштановые волосы назад и носил, согласно тогдашней моде, маленькую бородку и усы. Я тоже был высоким (сейчас, увы, годы согнули меня вдвое!), но Сандро был выше меня. Однажды в детстве я упал возле соседского колодца и носом ударился о камень. В результате на переносице у меня появилась довольно большая горбинка. У Сандро же нос был точеный — мегрельский, как мы, братья и сестры, дразнили его. Если Сандро был любимчиком деда, а потом и отца, то я скорее мог бы считаться маменькиным сынком.

3

Несколько слов я скажу и о наших родителях. Более или менее знакомый с генетикой, я сейчас, в старости, все еще хочу разобраться в том, какие именно гены матери и отца передались нам, братьям.

Как я уже говорил, наш отец был человек прозорливого ума и необыкновенной энергии — он никогда не знал покоя. Когда мы думали, что он находится в Кутаиси, он оказывался то в Поти, то в Батуми, то в Тбилиси, а то и во Владикавказе. Он ездил по делам в Персию и в Турцию, несколько раз бывал в Петербурге, в Вильно, Варшаве.

К нему поступали товары от многих российских и иностранных фирм. Поначалу он торговал в основном мануфактурой, шелковыми, бумажными и шерстяными тканями. Позже стал торговать и готовыми кожаными изделиями. Кожаные пальто и так называемые «тужурки» первым в Западную Грузию завез именно отец. В последние годы он стал завозить и резиновую обувь, на которую возник большой спрос, — сапоги, боты, калоши. У отца было несколько магазинов в самом Кута-

исн и по уезду, магазины в Поти и Батуми и филиалы в различных деревнях (в Хони, Самтредиа, Квириле, Чиа-тура, Сенаки и Мартвили). Впрочем, «филиалы» — это, конечно, сильно сказано, в действительности это были обыкновенные сельские лавки. Перед первой мировой войной «Торговая фирма Эпифана Сордиа» приобрела особенно широкую известность, она в некотором роде даже конкурировала со знаменитым торговым домом Поракишвили в Тбилиси.

Отец был человеком строгих правил. Он никогда не нарушал раз и навсегда установленного, если употребить сегодняшнее выражение, «режима дня». Всегда вставал раньше всех, обходил дом, выходил во двор и там тоже все внимательно осматривал. После легкого завтрака садился за письменный стол в своем кабинете (тот стол сейчас, кажется, стоит в кутаисском горисполкоме, он представляет собой замечательную работу русского мастера прошлого века). Все важные деловые бумаги отец писал собственноручно на русском и грузинском языках очень четким и ясным почерком.

К десяти часам приходил Гено Гогоберидзе, двадцатилетний юноша, окончивший гимназию, который обладал необычайно низким голосом и слабым здоровьем (он вскоре умер, и этот факт привел нас, детей, в настоящий ужас; после него стал приходиться другой «клерк», но навсегда в нашей памяти остался Гено, худой безусый парень с воскового цвета лицом, с низким голосом, который шел не из горла, а откуда-то из глубины, из желудка, что ли). Под руководством отца Гено набело переписывал документы своим «писарским почерком».

После завтрака (который с нами разделял и Гено), часов в одиннадцать, отец уходил из дому. Мы называли это «нанесением визитов». В свои магазины отец, кажется, никогда не заглядывал, словно там его ничего не касалось и не интересовало. И мать, и мы, дети, тоже никогда там не бывали (нам было запрещено это отцом). Там был иной мир.

От других мы знали, что в наших магазинах царил образцовый порядок — никому и в голову не пришло бы обманывать и обсчитывать клиентов. Это ведь, сра-

зу бы подорвало репутацию фирмы и обрадовало конкурентов — основное внимание уделялось привлечению покупателей, их обслуживанию, престижу фирмы. Однажды мы краем уха слышали, как отец говорил о необходимости внедрения европейских правил торговли. Вообще о своих торговых делах отец в нашем присутствии никогда не говорил, сказанную им фразу мы — я и Сандро — услышали случайно и потом долго обсуждали, что означает «европейские правила торговли». К приказчикам, администраторам, продавцам и другим служащим фирмы, замеченным в нечестном и невежливом обращении с клиентами, отец был чрезмерно строг. Некоторые из уволенных иногда приходили к маме просить, чтобы она заступилась за них, но на нашей памяти мама в дела отца никогда не вмешивалась. Зато отец делал все возможное, чтобы помочь попавшему в беду преданному ему честному служащему, всячески поддерживал его и в дальнейшем никогда не забывал (тогда мы думали, что нашего отца все любят так же, как любили его мы, дети).

К двум-трем часам отец, как правило, возвращался домой, и тогда начинался «прием». Появлялись деловые люди: грузины, русские, иногда и иностранцы, начинались долгие беседы, при которых ни мать, ни дети никогда не присутствовали. Некоторые гости оставались и обедать, в таких случаях накрывали стол в зале. На эти обеды нас, детей, не допускали, мама же выходила к гостям на короткое время, и то не всегда.

По воскресеньям устраивался прием представителей кутаисской общественности. На этих приемах бывали и мы. Приходили гласные городской управы, служащие банка, грузинское офицерство, местные писатели, поэты и артисты, основатели грузинской гимназии Иосиф Оцхели и Силован Хундадзе, доктор Назаришвили, приезжие из Тбилиси поэты и артисты. Я не помню, чтобы в такие дни у нас было меньше двадцати-двадцати пяти человек гостей. Всегда бывало очень весело: турнир поэтов, шарады, граммофонная музыка и гитара, нарды, карты, шахматы.

Отец играл только в нарды и шахматы, почти не пил и в течение всего вечера довольствовался одной небольшой рюмкой сараджишвилевского коньяка, зато прекрасно играл на гитаре и пел вместе с мамой. Между

прочим, именно в нашей семье мы впервые услышали пение впоследствии знаменитых сестер Ишхнели... 9419359240 0011010333

На таких вечерах у нас бывал и Акакий Церетели (ниже я расскажу о его юбилее), смутно помню приезд Важа Пшавела, бывал у нас и молодой Галактион Табидзе, приходил Георгий Зданевич, заглядывал Кита Абашидзе. Но в моей памяти все эти эпизоды как-то стерлись (Сандро это помнил лучше меня), зато я не могу забыть одного вечера, когда в разгар застолья к нам в дом внезапно с великолепным пением вошли Паоло Иашвили и его друзья... Такие вечера, за редким исключением, кончались довольно рано, обычно к двенадцати часам в доме уже наступала тишина. Нам же, детям, достаточно было одного выразительного взгляда матери или отца, чтобы в девять (летом — в десять) часов беспрекословно отправиться к себе в спальню.

Редкая целеустремленность и, как сейчас говорят, способность внутренней мобилизации, присущие Сандро, безусловно, были унаследованы от отца, а душевная чистота, сердечность и своеобразная наивность, видимо, перешли к нему от мамы. Его голубые глаза излучали удивление и одновременно любознательность, которая распространялась на все неизвестные ему предметы и явления. К тому же он еще имел необыкновенно чувствительное сердце...

4

Перед тем как начать рассказ о нашей матери, я хотел бы упомянуть одного человека, неизвестно какими узами связанного с отцом. Мосэ из Кулаши — так мы все его называли, старый и мудрый грузинский еврей, фамилии которого, к сожалению, мы, дети, тогда не знали, позднее же, когда она стала нам известна, мы не сумели связать запечатлевшийся в памяти образ с этой фамилией, потому для нас он навсегда остался «Мосэ из Кулаши». Случается иногда и такое.

Сначала о его внешности. Насколько я помню, это был представительный мужчина, довольно пожилой (примерно моего теперешнего возраста), украшенный

длинной белой бородой, с очень густыми бровями и с необыкновенно выразительными длинными пальцами. Когда батони Мосэ (так обращались к нему наши родители) опускался в глубокое кресло и складывал, по обыкновению, руки на животе, мы, дети, смотрели не на его лицо, а на его удивительные пальцы. Эти пальцы начинали «разговаривать» еще до того, как сам он начинал говорить, выражая удивление, недовольство, удовлетворение или простое внимание. Он так многозначительно растопыривал их или сжимал в кулак, что нам казалось: мы уже знаем, какие слова сейчас скажет батони Мосэ. Но каждый раз мы ошибались!

Нас очень увлекало это занятие — наблюдать неожиданный контраст между тем, что выражали его руки, и словами, сказанными стариком. Наверное, потому мы с Сандро придумали тогда такую игру: движением пальцев, рук или кивком головы мы выражали знак согласия, а словами — отрицание. Это было очень трудно проделать, и, глядя друг на друга, мы часто заливались смехом...

Мы не могли, разумеется, знать, что связывало отца с батони Мосэ, совершенно очевидно было лишь то, что отец всегда относился к старику с глубоким вниманием и уважением. И когда раз в два месяца или раз в месяц батони Мосэ приезжал из Кулаши, двери нашего дома в тот день для всех других были закрыты. Отец и батони Мосэ запирались в кабинете, их разговор длился три-четыре часа, а потом мы все вместе обедали, и гостя угощали специально для него приготовленными блюдами.

Иногда батони Мосэ беседовал с нами, детьми, или с нашей матерью. Беседовал всегда степенно, немногословно, но так интересно, что и мы, непоседливые и рассеянные дети, тоже понимали: в кресле сидит мудрый старец, произносящий каждое свое слово четко, размеренно и вместе с тем с такой уверенностью, что сказанное им приобретет гораздо больший смысл, чем то же самое, сказанное кем-либо другим.

Батони Мосэ, как видно, сам уже не занимался торговлей. У него было три сына в разных городах Российской империи (один жил в Варшаве, и с ним в конце двадцатых годов встретился Сандро, но об этом я расскажу позже), и, видимо, все они присылали отцу

деньги. Однажды беседуя с мамой, батони Мосэ произнес фразу: «Живу на пенсию от сыновей».

Сандро и я слышали от него много историй о грузинских евреях. Однажды он сказал нам: «Прочтите, дети, ваше «Картлис цховреба»¹, вместе с грузинами во Мцхета там упоминаемся и мы, также обитавшие в Занави, и вот все эти двадцать-двадцать пять веков мы верны вам, грузинам. Грузия — и наша родина, ваши болячки — наша боль, а радости — наша радость, и язык мы ваш усвоили, и обычаи. Если еврей предан вам, то знайте, — если даже в муках из него душу вынут, целиком изрежут на части, бросят на растерзание собакам, он не изменит, не продаст. Ваш отец большой человек, он национальный коммерсант и зачинатель многих добрых дел, всегда готовый помочь и поддержать человека. Берите с него пример, дорогие мои...» И мы гордились своим отцом...

Батони Мосэ был, очевидно, доверенным лицом отца или, быть может, когда отец в молодости только начинал свое дело, он оказал ему какую-то важную услугу. Другой причины для близости Мосэ из Кулаши с нашей семьей ни я, ни Сандро не могли отыскать.

5

Я уже говорил Вам, что мама была значительно моложе отца. Зимой 1899 года семнадцати лет от роду она вышла замуж за тридцатипятилетнего мужчину. Они тайно обвенчались в Хони.

Глядя на прошлое теперешними глазами, я могу догадаться и о том, что мама была в значительной степени воспитана отцом. И хотя она до конца жизни сохранила сладкоречивый нижеимеретинский выговор, в отличие от отца, который говорил подчеркнуто правильным грузинским языком, все остальные качества ее характера — склонность к практической деятельности, логика суждений, своеобразная прозорливость, подчеркнутая простота, полное игнорирование сословных привилегий (кроме одного случая, когда это касалось нас,

¹ «Картлис цховреба» («Житие Грузии») — летопись Грузии.

меня и Сандро) и расчет только на собственные силы и способности — были, несомненно, привиты ей отцом или же произвольно усвоены от него же.

Только с одним не сумела справиться волевая натура отца в природе мамы: с той странной меланхолией, в которую та иногда погружалась без каких-либо видимых причин. Не знаю в точности, что это такое было, но два-три раза в год мама на несколько дней заперлась в затемненной комнате и, устремив взор в потолок, часами лежала не шевелясь. Она ни с кем не разговаривала, не принимала пищу и словно целиком отстранялась от окружающего мира. Я думаю, что это было генетически обусловленное какое-то необъяснимое свойство природы (ведь много лет спустя и с Сандро случилось нечто подобное...)

Несмотря на то, что она родила семерых детей, мама оставалась всегда хрупкой, грациозной женщиной. У нее были темно-карие сверкающие глаза, нос с маленькой горбинкой. Когда она распускала свои каштанового цвета косы, волосы почти достигали щиколоток, однако, по тогдашней моде, они всегда были собраны у нее на затылке и спрятаны под мандили¹.

От нашей сестры Софики мы узнали (она же, наверное, слышала это от мамы), как поженились наши родители.

Мама тогда училась в заведении святой Нины, которое, наряду с другими меценатами, финансировал и наш отец. Встреча их произошла на одном из торжественных актов заведения, где вместе с другими представителями общественности Кутаиси как почетный гость присутствовал и отец. Потом они еще два или три раза встречались друг с другом, и между ними возникла духовная близость, которая постепенно переросла в обоюдную сильную любовь.

Сегодня мне кажутся немного странными такие романтические отношения между семнадцатилетней девушкой и зрелым мужчиной. Но ведь известно, что для настоящего чувства не существует ни возрастных, ни сословных барьеров, наоборот, иногда препятствующие обстоятельства еще более усиливают и углубляют взаимное влечение.

¹ Мандили — женский головной убор из тюля.

В тот год на рождественские каникулы мама поехала в деревню к родителям. Она должна была вернуться обратно в заведение после Нового года, но вместо этого оказалась в доме нашего отца. На кутаисской дороге, в заранее условленном месте, отец встретил фаэтон, в котором ехала мама, и дальше оба они отправились совершенно в другом направлении.

После венчания, на котором присутствовало всего несколько близких отцу людей, а со стороны матери — ее дальняя родственница, тетя Тэолинэ Агиашвили, молодожены поехали прямо на квартиру отца в Кутаиси.

Отец послал нескольких почтенных кутаисцев к родителям матери, но рассерженный на непокорную дочь и на «торгаша», ставшего его зятем, дед от встречи и примирения категорически отказался. Бабушка наша оплакала дочь и облачилась в траур.

Только спустя год, когда родились я и Сандро, произошло формальное примирение, причем с условием, что одного мальчика — Сандро — будет воспитывать дед. Но и в дальнейшем взаимоотношения отца и деда так и остались холодными, и, как я уже говорил, они очень редко, может быть, всего раз в год, навещали друг друга. Лишь когда скончалась бабушка, мама почти целый год провела с отцом и только по энергичному настоянию мужа вернулась в Кутаиси.

Тогда, в детстве, я не очень обращал на все это внимание, но сейчас эти воспоминания рождают во мне чувство удивления и невольной обиды: чего они не могли поделить?

Мама была счастлива с отцом, который сумел создать обеспеченную и дружную семью, дед тоже не был беден. Я думаю, причиной таких их взаимоотношений были сословные предрассудки, в первую очередь со стороны родных матери.

Неужели они не чувствовали приближающихся катастроф?

Первой такой катастрофой была русско-японская война, а потом последовали тогдашние революционные выступления, которые на некоторое время создали угрозу благосостоянию как нашего деда, так и отца.

На той войне погиб старший сын деда, штабс-ка-

питан Александр Лордкипанидзе (для нас, детей, совершенно незнакомый дядя). Бабушка не смогла пережить этого...

А дальше уже события покатились лавиной.

Так что же им было делить?!

Во время событий 1905 — 1906 годов мы были еще совсем маленькими, и лично я ничего не помню, кроме страха, когда мама запрещала мне и Сандро выходить за пределы двора, так как по уютным улочкам Кутаиси носились казаки с нагайками и саблями и готовые к драке демонстранты, в основном молодежь, размахивая самодельными красными знаменами и плакатами...

6

Сейчас уже, наверное, одни лишь специалисты-исследователи знают о том, какую значительную роль сыграли Иосиф Оцхели и вся Кутаисская грузинская гимназия в духовной жизни нашего народа.

Там воспитывалась большая группа грузинской интеллигенции, лишь часть которой (очень маленькая, так как не только естественная смерть вырывала из ее рядов свои жертвы) донесла до наших семидесятых годов усвоенные в той гимназии идеалы беззаветного служения народу, честность и бескорыстие.

Меня и Сандро определили в Кутаисскую грузинскую гимназию в 1908 году.

Гимназия, правда, именовалась «дворянской», но в ней училось и множество «простых» детей. Поверьте документу, копия которого хранится у меня: в период нашей учебы из восьмисот пятидесяти учащихся гимназии около пятидесяти были княжеского рода, пятьсот — дворян, до семидесяти — духовного сословия, около двадцати — из горожан и купечества (к этому сословию принадлежали и мы с братом), сто пятьдесят — детей крестьян (разве это маленькая цифра?) и около шестидесяти — выходцев из семей чиновников и других.

Со всей ответственностью я должен Вам заявить, что между учащимися, как и во взаимоотношениях с ними преподавателей, не существовало каких-либо сословных различий, нельзя было заметить разницу меж-

ду князем и крестьянином. Только тот, кто проявлял способности и прилежание в учении, был примером, только того выделяли. И сейчас пусть какой-нибудь историк возьмет и подсчитает, сколько детей крестьян, воспитанников Кутаисской гимназии, стали видными общественными деятелями, полезными для родины людьми.

Исключительную заботу об этом проявлял именно Иосиф Оцхели.

Я и Сандро были хорошо подготовлены к гимназии, нас приняли без всяких колебаний и препятствий. Вероятно, сыграло роль еще и то обстоятельство, что мой отец совместно с банком финансировал строительство нового здания гимназии и, кроме того, полностью вносил плату за наше обучение.

Как раз в это время и произошел тот эпизод, о котором я упомянул выше. В присутствии нескольких гостей, когда отца не было дома, мама не сумела сдержаться, услышав вопрос одного из приезжих гостей о том, не помешают ли ее детям при поступлении в гимназию существующие сословные ограничения. Мама вскочила с места, лицо у нее покраснелось, и она с таким волнением начала говорить, что мы с Сандро, напуганные столь несвойственной нашей ласковой и спокойной маме вспыльчивостью, притаились в одном из углов залы и оттуда внимательно слушали ее.

— Милостивый государь! — твердо и с достоинством, слегка дрожащим от волнения голосом произнесла мама. — Милостивый государь! Не забыли ли вы, что находитесь в благородной грузинской семье? Не забыли ли вы, что в жилах моих сыновей струится и кровь грузинских дворян, смешанная с кровью того сословия, которое во все времена было спасителем нашей несчастной родины и стало основанием для ее возрождения? Не забываете ли вы о том, что если бы честный грузинский коммерсант Эпифан Сордиа придавал какое-либо значение формальностям, он за свои подлинные заслуги легко мог бы получить дворянское звание? Ну-ка, окиньте взглядом новый Кутаиси, осталось ли хоть одно полезное общенародное дело без внимания и помощи моего супруга, его труда и самопожертвования?

Тенгиз Буачидзе. Исповедь, или Профессор Сордиа.

Он давно доказал делом, что является куда более истинным патриотом, чем некоторые наши ветреные дворяне, которые для народного блага и рукой не шевельнули, не потратили и медного гроша! Более того, они еще написали тайный донос на преданного национальному делу Иосифа Оцхели!

Мама быстро прошла в кабинет отца и через минуту вернулась в зал, размахивая какой-то бумагой.

— Вот у меня в руках копия этого позорного заявления, удивительного свидетельства темноты некоторой части нашего дворянства, их убогости и умственной слабости... Вот послушайте, что пишут эти господа его превосходительству попечителю Кавказского учебного округа, — мама расправила бумагу и с тем же волнением начала читать: — «Мы, нижеподписавшиеся, просим обратить Ваше внимание на кутаисскую дворянскую школу. Местный комитет доверил должность инспектора школы человеку, хотя и имеющему высшее образование, но не православного вероисповедания... Иосиф Оцхели убежденный католик... Мы, дворяне, желаем воспитать наших детей в духе русского православия... Не оставьте нашу просьбу без внимания, как не оставляете без своих забот и другие православные школы»... Они требуют отстранить Оцхели! Подписывается пятнадцать дворян! Вот они, ваши передовые и благородные соотечественники! — повысила голос мама. — Нет, они — апостолы царства тьмы, и иногда мне стыдно, что я тоже принадлежу к их сословию!..

Этот взрыв, возможно, был неожиданным и для самой мамы. Она тотчас же успокоилась, извинилась перед гостями и, сославшись на головную боль, вышла из залы. Почему-то испуганные и пристыженные гости тоже вскоре разошлись. Эта история, оказывается, получила широкую огласку в городе...

Вероятно, взволнованная речь мамы адресовалась не только к находившимся там гостям и была вызвана не только неосторожным вопросом приезжего человека. Может быть, мама отвечала одновременно и нашему деду, который, должно быть, не раз укорял ее за то, что она вышла замуж за «безродного» и осрамила благородную семью. А может быть, и наш дед тоже

подписался под этим позорным доносом (от человека с его характером можно было всего ожидать), и это еще больше рассердило маму? Кто знает...

7

В гимназию нас приняли сразу, хотя как раньше, так и теперь из-за большого количества желающих вопрос о приеме ученика иногда решался жеребьевкой.

В то время, когда мы туда поступили, гимназия помещалась еще в старом здании.

Именно тогда благодаря энергии Иосифа Оцхели школа утвердила за собой статус гимназии, которой, как воздух, требовалось новое здание.

Как потом мы узнали от мамы, Иосиф Оцхели и Силован Хундадзе при содействии тогдашнего предводителя дворянства Даты Нижарадзе и известного общественного деятеля Кирилэ Лордкипанидзе приобрели на Гегутской (ныне ул. Цулукидзе) улице обширный земельный участок и пригласили для составления проекта специалистов во главе с инженером-архитектором Сахаровым (имени его я не помню).

Педагоги и учащиеся вместе со множеством других кутаисцев работали в карьере, который находился в конце Лечхумской улицы, добывая камень для строительства здания нашей гимназии.

Благодаря большим частным пожертвованиям (наш отец, разумеется, не отставал от других), помощи банка и личной инициативе Даты Нижарадзе было наконец выстроено прекрасное двухэтажное здание Кутаисской грузинской гимназии. В 1913 году мы отпраздновали новоселье.

Но до того момента произошло еще много событий, и я, если только еще не очень утомил Вас, хотел бы о них рассказать.

О праздновании юбилея Акакия Церетели в Кутаиси написано уже много воспоминаний. Я его помню по моим детским впечатлениям (тогда нам с братом, первоклассникам грузинской гимназии, исполнилось по восемь лет).

Чествованием Акакия в Кутаиси руководил извест-


ный писатель, военный (кажется, полковник) Давид Клдиашвили. В те времена он был частым гостем нашей семьи. Этот невысокий, худощавый, очень подвижный мужчина дружил с отцом. Мы, дети, тогда о его писательстве не имели понятия, нас в основном привлекал ловко сидящий на нем мундир с золотыми погонами.

Накануне юбилея отцу принесли от батони Давида пригласительный билет. Глубоко взволнованные, я, Сандро и Софиго—уже «разумные» дети—не спали всю ночь. Мы вскочили рано утром и с помощью мамы стали наряжаться специально для праздника.

В Кутаиси был знаменитый извозчик Димитрий Мелиа. Иногда он, к нашей великой радости, сажал меня и Сандро в свой прекрасный фаэтон. Мы, как и все дети в городе, называли его «дядей Мелиа»¹ и, бывало, с криками бежали вдогонку за его фаэтоном. Нам хотелось, чтобы он немного покатал нас. Некоторые мальчишки тихо подкрадывались к фаэтону, искусно цеплялись за задок и катались в свое удовольствие, пока извозчик их не замечал. Я и Сандро этого делать не осмеливались, особенно после одного случая. Когда, по примеру других ребят, мы прицепились к фаэтону Мелиа, кони почему-то испугались и понесли, а мы с Сандро оказались лежащими в пыли посреди мостовой. Перепуганный извозчик подскочил к нам, поднял и, заботливо отряхивая нашу одежду, с беспокойством несколько раз спросил, не повредили ли мы чего-либо себе. Потом рассказал обо всем отцу, и отец, разумеется, строго-настрого запретил нам такие развлечения. В Кутаиси было много и других фаэтонов и извозчиков, но Мелиа был знаменит тем, что однажды возил приехавшего в наши края императора Александра Третьего...

Утром в день праздника отец повел меня, Сандро и Софиго к театру. Празднично убранные улицы были забиты народом. Вдруг вдаль показался экипаж Мелиа. Но нет, на этот раз это был не тот знакомый всем нам экипаж, а ландо губернатора Кутаисской губернии, на козлах которого восседал одетый во все белое Димитрий Мелиа. Его белая борода красиво лежала на

¹ Мелиа — лисица (груз.).



груди, в украшенное белыми лентами ландо были впряжены белые кони, а Акакий, тоже с белой бородой, с белыми волосами, сидел, величественный, торжественный, опираясь обеими руками на палку, и был похож на улыбающегося бога...

По обе стороны от него, на подножках ландо стояли мэр города Давид Лордкипанидзе (дальний родственник нашей мамы) и председатель юбилейной комиссии Мосэ Кикодзе (он был знакомым отца и бывал у нас в гостях, поэтому и его мы знали в лицо).

Эта картина по сей день не изгладилась из моей памяти и по-прежнему волнует меня: гремели крики «ура», раздавались возгласы, аплодисменты, летели вверх шапки и цветы, а посреди забитой народом улицы медленно катилось белое ландо. Вокруг царило необыкновенное, праздничное настроение, которое передавалось и нам, детям. Безгранично счастливые оттого, что у нас, грузин, есть такой великий человек, как Акакий Церетели (эти слова отца навеки остались в памяти у нас троих), мы тоже что-то кричали, прыгали и размахивали руками. Отец стоял тут же, рядом, и улыбаясь смотрел на нас, тоже радостный и взволнованный...

Когда ландо приблизилось к театру, гимназисты остановили его, выпрягли лошадей, впряглись сами и покатали ландо к дверям театра. Отец вошел внутрь, мы же побежали домой, где мама готовилась к большому торжеству, которое должно было состояться в ту ночь у нас. Во многих кутаисских семьях остановились приехавшие на юбилей гости, всех захватило величие того навечно оставшегося в памяти национального праздника...

8

Кутаисская грузинская гимназия... Мне не забыть те годы, которые мы провели в ее стенах, беготню по ее широким и солнечным коридорам или вприпрыжку вверх и вниз по ее лестницам, занятия в ее светлых классах с высокими потолками, прогулки по ее вечно-зеленому двору...

Тенгиз Буачидзе. Исповедь, или Профессор Сордиа.

Порой я снова вижу себя маленьким мальчиком, стоящим у дверей какой-нибудь классной комнаты. Я представляю, как выходит из своего небольшого кабинета рослый мужчина — Иосиф Оцхели, всегда стоявший на страже любимого дела. Своих детей у него не было, но он так заботился об учащихся, как иной раз отец не заботится о своих родных сыновьях... С волнением смотрю я на тяжело шагающего по коридору, погруженного в задумчивость человека, блестящего оратора и патриота, который всегда гордился своим местным происхождением... От старших учеников я уже слышал, что он был замечательным знатоком математики, прекрасно разбирался в биологии, истории и философии. Каждое его выступление в актовом зале гимназии оказывалось демонстрацией красноречия и патриотизма...

В пору насильственной русификации Грузии, проводимой царским правительством, Кутаисская гимназия спланировала вокруг себя юношей из разных уголков Западной Грузии, взращивая в их сердцах любовь к родине и чувство национальной гордости, которое никогда не осквернялось мыслью об исключительности грузинского народа.

Наоборот, мы с особым теплом и любовью относились к достойным сынам других народов, нашим соученикам, и даже малейшее проявление национального гнета вызывало во всех нас, гимназистах и преподавателях, искреннее возмущение и желание противоборствовать этому.

Расскажу об одном нашумевшем событии, связанном с именем инспектора К. Событие это совпало с началом первой мировой войны. Около ста учащихся нашей гимназии готовились к выпускным экзаменам. Попечитель учебного округа в качестве инспектора прислал некоего «великодержавника» К. Чтобы скомпрометировать грузинскую гимназию, которая всегда находилась на одном из первых мест в учебном округе, К. решил на экзамене безжалостно «резать» учащихся. Он достиг бы цели, если бы не вызвал своими антипедагогическими действиями возмущение учеников и преподавателей. Инспектора К. фактически отстранили от экзаменов. Разъяренный Иосиф Оцхели лишь благодаря огромной силе воли сумел взять себя в ру-



ки. Внешне спокойно, но с явным отвращением он публично заявил царскому чиновнику-шовинисту:

— Вы в своей наглости слишком высоко задираете голову, сударь, вы желаете получить повышение, но мы не принесем вам в жертву своих учеников! Нам не нужны ваши дипломы, вы можете отправляться к тому, кто прислал вас сюда.

Попечитель округа вынужден был отозвать инспектора, но свое недовольство позже выместил на руководстве гимназии: он отстранил от должности и Иосифа Оцхели, и его заместителя Силована Хундадзе. Оцхели, правда, вскоре восстановили, но в результате всей этой истории из ста выпускников в том году аттестат зрелости получили только тридцать девять.

Возмутительные действия черносотенца К. заставили заговорить о нем весь Кутаиси. Трудно сказать, что могло бы ожидать К., но все заботились о престиже грузинской гимназии, о ее будущем, и потому инспектор покинул Кутаиси без особого для себя ущерба.

В том же году началась и большая война...

9

Иосиф Оцхели имел обыкновение вести с учениками личные беседы. Во время этих бесед он знакомился с делами их семей, с их заботами и радостями. Нуждающимся, особенно приехавшим из деревень детям бедных крестьян, Оцхели всячески помогал — деньгами, продуктами, советами, ему даже случалось самому относить больным лекарства.

Когда Оцхели обратил внимание на прилежание и большие способности Сандро, он тут же приблизил к себе юношу. Раз в неделю Сандро ходил к учителю на квартиру и всегда возвращался оттуда взволнованным, с горящими глазами. Он приносил с собой русские и иностранные книги и журналы (мы с братом хорошо знали немецкий, а позже Сандро легко овладел и английским), которые запоем читал по целым неделям.

О чем же беседовали они — человек, обладающий огромными знаниями, и юный Сандро? Оказывается, о сельском хозяйстве, агрономии, биологии. Тогда в ку-

таисском обществе было широко распространено мнение о необходимости подготовки национальных кадров для преобразования на научной основе сельского хозяйства Грузии.

Результатом этих бесед и было увлечение Сандро генетикой — совсем юной по тем временам наукой, о которой Иосиф Оцхели знал немало.

В годы первой мировой войны в Российскую империю почти не поступала научная информация из-за границы, поэтому Оцхели располагал фактами, обнаруженными до 1914 года.

Как позже рассказывал мне брат, учитель беседовал с ним об эволюционной теории Дарвина, о происхождении генетики и о тогдашнем ее состоянии. Оказывается, сначала генетика вообще не называлась «генетикой». Этот термин только в 1906 году предложил английский ученый Бэтсон, а такие важные понятия, как «ген», «генотип», «фенотип», ввел в обиход датский биолог Йохансен в 1909 году. Основоположником этой науки, как мы узнали, считается австрийский ученый Грегор Мендель, который в течение восьми лет, в пятидесятых-шестидесятых годах прошлого столетия, на маленьком участке монастырского сада города Брно проводил опыты на кустах гороха. В результате этих опытов он первым в мире смог обнаружить классический закон наследственности и изменчивости, всеобщий для живой природы нашей планеты.

Большое впечатление произвело на наши чувствительные юношеские души то драматическое и совершенно необъяснимое обстоятельство, что гениальное открытие Менделя в биологической науке тех лет прошло незамеченным. Сам великий Дарвин, размышлявший о законах наследственности в связи со своей эволюционной теорией, тоже ничего не знал об открытии Менделя.

Как известно, Дарвин считал, что видоизменение организмов происходит тогда, когда они набирают достаточное количество случайных мелких изменений, передаваемых потом по наследству. В результате накопления таких изменений входит в силу закон естественного отбора, согласно которому организмы, приспособленные к окружающей среде, выживают, а менее приспособленные погибают.

Эволюционная теория Дарвина подверглась нападкам. Враги ее доказывали, что наследственные изменения происходят только в отдельных организмах и не могут накапливаться, поскольку каждое новое скрещивание с другим организмом вызывает ослабление видоизмененного наследства одного родителя под влиянием неизменного наследства другого. И, значит, дарвинская теория естественного отбора и эволюции является ошибочной. Однако противники Дарвина не знали того, что накопленные свойства в неизменном виде все-таки передавались по наследству, правда, в различных комбинациях, закономерность которых установил именно Мендель. Таким образом, независимо от практических опытов Менделя, теоретические суждения Дарвина были правильными!

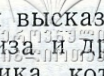
Я и Сандро даже не могли себе представить, что нас могут так увлечь на первый взгляд столь отвлеченные научные вопросы.

Только спустя тридцать пять лет после опубликования трудов Грегора Менделя и спустя шестнадцать лет после его смерти трое европейских ученых — голландец Хуго де Фриз, немец Карл Корренс и австриец Эрих Чермак — одновременно и независимо друг от друга в результате проведенных опытов заново получили результаты, совпадающие с результатами работ Грегора Менделя. Они были очень удивлены, обнаружив полную тождественность своих заключений с выводами Менделя, и в полной степени оценили величие его открытия.

Именно тот, 1900 год — год моего и Сандро рождения, — в котором эти трое ученых подтвердили правильность открытия Менделя, считается годом рождения новой науки — генетики...

10

И о многом другом беседовал с Сандро его любимый педагог. В тетрадях брата, которые совершенно случайно сохранились в круговороте прошедших лет и теперь хранятся у меня, как драгоценная реликвия, в черновых набросках по-грузински, по-русски и по-



немецки можно прочесть о предположениях и высказываниях Дарвина, Менделя, Вейсмана, де Фриза и других. Ясно, что это всего лишь записи ученика, который настойчиво изучает азбуку новой науки и старается разобраться в ее основах.

Когда сейчас я просматриваю его заметки, меня удивляет, что в них даже не упоминается великий американский ученый, теоретик и экспериментатор Томас Морган, который, как Вам хорошо известно, является основоположником теории о хромосомах. Впоследствии, отстаивая эту теорию, Сандро навлек на себя массу неприятностей. Видимо, Иосиф Оцхели и его ученик в те годы не были информированы об опытах и теории Моргана и были увлечены главным образом учением Вейсмана, многие предположения которого позже блестяще подтвердились, а некоторые, как идеалистические и вредные, были отвергнуты.

Сандро, а поначалу и меня, очень увлекли поразительные открытия, сделанные этой новой наукой. Я говорю «поначалу» потому, что позже я утратил интерес к генетике, которая вскоре сделалась предметом идеологической борьбы, и в основном занялся математикой. Сандро же самозабвенно окунулся в этот водоворот и, к счастью или к несчастью, судите сами, до конца остался верен генетике.

В гимназии и я учился хорошо, особенно увлекался математикой, однако способности Сандро были совершенно исключительными. Ему легко давался любой предмет, а иногда он помогал и мне. Родители не обделяли нас вниманием, домой к нам приходили и частные преподаватели, но все-таки хочу особо подчеркнуть то влияние, которое оказывал на формирование мировоззрения брата Иосиф Оцхели. Это влияние было настолько заметно, что иногда отец говорил Сандро с улыбкой: «Ты все ходишь к этому иезуиту, так будь осторожен, как бы он тебя не обратил в свою веру».

Это, разумеется, было шуткой, так как отец испытывал к Иосифу Оцхели глубокое уважение, можно сказать, преклонялся перед ним за ту нравственную чистоту, которой отличался Оцхели, за его горячую приверженность ко всему грузинскому.

Отец никогда не жалел средств на нужды гимна-



зии и всегда охотно помогал, независимо от того, обращались ли к нему от имени Иосифа Оцхели или приходил он сам.

С именем Оцхели связано множество полезных начинаний. Под его непосредственным руководством в гимназии была создана группа учителей, которая вела работу по выработке грузинской научной терминологии и по изданию грузинских школьных учебников. Гимназия оказывала единовременную помощь не только бедным ученикам, но и нуждающимся учителям. Собирали деньги и на памятник Илье Чавчавадзе.

Гимназия имела богатую библиотеку, которой требовалось постоянное пополнение. Для расширения кругозора учащихся организовывались экскурсии в Кахети, в города Боржоми, Батуми, Поти; были созданы духовой и симфонический оркестры, устраивались музыкальные и театральные благотворительные вечера...

Вам известно, что грузинская гимназия была частной и могла существовать и развиваться за счет частных пожертвований. В Кутаиси было немало людей, которые ничего не жалели для гимназии, но встречались, конечно, и иные.

Мне кажется, что на протяжении моей почти шестидесятилетней работы в области просвещения я не встречал другого столь же способного человека, каким был Иосиф Оцхели. Безусловно, правы были те, кто говорил про Оцхели¹, что «Иосиф и в самом деле двадцатирукий, двадцатиухий, двадцатиглазый, а кроме того, человек, мыслящий, как двадцать вместе».

Снова повторю, что именно Иосиф Оцхели приобщил Сандро к науке, в частности к биологии, поскольку он и сам увлекался ею, когда учился в Одессе, в Новороссийском университете. Правда, в конце концов это увлечение заслонила математика, любовь к которой он привил и мне. Но вот ведь что такое сила таланта: Сандро стал известным ученым, я же не пошел дальше сельского учителя. Хотя искренне скажу:

¹ Оцхели — от грузинских слов «оци» — двадцать и «хели» — рука.

я доволен своей судьбой и ни о чем другом никогда не помышлял...

И все-таки должен признаться, что иногда и мне случалось испытывать зависть к Сандро. Особенно в те моменты, когда он без тени самодовольства и без каких-либо усилий высказывал оригинальную мысль, решал сложную задачу или задавал вопрос, совершенно неожиданный для мальчика пятнадцати-шестнадцати лет, что свидетельствовало о глубине и своеобразии его ума...

И лишь в одном я всегда превосходил его — в нашей национальной борьбе, ибо я специально выучил прием, называющийся «имеретинская подножка».

Когда наступала весна, мы с несколькими товарищами-гимназистами подымались на гору, где стояла недавно построенная церковь святого Георгия, и со двора, затененного огромными дзелквами, смотрели вниз на наш Кутаиси... Потом мы разговаривали о том о сем, сидя у могилы Мамиа Гуриэли. И хотя мы не знали еще, какой это большой поэт, многие помнили наизусть его известное стихотворение. Потом мы боролись друг с другом, покуда нас не прогонял со двора церковный пономарь. Именно тогда и наступала минута моего «реванша». Брат, засучив рукава, неумело наскакивал на меня, я же, дождавшись нужного момента, подсекал его ловкой подножкой, и изумленный Сандро летел на землю...

11

Так быстро кончилось детство, словно длилось оно всего неделю!

Какими мы были добрыми, беззаботными и наивными тогда, когда думали, что все на свете делается лишь для того, чтобы доставить нам удовольствие и радость. Для нас светило горячее солнце Кутаиси, шумела прохладная волна Риони, всходила зеленая трава на Маглакском поле, одевались в пестрое окрестности Сапичхиа...

В семье моей неизменно царили любовь и согласие, подрастали маленькие братья и сестры, и теперь по вечерам мы предпочитали всему другому прогулки с ними по бульвару. Впереди шли мать и отец, а мы с

братом в самом конце процессии подгоняли маленькую стаю птенцов, в которой то один, то другой норовили свернуть с дороги. Иногда, как глупенькие цыплята, они все вместе бросались к какому-нибудь яркому цветку или к кусту с блестящими листьями и при этом пищали в точности как цыплята..

Я и Сандро носились по улицам нашего чудесного города, по нашей прекрасной земле вместе с любимыми друзьями, и нам казалось, что так будет всегда: всегда будет существовать то, что нас радовало, вселяло в нас жизненные силы и рождало юношеский задор..

Когда мы заканчивали гимназию, произошла февральская революция, свергли царя, а потом, осенью, совершенно неожиданно для нас прогремела Октябрьская революция. Вскоре в России началась гражданская война.

После первого периода «Озаккома», «комиссариатов», «сеймов», после взаимных комплиментов народы Закавказья разделились, и в Грузии установилась власть меньшевиков.

В течение трех лет я и (как мне казалось) Сандро ничего особенного не делали. На какой-то момент мы оказались в компании кутящих товарищей-ровесников, но вскоре по настоянию Сандро, который совершенно не терпел застольных хвастливых речей и шумных сборищ, мы отошли от них.

Я не случайно сказал о том, что Сандро, по моему мнению, ничего особенного в это время не делал. Ни я и никто другой в нашей семье не могли даже предположить, чем именно занимался в действительности мой брат, не могли предположить, что он обладает талантом конспирации. Никому из нас не могло прийти в голову, что он был связан с нелегальной молодежной большевистской организацией «Спартак». Вся семья была поражена — ведь в то время мы ничего, абсолютно ничего не знали!

Мне-то, конечно, полагалось быть в курсе его дел: в доме я считался как бы доверенным лицом брата. И если бы родители обратились ко мне с классическим

библейским вопросом — «Где, Авель, брат твой?», я должен был бы ответить словами Каина: «Не ведаю, разве я сторож брату моему?».

А ведь себя самого я считал умным и прозорливым молодым человеком. Я подкручивал только что отросшие усы, гордо носил голову, увенчанную пышной шевелюрой, стремился щегольски одеваться. И в мечтах своих я то и дело уносился куда-то вдаль, чего только не совершал, с кем только не становился ровень. И при этом я, глупый, не смог заметить происшедшую на моих глазах необыкновенную эволюцию Сандро — его активное приобщение к политике!

Если говорить по правде, родители имели все основания обвинить в происшедшем меня, с меня должны были они спросить за то, что Сандро так внезапно ускользнул из-под нашего влияния. Все домашние всегда считали, что именно я был практически мыслящим человеком, а Сандро — несколько оторванным от твердой почвы мечтателем, который, возможно, мог бы стать незаурядным мыслителем, но мог остаться и вечным юнцом, безвольным, не умеющим взяться за реальное дело.

Оказалось, что все мы жестоко ошибались и что в действительности никаким даром воздействия на Сандро я не обладал.

Потом, постепенно, все прояснилось. Кое-что позже мне рассказал Сандро, кое-что — другие. И несмотря на то, что я и сегодня не все знаю о его тогдашних делах, я все же попытаюсь восстановить более или менее точную картину происходившего, поскольку тогдашняя его деятельность оставила неизгладимый след не только в его личной жизни, но и в жизни нашей семьи...

Но сначала стоит рассказать о том, что происходило в Кутаиси и в нашей семье в то волнующее и беспокойное время — с семнадцатого по двадцатый, включая и первые месяцы двадцать первого года.

Начиная с марта-апреля семнадцатого года в Кутаиси полностью нарушилось прежнее спокойное течение жизни. Он превратился в какой-то бурлящий, мятежный город, и в своеобразии его нового быта не то что мне, но и нашим родителям разобраться было трудно.

Первый год революции ознаменовался многочислен-

ными митингами, участники которых приветствовали свержение самодержавия, посылали поздравительные телеграммы в Петроград на имя Совета рабочих и солдатских депутатов.

Происходили демонстрации солдат, многочисленные народные собрания.

Даже учащиеся духовной семинарии организовали демонстрацию, не говоря уж об обеих — классической и грузинской — гимназиях и о женском училище, где действительно царило революционное настроение.

Открылось первое заседание Советов кутаисских рабочих, был созван митинг кутаисского военного гарнизона с гражданской панихидой по жертвам революции.

Из тюрьмы выпустили политических заключенных, и они устроили на улицах манифестацию.

Состоялся съезд солдатских депутатов, съезды учителей Кутаисской губернии, а затем всей Западной Грузии.

Начались первомайские демонстрации и митинги. На улицах митинговали солдаты, а потом около тысячи их ворвались в здание городской управы с требованием отдать под суд прапорщика Комахидзе, убившего солдата.

На экономической почве организовали забастовку рабочие и служащие фирмы «Зингер».

Прошло общее собрание большевиков, стремившихся создать независимую организацию.

На Гуладзевском поле при большом стечении народа состоялся митинг гарнизона, где выступали представители различных партий, но присутствовавшие единогласно приняли большевистскую резолюцию.

Произошли волнения среди солдат, вернувшихся с фронта, к которым примкнули и кутаисские горожане. Вызванные для прекращения беспорядков воинские части из Батуми отказались сражаться против солдат, и демонстрации были разогнаны с помощью пулеметов юнкерами и казаками, присланными из Тбилиси.

Рабочие обувной фабрики Асатиани объявили забастовку из-за того, что владельцы не приняли их требований.

Состоялась губернская конференция большевиков, на которой присутствовали представители Хони, Парцханаканэви, Ланчхути, Кухи и Кутаиси.

Забастовали рабочие городского самоуправления.

Вышли номера еженедельного журнала «Третий интернационал», органа Кутаисского комитета организации молодых социал-интернационалистов «Спартак».

Я перечислил события лишь первого революционного года, те, которые я вспомнил, или те, в которых сам принимал участие. А сколько было таких, о которых мы не знали или о которых я успел позабыть.

На такое бурное время пришлось наша юность.

В последующие годы — восемнадцатом, девятнадцатом и двадцатом обстановка еще более осложнилась, стала напряженнее. Основная борьба шла между меньшевиками и большевиками. Эти последние то выступали открыто, а то переходили на нелегальное положение.

Боролись между собой и другие партии: социал-демократы (меньшевики), социал-федералисты, эсеры, анархисты, национал-демократы... Иногда в нашем маленьком городе на протяжении одного дня проводилось более десяти митингов различного характера, заседаний, собраний, конференций, диспутов, всюду было многолюдно, звучали пламенные речи, призывы, велись жаркие споры с криками и дракой.

Жизнь, казалось, стала беспорядочной.

В феврале восемнадцатого года начались революционные выступления. Солдаты оцепили театр, цирк, перекрыли мосты.

К этому добавились и выступления солдат, вернувшихся с фронта. Они требовали у Совета возвращения им оружия, а получив отказ, взломали склад с ружьями.

Солдаты похитили и оружие, хранящееся на заводе шампанских вин принца Ольденбургского. Они подняли стрельбу, ворвались в исполком железной дороги, откуда унесли еще около двухсот винтовок. Милиция не сумела утихомирить солдат. В городе было объявлено военное положение.

Лечхуми, восставший против правительства, был схвачен пламенем: сначала из Кутаиси туда был послан карательный отряд, потом, по приказу губернского



го комиссара Качухашвили, Лечхумский уезд, перешедший в руки восставших крестьян, был объявлен вне закона. В августе три аэроплана, посланные из Кутаиси, сбросили бомбы на лагерь повстанцев...

В марте забастовали служащие частной лечебницы, в июле — служащие аптек, кредитных учреждений отделения Волго-Камского коммерческого банка...

В октябре вновь объявили забастовку рабочие городского самоуправления. К ним присоединились члены санитарных и пожарных отрядов...

12

Что делала, как жила в те годы наша семья?

Для ответа на этот вопрос мне придется познакомить Вас с политическими взглядами и убеждениями моего отца.

Насколько я знаю, деньгами или чем-то иным, подобно и другим состоятельным гражданам, он помогал всем партиям, боровшимся против самодержавия, которые иногда через посредничество нейтральных лиц или благотворительных обществ обращались к нему за помощью. После революции он одно время колебался между федералистами и национал-демократами. Пока был жив Кита Абашидзе, пользующийся огромным авторитетом в нашем крае, отец больше склонялся к федералистам, но после внезапной кончины Киты Абашидзе его симпатии, мне кажется, завоевала более слабая партия национал-демократов.

Во всяком случае, я хорошо знаю, что он презирал меньшевиков и не считал их «полезными для государства людьми» (это его собственные слова).

Так же, как и многие зажиточные люди, проложившие своими силами путь к обеспечению своей семьи и к занимаемому в обществе почетному положению, отец был убежден, что состояние он нажил совершенно законным путем (как он сам говорил — «в точности соблюдая все законы Российской империи»).

Поэтому в первое время он работал в десять раз больше, стараясь осуществить на практике одно из основных требований национал-демократов — о «вос-

становлении и укреплении здоровой экономической жизни» в Грузии. Подразумевалось, что каждый, кто имеет голову на плечах, должен разбогатеть и тем самым укрепить «независимость республики».

Но когда в один прекрасный день забастовали служащие и рабочие самого отца, он искренне возмутился: «Я столько людей кормлю, одеваю, даю возможность безбедно жить, а они выступают против меня?!».

Мама также была возмущена этим фактом, и, должен признаться, я тоже.

Если Сандро бывал дома, то он старался избегать разговоров и споров по поводу происходящих событий. Отец на него махнул рукой и в семейном кругу тихонько называл «блаженным Сандро».

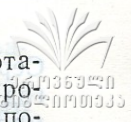
Тот первый конфликт прошел мирно, вроде бы довольные прибавкой зарплаты рабочие и служащие вернулись на свои места. Но когда, год спустя, их недавно возникший профсоюз снова предъявил отцу в письменном виде претензии экономического характера, к тому же употребив слова «эксплуатация» и «эксплуаторы», наш спокойный и прозорливый отец не мог скрыть изумления и растерянности.

«Если я удовлетворю их требования, то на кой черт мне эти проклятые магазины и торговля, дело станет убыточным, и лучше я ликвидирую его, поселюсь в деревне и буду зарабатывать на жизнь мотыгой...»

Эти слова отца мне передала мама и спросила: «Как же нам поступить?».

Но я не мог этого знать, хотя мне исполнилось двенадцать и, по их мнению, я уже должен был кое-что соображать! В те беспокойные дни меня привлекала тихая жизнь в какой-либо глухой деревне. Но разве могло это быть выходом для отца, который целиком и полностью был погружен в свое дело? Или для мамы, не представлявшей своей жизни без кутаисского общества?

Конфликт с рабочими продолжался довольно долго, почти два года. Мне кажется, и профсоюз в конце концов понял, что удовлетворение их требований равносильно ликвидации дела. В течение всего этого времени рабочие и служащие отца — приказчики, агенты, продавцы, бухгалтеры, кассиры, кладовщики, грузчики



сторожа и другие, более трехсот человек — то работали, то нет, то сдавали отчет главной конторе, то попросту присваивали деньги. Хорошо налаженное дело постепенно разваливалось и оказалось на грани ликвидации. Видимо, и отец во многом разочаровался. Он говорил теперь: «Торговая политика этого правительства окончательно разорит Грузию» и часто на целый месяц исчезал из Кутаиси, ездил то в Тбилиси, то в Батуми, а иногда в Мегрелию — в свою родную деревню, где у него, как видно, появились какие-то интересы.

Сначала обрадованные и взволнованные победой Февральской революции отец и мать, нацепивши красные банты, появлялись среди столь же возбужденного общества в театре, цирке, на улицах, полных народа.

Отец радовался, что отныне человека будут ценить за его способности и возможности, а не за именитый род, происхождение, и что теперь больше свободы и размаха приобретет личная инициатива.

Мама тоже тотчас включилась в работу возникающих, как грибы, многочисленных благотворительных обществ. Но едва прошел первый восторг и началась вторая забастовка рабочих и служащих отца, мама вернулась к семье и снова ограничилась заботами о доме, тем более, что кроме пожилого повара у нас не осталось никакой прислуги. Вся домашняя работа отныне легла на слабые плечи мамы..

13

Настало время рассказать про Серго (я должен был это сделать раньше), который в ту пору был нашим другом, в особенности другом Сандро. У отца была большая и очень хорошая библиотека, Серго сделался постоянным ее читателем и прочел множество книг.

Серго был из семьи тех самых Руруа, которые сыграли видную роль в революционном движении. Многочисленным членам этой семьи он доводился племянником.

После окончания двухклассного училища в Хони

Серго попытался поступить в нашу гимназию. Но в тот год конкурс был особенно большим, поэтому судьбу многих юношей, как всегда, решала жеребьевка. Серго не повезло, но эта случайная неудача совершенно не огорчила веселого и сообразительного парня.

Так как у него не было отца, семья его считалась малосостоятельной, к тому же у него на руках была больная мать, родственники нашли для Серго место в хонской лавке моего отца. Он должен был приходить рано утром, открывать ставни, вытирать пыль на прилавке и полках и сдавать лавку старшему приказчику. Вечером он снова должен был прийти, сложить в углу обрывки бумаги, шпагата и пустые коробки, подмести лавку и закрыть ставни. Ночью ему надлежало еще раз прибежать из дома, который стоял неподалеку, чтобы проверить запоры ставень и замки дверей. Вот и все, что входило в его обязанности.

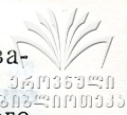
Свободного времени у Серго было много, и при содействии родственников он стал с жадностью заниматься самообразованием. В день он поглощал по две книги, но читал их не поверхностно, а помнил прочитанное почти наизусть. Вскоре для него наступил книжный кризис, так как в Хонской волости, которая считалась одним из самых крупных очагов просвещения, не осталось ни одной книги, не прочитанной Серго.

В день, когда мы с ним познакомились, Серго по какому-то делу приехал в Кутаиси. Знакомые ребята привели его к церкви святого Георгия на горе. Мы впятером сидели возле могилы Мамии Гуриэли и обсуждали какой-то вопрос, когда в сопровождении двух наших друзей-гимназистов появился Серго и подсел к нам.

Он был, наверное, года на два старше нас, у него был живой и быстрый взгляд, коротко остриженные вьющиеся волосы, а над верхней губой уже появился первый пушок, хотя было видно, что его лица еще не касалась бритва.

Так незаметно вошел в нашу повседневную жизнь Серго, который впоследствии сыграл такую важную роль в судьбе Сандро и столь разительно изменил его характер.

Сам же Серго, полный сил, многообещающий мо-



лодой человек, погиб в августе тысяча девятьсот двадцать четвертого года.

В то время Сандро уже был студентом Тбилисского университета и о гибели Серго узнал от меня. Я и сейчас храню его письмо, в котором он горько оплакивал безвременную смерть своего духовного наставника и друга...

А тогда, в том далеком дореволюционном году, в нашу семью Серго привела любовь к книгам: каждый воскресный день он приезжал из Хони, отдавал Сандро или мне уже прочитанные книги и уносил новые из нашей библиотеки, которая находилась в кабинете отца, но с его разрешения целиком перешла в распоряжение старших сыновей. Мы могли брать и читать все, что хотели, при одном лишь условии: книги надлежало поставить туда, где они и стояли. Во всем остальном отец дал нам полную свободу. Библиотека в самом деле была богатой, одной из лучших семейных библиотек в Кутаиси — около трех тысяч книг, вся европейская и русская классика, почти все изданные к тому времени грузинские книги, включая вахтанговское издание «Вепхисткаосани», все издания Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, книги по вопросам экономики, историческая, политическая, военная, мемуарная литература, сборники марксистского характера, брошюры социалистического содержания, редкие альманахи и альбомы и вся грузинская периодика.

Небольшую часть этих книг я увез в деревню и потом передал той школе, в которой работал на протяжении всей своей жизни. Большая же часть, после того как в нашем доме в тысяча девятьсот двадцать первом году сперва стояла воинская часть, а потом открылся техникум, попала в кутаисскую городскую библиотеку.

И сейчас вы можете увидеть эти книги в городской библиотеке и легко узнаете их — на титульном листе вытеснен небольшой, размером с сегодняшнюю трехкопеечную монету, экслибрис нашего отца: вокруг горящего факела и маленького лучезарного солнца написано: «Из книг Эпифана Сордиа».

Тенгиз Буачидзе. Исповедь, или Профессор Сордиа.

Что остается от человека? Что осталось от моего отца? Когда я приезжал из деревни в Кутаиси, то часто заезжал в библиотеку, выписывал несколько лучших наших книг и подолгу листал их. Каждая была куплена моим отцом, каждая была прочитана им аккуратно поставлена на свое место...

Как-то брат рассказал мне о пути Серго Руруа к революции. Еще до свержения царя на протяжении двух-трех лет под влиянием революционно настроенных родственников Серго без труда стал разбираться в вопросах классовой борьбы, чему, как видно, способствовало не только чтение популярных брошюр, но и обстоятельства его собственной жизни — сиротство, нужда, мытарства с больной матерью, знание жизни бесправного и угнетенного крестьянства, находившегося в таком же, как он, положении.

Первое революционное крещение Серго получил в марте семнадцатого года, когда его родственник, известный революционер товарищ Ваню, узнав о победе революции в Петрограде, собрал в селе Кулаши партийных товарищей и провел беседу о значении буржуазно-демократической революции в России. Серго присутствовал на этом собрании и даже выступил на нем с речью. Второго марта в Кулаши состоялось расширенное собрание социал-демократов, на котором товарищ Ваню говорил о программе и задачах их партии. Серго и здесь снова взял слово. Седьмого марта на площади монастыря Джварцма был проведен сход крестьян, учащихся, педагогов Кулаши и окрестных деревень. Доклад делал тот же Ваню, а Серго с волнующей речью обратился к молодежи.

Так все и началось. Несмотря на жестокое сопротивление меньшевиков, кулашцы под руководством товарища Ваню и при активном участии Серго разоружили стражников, создали народную милицию, отобрали дела у пристава и старосты, постановили передать крестьянам земли помещиков и освободить от платы за учебу детей бедных крестьян.

В тот период борьба между разными партиями имела такую беспощадный характер, что на одном из с



браний какой-то федералист выстрелил в стоявшего на трибуне товарища Ваню, но промахнулся. Рядом с ним стоял и Серго...

Сразу же после организации партийной ячейки в селе Мелаури Серго приняли в партию, поскольку он делом — своим непосредственным участием во многих важных событиях — доказал верность идеям и делам большевиков.


Спустя год, когда под руководством Серго наш Сандро приобрел опыт и закалился в идейной борьбе с меньшевиками, его, по рекомендации Серго и других товарищей, тоже приняли в партию.

К этому времени Серго уже давно бросил работу в хонской лавке. Руководство поручило ему включиться в работу молодежной интернационал-революционной организации «Спартак» в Кутаисском, Шорапанском и Сенакском уездах и сплотить вокруг нее сознательную молодежь.

Серго всем своим существом, с юношеской самоотверженностью и энергией включился в работу, которая в основном протекала нелегально, в подполье. Вскоре он увлек за собой и Сандро, которому успел объяснить всю аморальность его обеспеченной жизни. Серго особенно подчеркивал реакционную роль нашего отца в развитии общества, считая его типичным представителем эксплуататоров и кровопийц трудового народа. Он заявил, что «каждый сознательный и честный молодой человек должен бороться за освобождение угнетенного народа, именно против таких, как Элифан Сордиа».

Серго объяснил другу, что только этим искупил бы он «ту большую, хотя и невольную вину — безнравственность его социального положения по отношению к крайней бедности многомиллионных масс трудового народа».

И Сандро наконец прозрел. Он тяжело переживал свою вину — привилегированное положение в обществе, и потому твердо решил принести свою жизнь в жертву борьбе, о которой говорил Серго: «борьбе за светлое будущее, когда не будет угнетенных и угнетателей, когда все будут иметь равные права и будут уничтоже-



ны присвоение чужого труда, несправедливость и беззаконие, когда наступит предсказанный Карлом Марксом социализм, ради которого сегодня большевистская партия под руководством Владимира Ленина сплachtet весь трудовой народ России...»

Сандро с легкостью уверовал во все эти истины. Он с жадностью набросился на марксистскую литературу, которой его снабжал тот же Серго (получавший ее от известных революционеров), стал принимать участие в тайных собраниях и сходках молодых марксистов-большевиков, часто выступал с речами, писал пламенные прокламации.

Поскольку Сандро легко справлялся с вопросами теоретического характера, ему в их молодежном кружке отводилась роль теоретика, и когда вставал какой-либо спорный или сомнительный вопрос, юноши обычно обращались за разъяснениями к брату. В поисках ответа Сандро сначала читал необходимую литературу, затем советовался с Серго или с более опытными партийцами и только потом разъяснял молодым людям те или другие проблемы.

Когда я позже поинтересовался, что это были за вопросы, которые поднимала уже хорошо разобравшаяся в классовых противоречиях, но теоретически слабо подготовленная молодежь, Сандро перечислил некоторые из них: кто будет хозяином фабрик и заводов; что дадут в случае победы большевики крестьянам; каким будет положение женщин при социализме и коммунизме; будет ли уничтожена семья, кто будет воспитывать и растить детей, признают ли большевики свободную любовь; будет ли уничтожено понятие национальности; будут ли существовать деньги, торговля; когда произойдет мировая пролетарская революция и т. д.

Деятельность брата продолжалась уже два года, а мы в семье ничего об этом не знали, пока отцу кто-то не сказал (он не назвал говорившего), что наш добрый и честный Сандро — активист тайных революционно-большевистских кружков, подстрекает молодежь против меньшевистского правительства ради «достижения той великой цели, которая была общей у пролетариата и крестьянства России и Грузии».

Реакция отца на такое поведение Сандро и для



меня, и для мамы была совершенно неожиданной. Отец долго беседовал с Сандро в запертом кабинете, потом объявил маме и мне: «Оставьте его в покое, пусть что хочет, то и делает, каким был наш блаженный Сандро, таким и остался, но совесть у него еще сохранилась».

Как я говорил, все это продолжалось почти два года, но потом между Сандро и Серго, по-видимому, начались разногласия. Кажется, они поспорили насчет методов борьбы, об обязательных и бессмысленных жертвах, о бессмысленной жестокости, о необходимости доброты и других моральных проблемах. Во всяком случае, Сандро постепенно отошел от своих товарищей, хотя дома и продолжал штудировать марксистское учение. Часть нужных ему книг он отыскивал в нашей библиотеке, часть откуда-то приносил. А в один прекрасный день объявил нам, что собирается продолжить учебу в высшем учебном заведении.

15

Стояла весна тысяча девятьсот двадцатого года.

О том, как наш отец относился к превращению Сандро в большевика, я, кажется, уже говорил. Дело было в том, что все это отец считал лишь юношеским увлечением сына, которое, по всей видимости, скоро пройдет. К тому же главной заботой отца в это время были попытки как-то спасти свою торговую фирму, а если уж дело дойдет до ликвидации ее, то найти какой-то другой постоянный источник доходов для содержания большой семьи. Все эти задачи поглотили отца целиком.

Нам и в самом деле приходилось туго: меньшевики привели экономическую жизнь страны в такое состояние (вернее, на экономику они вообще не обращали внимания), что люди начали голодать. В Грузию больше не поступал хлеб из России. С Турцией то начинались военные столкновения, то устанавливался напряженный мир, деникинские войска угрожали с северо-запада; немалых расходов требовал приход в Грузию немецких, а потом и английских войск. Помещикам

оставили их земли, а крестьянин, владеющий маленьким участком, не только теперь, когда ему не давали возможности работать, но и раньше, в мирное время не мог прокормить себя. То объявлялись забастовки, то поднималось восстание. Базар стал таким дорогим, деньги настолько потеряли цену, что для покупки мешка фасоли требовался мешок денег. Нашей семье пришлось туго: братья и сестры были еще слишком малы, чтобы хоть чем-нибудь помогать семье, я и Сандро тоже ничего не вносили в дом (признаюсь в этом со стыдом). Всех нас кормил отец. Только одна Софи ко мужественно встала рядом с мамой и, как умелая стала помогать ей.

Я повторяю, что у отца совершенно не было времени для Сандро, он лишь надеялся, что постепенно тот сам образумится. Однако он никак не мог представить себе, что экономические требования его рабочих и служащих, предъявленные во время второй забастовки, которые чуть было не заставили его закрыть дело, были отредактированы и переписаны Сандро. Один из отцовских приказчиков со злорадством поведал мне об этом.

Мама очень болезненно переживала вмешательство Сандро в революционные дела, дружбу его с большевиками. А Сандро, будто назло, все время говорил с ней о том, как много трудящихся голодает, и мы, мол, хотим жить за их счет.

— Разве твой отец не трудится, не жалея сил, не борется за наше существование? — спрашивала мать, утирая слезы.

— Это не тот труд, это все равно присвоение прибыли, добытой чужими руками, — объяснял ей спокойно Сандро, его наивный взор излучал при этом любовь и жалость к матери, и все же он упрямо продолжал: — Та жизнь, которой мы жили, морально не оправдана, она не подобает честной и достойной семье.

После таких слов мама теряла самообладание, вскакивая, истерически кричала:

— Значит, мы, по-твоему, бесчестные обманщики?!

— Объективно так получается, — спокойно отвечал Сандро и сразу же выходил из комнаты, чтобы не разрыдаться.



В такие минуты я готов был схватить брата за горло, разорвать его на части... После споров Сандро обычно выходил во двор и сидел там на большом камне или же отправлялся в город.

Нет, мама никак не могла примириться и не примирилась бы в дальнейшем, если бы ей было отпущено время, с такими мыслями Сандро.

А я? Что тогда думал я сам, что чувствовал по отношению к Сандро? До этого я любил его сильнейшей любовью брата-близнеца. Ничто не могло убить мою любовь к нему (она и сейчас жива). Я знаю, что и он любил меня так же.

Его успехи и неудачи я всегда считал своими успехами и неудачами.

Способ мышления у нас был схожим, только, признаюсь, у него он был более глубоким, чем у меня.

Одинаков был и наш эмоциональный строй, но мои эмоции были быстропроходящими, его — более устойчивыми. Я превосходил его разнообразием чувств, он меня — их глубиной.

Нередко я чувствовал себя им, а он себя — мной. Мы часто беседовали с ним об этой странности, которая в детстве нас иногда раздражала и даже приводила к ссоре.

Одним словом, мы были близнецами, и этим, я думаю, сказано все.

Но в то время я возненавидел Сандро. Возненавидел потому, что он доставил столько горя всем нам — маме, отцу, всей семье, но особенно маме.

Он нашел какую-то идею для оправдания своего существования и из-за этой отвлеченной идеи пожертвовал всей семьей.

Но одновременно под налетом ненависти таилась прежняя любовь и уважение к брату. Как же это могло быть? Ведь я считал, что Сандро убивает маму, разоряет отца, губит семью, — за что же его любить и уважать?

А я любил его и втайне гордился им, потому что он ничего не испугался, ни от чего не отступился, проявил большую волю и стойкость в практическом воплощении своей идеи. И это несмотря на то, что он пони-

мал: тем самым он жертвовал нашей семьей. Я уважал как сильную личность.

Он любил маму так же, как и я, но, кроме того, он исповедовал еще принцип общей справедливости и всеобщей любви.

Я же любовь к матери не мог променять ни на какие принципы. Я просто любил свою маму и все...

Как же относился Сандро ко мне?

Он любил меня, потому что догадывался: несмотря на великую боль, которую он нам причинил, я продолжал в глубине души любить и уважать его.

Но вместе с тем он тоже ненавидел меня, ведь в своей слабости оказался более человечным, чем он предпочтя любой идее сыновнюю любовь к матери.

Кто же из нас был прав — я или мой брат? Не могли же мы оба оказаться правыми?

Ответ на этот вопрос, наверное, зависит от того, какими весами мы взвесим все это.

Я не сторож брату своему, но и не судья. Пусть рассудят нас другие...

Как видите, я предпочитаю уклониться от ответа на мною же заданный вопрос, хотя брат мой высказался бы в этом случае до конца. Но и в этой контрастности нашего поведения мы тоже очень походили друг на друга, так как основа его была одна — честность.

Такими сложными оказались наши взаимоотношения, такими же непростыми остались они до самого конца, даже после всего того, что произошло с нашей семьей, и того, что случилось с нами обоими.

Внешне эти взаимоотношения были достаточно простыми, поскольку мы оба хорошо знали — нас объединяет взаимная любовь...

16

Итак, в тысяча девятьсот двадцатом году Сандро заявил нам, что он хотел бы продолжить учебу в высшем учебном заведении.

В России все еще свирепствовала гражданская война, и о тамошних университетах нельзя было и думать, поэтому решили, что Сандро поступит в недавно открывшийся в Тбилиси грузинский университет.



Остро встал вопрос, у кого и на какие средства будет жить брат в Тбилиси.

После короткой переписки и поездки отца в столицу вопрос жилья вроде бы уладился.

На Мтацминде, в одном из тупиков Судебной улицы, жил известный общественный деятель, писатель и педагог Александр Микаберидзе, впоследствии автор популярной книги «Эллинские мифы». Он окончил Кутаисскую классическую гимназию, затем учился в Варшаве, а в данное время в Тбилисском университете читал латынь. У него был широкий круг знакомых среди интеллигенции Тбилиси и Кутаиси (наш отец тоже хорошо его знал), все очень уважали его как человека на редкость честного и порядочного.

В конце лета того же года мы с грустью проводили Сандро в Тбилиси.

Его отъезд необыкновенно остро переживала мать, она словно чувствовала, что больше никогда не увидит сына. Она прощалась с ним со слезами на глазах, благословляла его и молилась за него перед иконой боготери...

И я, разумеется, тоже очень переживал.

Отец наш не говорил ни слова, но кто знает, что у него было на душе...

Сандро поступил на хозяйственное отделение математико-естествоведческого факультета Тбилисского университета, которое с тридцатого сентября тысяча девятьсот двадцать первого года было преобразовано в агрономический факультет.

Сандро уехал, а мы остались.

Словно какой-то луч света погас... Отныне нас ничего не радовало, ничто не утешало — особенно маму и меня.

Морально и физически сломленный отец как будто с прежней энергией заботился о семье, но мы чувствовали, что исчез главный смысл его жизни. Он стал замкнутым, немногословным, никто теперь не видел улыбки на его лице, все действия его казались сомнамбулическими.

«Фирма Эпифана Сордиа» пришла в упадок, некоторые магазины и лавки закрылись, некоторые перешли

в руки купцов-приказчиков, которые теперь торговали остатками уцелевших товаров — новые ниоткуда не поступали.

Отец был не так уж стар, чтобы его душевную и физическую депрессию можно было объяснить возрастом, он родился в 1864 году, таким образом, тогда ему было всего пятьдесят шесть лет, маме же тридцать восемь... И я, и Софико, и уже подросшие Лади и Илико, а также младшие сестры Анико и Нино хорошо видели и чувствовали, что родителям приходилось тяжело. Особенно заботила нас боготворимая нами мама. На наших глазах она так исхудала, истаяла, что от сострадания у нас разрывалось сердце, к горлу подступал какой-то комок, а на глаза набегали невольные слезы.

Даже наш словно бы отрешившийся от мира отец, механически, неосознанно старающийся что-то предпринять, растерявшийся от своих бесплодных метаний и от неузнаваемо изменившейся действительности, — даже он в конце концов догадался, что мы теряем мать.

Врачи, по-прежнему дружившие с нашей семьей, видели причину болезни мамы в «черной меланхолии», выписывали ей множество тонизирующих лекарств. Самые же опытные из них, в частности батони Назаршвили, доказывали, что ей не требовалось никакого лекарства и помочь могла бы «соответствующая обстановка», в которой пришла бы в норму ее угнетенная психика и вернулось бы желание жить.

Однажды, спустя два-три месяца после отъезда Сандро, отец повез мать в Тбилиси — повидать сына и заодно показать ее тамошним врачам.

В течение двух недель, пока отсутствовали наши родители, домом и семьей управляла шестнадцатилетняя Софико, наша дорогая, незабвенная сестричка, отличавшаяся необыкновенной энергией, а также удивительной для ее возраста дальновидностью. Я, как и все в доме, безоговорочно выполнял ее поручения. Наши младшие братья, четырнадцатилетний Лади и двенадцатилетний Илико, были как раз в том возрасте, когда мальчишки всей душой отдаются нескончаемым уличным играм, шалостям и проказам, тем более, если этому способствует и обстановка, когда нет ни систематических занятий, ни дисциплины — семейной или



школьной, когда ночами на улицах слышится треск ружейных и револьверных выстрелов, когда все неустойчиво и никто не знает, что случится завтра... Но и этих распушенных мальчишек на какое-то время уgomонила Софико. Она, как опытная мать, ухаживала и за малолетними сестрами, десятилетней Анико и восьмилетней Нино, приучала их соблюдать в доме порядок, протирать пол, окна, мебель и, если успевала, обучала их на кухне секретам кулинарии. При этом она и сама постигала основы домашнего хозяйства.

Наконец наши родители возвратились из Тбилиси. Я встречал их на вокзале. Маму вынесли из вагона на носилках. Она была укрыта тонким серым одеялом и была такой иссохшей, истощенной, что ее едва можно было разглядеть. Побледневший от холода отец — в вагоне, сказал он, был настоящий мороз — беспомощно потирал руки. Мама только раз озарила меня взглядом, а когда я целовал ей руки, ласково коснулась своими горячими, воспаленными губами моего лба. Носилки еле уместили в фаэтон, отец и я, стоя на подножках, поддерживали их с обеих сторон, и кони, цокая копытами, медленно потащились по спящим еще кутаисским улицам. Перед нашим домом нас встретили дети, мама стала их ласкать и целовать, а я и Софико беззвучно плакали. Вдвоем с отцом мы осторожно ввели маму в ее комнату и уложили на кровать. Она сразу же попросила нас опустить шторы. Стало темно. В этой темной комнате мама провела свой последний месяц.

На мой вопрос о Сандро (отец, я и Софико сидели за обеденным столом) отец, не подняв головы и не посмотрев на меня, положил обратно на тарелку уже поднесенный ко рту кусок мчади и глухо, с болью ответил: «Он совершенно обольшевизировался, его преследуют, и мы не смогли повидаться с ним даже на короткое время». Я спросил его, продолжает ли брат учебу. Отец пожал плечами: «Откуда я знаю, мне сказали, что в университете он иногда появляется, но что именно он там делает, не сумел объяснить даже батони Александр».

Настало время, когда и отец перестал выходить из

дому. Он целыми днями сидел теперь с мамой в запертой и затемненной комнате.

О чем они беседовали, как они выдерживали, один на один целый день, не знаю...

В один из пасмурных декабрьских дней, когда кутаисский ветер крушил все вокруг, мама скончалась на руках отца.

Отец, будто бы выйдя из транса, заметался по квартире. Он что-то искал. Наконец он вышел из кабинета с маленьким свертком в руках и, ничего нам не сказав, ушел.

Домой он вернулся не скоро и выложил на стол большую пачку денег.

Вечером пришли наши друзья и знакомые.

В субботний день мы хоронили маму.

На похоронах присутствовал весь Кутаиси.

Больше ста венков мы вынесли из дома.

Скорбно рыдал на ветру духовой оркестр.

Мне казалось, что длинная процессия одетых в черное людей провожает старую жизнь...

Сандро не было — как выяснилось, он в это время находился в Баку. От Александра Микаберидзе пришла телеграмма с соболезнованием.

Дед приехать не сумел — ему перевалило уже за восемьдесят и он был совершенно немощным. Во время маминой болезни он все же напомнил о себе: однажды к нашей калитке подъехала присланная им арба и знакомый нам крестьянин Петрикела, посланный дедом, втащил по лестнице пуда два кукурузной муки, два батмана фасоли и мешок орехов. На словах дед передал: «Если будет трудно, приезжайте и за мной тоже присмотрите, я уже не жилец на этом свете...»

17

После похорон матери отец рассудил так: Софиго должна будет поехать к дедушке в деревню вместе с младшими братьями и сестрами, а мы с Эпо останемся пока здесь (как и отца, меня зовут Эпифаном).

Мы привели арбу, уложили на нее наш багаж — по указанию отца я вынес из дома постели братьев и сестер, белье, две корзины посуды, одежду, два ковра и еще кое-какую мелочь. Отец отдал Софиго все остав-



шися после похорон деньги, я же должен был проводить братьев и сестер до деревни и, если не сумею до-
стать там лошадь, вернуться обратно пешком.

Было довольно холодно. Мы закутали младших в одеяла и усадили их в арбу. Подростка Лади назначили капитаном корабля, Илико доверили штурманство, а маленькие сестренки стали пассажирами. Я и Софико пешком следовали за медленно катившейся и скрипевшей арбой. Всю дорогу Петрикела говорил с нами о «государственных и классовых проблемах».

Петрикела заявил, что дела меньшевиков плачевны, так как, по его разумению, если хочешь иметь хорошую семью, должен сделать ее крепкой, если хочешь иметь хорошее государство, должен сделать его сильным. А могущество государства, оказывается, зависело от них, от крестьян, таких, как он, Петрикела (мы-то с Софико отлично знали, что среди крестьян Петрикела слыл лентяем и болтуном).

— Вот негодные меньшевики! Ни нам, крестьянам, от них нет проку — как мы ковырялись на своем клочке земли, так и ковыряемся до сих пор, — ни, дорогой ты мой, рабочим. Кричат нам: «цощиализм!» А что дает этот «цощиализм», если трудящийся человек так же мучается, как и раньше... Поднимем восстание, от них и пыли не останется... Слышал я про вашего брата Сандро, большевиком, говорят, стал. Если это правда, то быть ему первым человеком в Кутаиси, потому что, говорят, он хорошо образованный и наверняка будет знать, как помочь таким, как мы... Будет знать, а как же... Правда, трудно ему придется, потому что, еще говорят, будто он человек совестливый и доверчивый, как ребенок. А первому человеку порой требуется и кулак, хороший рабоче-крестьянский кулак.

И Петрикела демонстрировал нам с Софико свой кулачок величиной с засохшую айву.

Я молча кивал ему в ответ и почему-то сердился на расшалившихся детей, а Софико спокойно, как с равным, беседовала с Петрикелой...

Когда мы добрались до Риони, поднялся сильный ветер. Мы перебрались на пароме на другой берег и въехали в прибрежные леса Сулори.

Тенгиз Буачидзе. Исповедь, или Профессор Сордиа.

Выехав из города рано утром, мы подъехали к усадьбе деда, когда уже темнело. Нас встретила тетья Тэолинэ, родственница бабушки из семьи Агиашвили, женщина одинокая, которая после смерти бабушки, по просьбе деда, переселилась к нему. Она ухаживала за ним и присматривала за домом.

Продрогшие дети стали бегать по огромному двору и подняли визг. Опираясь на палку, еле волоча ноги, на балконе появился дедушка — худой, уменьшившийся в росте, с трясущейся головой. При взгляде на него у меня оборвалось сердце...

Ночью мы сидели возле жарко разгоревшегося камина. После долгих расспросов дедушка Спиридон положил мне на колено дрожащую руку и сказал: «Не верю я тому, что говорят про моего Сандро, не мог такой честный и добрый парень перейти на сторону этих нехристей-большевиков. Но если он вправду перешел, внучек, то тогда у них есть что-то такое хорошее, чего мы с тобой не знаем».

Ночь я провел в доме деда, а утром пешком отправился в Кутаиси.

Сварить лобио и испечь мчади — не такое уж трудное дело, чтобы молодому человеку этому не научиться. Так мы и жили с отцом: я хозяйничал в доме, он ходил куда-то по делам. О Сандро мы получали вести лишь изредка, одно короткое письмо он прислал через знакомого — на почте, так же как и везде, царил хаос, на нее нельзя было надеяться. Сандро спрашивал, как мы поживаем, писал, что у него все хорошо, что дядя Александр относится к нему так же, как к своим сыновьям. «Я, — сообщал он, — учусь и одновременно работаю (где работает, он не писал). Я все время вспоминаю маму и горько оплакиваю ее. Надеюсь на Эпико, он сумеет позаботиться о малышах. А ты, отец, подумай-поразмысли обо всем — ведь приближается новая жизнь. Надеюсь скоро всех вас повидать...» И еще много чего писал брат, но о своей жизни — ничего конкретного.

18

Спустя три недели после похорон матери Сандро приехал.

Морозным утром, когда отец уже ушел из дома, в

дверь ко мне осторожно постучал внучатый племянник Мосэ из Кулаши, рыжий Даниэл, которого мы называли просто Рыжим. Обычно он встречал на вокзале поезда и за незначительную мзду помогал пассажирам таскать багаж.

— На рассвете приехал ваш Сандро. Он велел тебе прийти на могилу матери, — таинственно зашептал мне Рыжий.

Сердце у меня отчаянно забилося.

— Если его поймают, то бросят в тюрьму... Когда я должен там быть? — тоже шепотом спросил я.

— К десяти часам, — ответил Рыжий, прежде чем я успел спросить его еще о чем-нибудь, выскользнул в дверь и исчез.

Сначала я решил разыскать отца, но потом сообразил, что у меня на это уже не оставалось времени. К тому же Сандро ничего не сказал об отце. Кто знает, какие у него намерения, раз он вызвал только меня, подумал я. И решил пойти один. Я тепло оделся, надежно запер дверь и побежал к кладбищу.

Бежал я по мокрому снегу, и сердце у меня ужасно колотилось.

Еще издали заметил я Сандро: он сидел, понурив голову, у могилы мамы. Одет он был странно — солдатская с оборванными погонами шинель, теплые брюки, заправленные в пестрые шерстяные носки, и английские ботинки. На глаза была надвинута сванская шапка...

Обнявшись, мы присели. Он был очень худ, небрит. По запавшим покрасневшим глазам заметно было, что он давно не спал. «Я еду с поручением на север, — сказал он. — У меня всего час времени, отца повидать, видимо, не сумею».

Он попросил меня рассказать о последних днях мамы.

Пока я рассказывал, он сидел, опустив голову, когда же я упомянул о том, как мама тосковала по нему, он тяжело вздохнул и вытер ладонями глаза. А когда я начал рассказывать о тяжелом настроении отца, он несколько раз внимательно взглянул на меня, потом

спросил о его торговых делах. Наконец Сандро заговорил сам, видимо, он решил высказать мне кое-что в отсутствие отца:

— Эпо, приближается новое время, время подлинного освобождения честных тружеников, и от тебя во многом будет зависеть, как поступит, что решит и на какой путь встанет наш отец. Ты должен поверить всем сердцем в то, что я тебе скажу: я никогда не примкну к несправедливому делу, ты это должен знать, ты должен верить, что правда на стороне Ленина, на стороне большевиков. Меньшевики сами себя тоже причисляют к социал-демократической партии, говорят от ее имени, но они искажают марксистские идеи, низводят их до уровня мелкобуржуазных. Сейчас это можно считать уже историей, пройденным этапом для пролетариата передовых стран, в особенности пролетариата России. Они ничего не принесли трудящимся, кроме той же самой волчьей конкуренции, всеобщего угнетения друг друга и расцвета национализма. Это ты видишь на примере сегодняшней Грузии. Ты должен знать и верить, что Грузия расцветет только после установления господства класса пролетариев как правящей силы...

— Да, но, — прерываю я его, — вот в нашем Кутаиси, ну, сколько тут этого пролетариата, от силы пятьсот человек, и неужели эти пятьсот должны господствовать над остальными пятьюдесятью тысячами?

— Знакомый вопрос, — задумчиво произнес Сандро. — Ты пойми, дело не в количестве, а в классовом сознании рабочих, готовых к борьбе за уничтожение социальной несправедливости, за равноправие и братство, за прекращение бессмысленных, несправедливых войн...

Я снова прерываю его...

— И для этого вы, большевики, хотите снова ввести в Грузию русские войска?

— Не русские войска, а пролетарские красные войска, у которых совершенно иная цель и задача, чем та, которая была у войска кровавого царя. Красное войско — это наше войско, войско трудящихся, в котором находятся и грузины, и армяне, и татары, и русские, и сыны многих других наций... Они придут, чтобы помочь трудящимся грузинам, придут по нашей же просьбе...

— Скажи, Сандро, разве мы плохо жили? Чего нам

не хватало, о чем мы тужили, кого угнетали наши родители? Что с тобой стряслось, почему ты восстал против своей родной семьи и грозишь ей уничтожением? А что бы ты ответил нашей маме? — спросил я и провел рукой по надгробному камню.

— Брось демагогию, брат, — резко отвечал Сандро. Он задумался и после минутного молчания продолжал: — Сейчас я скажу тебе горькие слова, и ты не обижайся, пойми меня правильно, не затаи в сердце злобу... Именно здесь, у могилы мамы, которую я любил не меньше, чем ты, меня заставляет говорить только чувство справедливости. Если смотреть правде в глаза, то наш отец и наша бедная мама и, если хочешь, наш дед как раз и являются представителями общества угнетателей. Они жили за счет других, пойми, их жизнь была примером существования за чужой счет...

Я опять его прервал:

— Наш отец, говоришь? Наш отец жил за счет других?! Это и есть твоя справедливость? Да ведь отец только благодаря своей энергии и способностям достиг всего...

— Подожди, дай мне закончить... В других социальных условиях талант и энергия отца были бы направлены по совершенно иному пути. Сколько пользы принесли бы настоящему делу его энергия и способности, если бы они служили интересам трудящихся, а не делу личного обогащения? Ты прав только в том, что отец не столько сам виноват, что стал перекупщиком товаров, созданных чужим трудом, слышишь? — перекупщиком! — сколько тот общественный строй, который толкнул его на это, поскольку, честно трудясь, он никогда не сумел бы вылезти из нищеты... Неужели это так трудно понять? Тысячи дармоедов и угнетателей, крупных и мелких, жили так же, как он. Мы не воюем с отцами, а хотим лишь свергнуть тот уродливый строй, который порождает угнетателей и обесценивает честность...

— Но выходит, что вы все-таки боретесь с отцами, ведь они по своей воле и вашему желанию не захотят снова окунуться в нужду, откуда выбрались с такими мучениями...

— Именно об этом я хотел сказать тебе. Если они окажут нам сопротивление, не поступятся во имя огромного всеобщего благосостояния своим малюсеньким личным, если не поймут, что до сих пор жили неправильно, то превратятся для нас в классовых врагов. Нас же миллионы, понял, брат?

— Я понял, что вы уничтожите и их.

— Прошу тебя, от моего имени предостереги отца, чтобы он не совершил какой-либо глупости по непониманию или же под чьим-то влиянием не встал бы в ряды наших врагов. В противном случае ему ничто не поможет... Я нарочно отстал от поезда в Риони, чтобы сказать тебе все это, сейчас я уже должен быть совсем в другом месте... Он тебе поверит, ты ему растолкуй, объясни, внуши и сам тоже поверь в то, что я говорил тебе правду...

Таким странным образом беседовали мы, родные братья, у свежей могилы матери, которую оба так горячо любили.

У Сандро истекло время. Последние слова он бросил мне уже стоя, скороговоркой. Торопливо спросил напоследок про братьев и сестер, похвалил Софику — она, мол, станет хорошей активисткой — и, не дав себя проводить, ловко пробрался меж голых кладбищенских деревьев и кустов и исчез.

Ненавидел ли я Сандро?

По-прежнему ненавидел, жалел и любил.

Я был благодарен ему хотя бы за то, что он предупредил нас.

Той же ночью я пересказал нашу беседу отцу. Неожиданно для меня отец сначала взорвался, проклял Сандро и день, когда он появился на свет, чуть было не набросился и на меня. Потом вдруг умолк, сник, из глаз его брызнули слезы. Никогда в жизни не видел я отца плачущим, даже на похоронах мамы.

Я тоже не сумел сдержать слез. Я плакал об умершей матери, о несчастном отце, о навеки потерянном счастливом прошлом и о том неизвестном и, наверное, страшном будущем, которое ожидало нашу семью и всех нас...

Отец постепенно успокоился, лишь плечи его тряслись и дрожали руки.

Потом, совершенно убитый, он встал и, тяжело

ступая, направился в свой кабинет. После смерти матери он спал там. Испуганный, я проводил его взглядом и подумал о том, что потерявший силы отец не совершит ничего «такого», о чем предупреждал Сандро. Утром я обнаружил, что отец заснул на диване, не раздеваясь...

В тот день я впервые подумал о том, что у революции — свои суровые законы.

19

...Мне стукнуло двадцать лет, когда когтями за сердце схватило меня то счастье-несчастье, которое называют любовью. С женой моей, Лизой, ныне уже покойной, я познакомился именно в то время и вместо того, чтобы ощутить счастье, почувствовал, что у меня помутился разум и на ходу стали заплетаться ноги. Она была похожа на ласточку. Другой такой красивой, изящной, честной, умной девушки, по моим понятиям, не было во всем Кутаиси! Довольно долго — целых шесть лет заставила она меня ждать, но зато потом, несмотря на множество выпавших на нашу долю испытаний, мы жили с ней душа в душу.

Несколько слов скажу и о ней, поскольку благодаря Лизе я мог узнавать кое-что о студенческой жизни Сандро в Тбилиси.

Лиза была родом из Ивандиди, может быть, Вы слышали о таком селе в Хонском районе? До пяти лет она жила в деревне, а потом их семья перебралась в Кутаиси, где отец поступил на работу в уездную комиссию налогов, а старшая ее сестра стала учиться. Восьми лет и Лизу определили в кутаисское частное женское училище. Попечительницей там была некая пожилая дама по фамилии Рубан.

В училище, где царил строгая дисциплина, Лиза приобрела немало хороших навыков. Учебу она закончила на пятерки, но так как это училище не давало никаких прав, она стала сдавать экзамены в третий класс женской гимназии. Здесь большей частью учились дочери русских военных, гимназисток-грузинок было мало. Учиться было довольно трудно: на пятерки

девочкам-грузинкам очень «скупилась», в особенности по русскому языку, ссылаясь на то, что они говорят с акцентом. Поэтому грузинские девушки больше стремились попасть в заведение святой Нины, где учились старшая сестра Лизы и моя сестра Софиико. Но Лиза выбрала более трудный путь — гимназию.

Из гимназических учителей Лизе в особенности запомнились двое: Кампаньони, который внушил ей любовь к математике, и Екатерина Халваши-Окуджава, коммунистка, образованная и знающая, которая свои уроки истории часто превращала в агитацию. Она скончалась в 1922 году, когда у нас установилась Советская власть...

Лиза окончила гимназию с золотой медалью в 1920 году. Сразу же по завершении учебы, когда я с ней и познакомился, ее назначили преподавателем математики в одну из кутаисских начальных школ, но она мечтала продолжать учебу. Поэтому, несмотря на нашу взаимную любовь, она в 1921 году уехала в Тбилиси и поступила на лечебный факультет университета. Там она также училась блестяще и отличалась большим трудолюбием, но закончить университет ей не пришлось — в ноябре 1923 года скончалась ее мать, а спустя шесть месяцев — и отец. Оставшись совершенно без средств (тогда ведь не было стипендий), Лиза с третьего курса вернулась в Кутаиси, и в сентябре 1924 года ее направили преподавателем математики в четвертую девятилетку (бывшее Епархиальное училище).

Наши встречи возобновились, однако пожениться мы смогли только через два года, так как слишком многое препятствовало этому.

20

Я успел немного забежать вперед.

Кончался тысяча девятьсот двадцатый год.

Третьего декабря в Кутаиси пришло известие, что в конце ноября в Армении свергли дашнакское правительство и провозгласили Советскую власть.

Пятого-шестого декабря из Тбилиси в кутаисскую губернскую тюрьму переслали арестованных там двадцать девять коммунистов. Мы с отцом напрасно искали среди них Сандро.

Еще через неделю в кутаисскую тюрьму вновь переслали шестьдесят арестованных, но и среди них брата не оказалось.

Девятнадцатого декабря мы узнали, что конференция Лиги Наций в Женеве не удовлетворила просьбу Грузии о ее приеме в Лигу Наций.

В газете «Ахали комунисти», которая пришла в Кутаиси с опозданием и каким-то образом попала в руки отца, мы прочли, что находящиеся в метехской тюрьме коммунисты приветствуют трудящийся народ Советской Армении.

— Может быть, и Сандро там, и тоже приложил руку к написанию этого письма? — с дрожью в голосе говорил отец. Я тоже с волнением читал это обращение.

Почему мы, я и отец, решили, что Сандро обязательно должны были арестовать? Да потому, что меньшевики к этому времени стали преследовать коммунистов везде, где могли, их арестовывали и бросали в тюрьмы, а некоторых расстреливали. Именно тогда Александр Микаберидзе сообщил нам из Тбилиси, что Сандро уже давно исчез из поля его зрения...

Двадцать пятого декабря отец узнал, что томящиеся в кутаисской каторжной тюрьме коммунисты объявили голодовку в знак протеста против репрессий меньшевиков. Ночью мы с отцом снова размышляли о том, мог ли среди них находиться и Сандро. Отец с глубоким огорчением произнес слова, которые я от него никогда раньше не слышал и не ожидал услышать:

— Сынок, все погибло. Теперь этой стране ничто уже не поможет, пусть летят к чертям и те, и другие. Мне все равно, кто из них победит, только бы остался в живых наш заблудший Сандро... Ты уже не маленький, поступай обдуманно, не мечись туда-сюда, кто победит, к тем и примкни, но только, прошу тебя, не вмешивайся никогда в эту проклятую политику. Мои же счеты с жизнью кончены, надеюсь, что скоро я уйду на поиски души вашей матери...

И все-таки у отца однажды еще раз появилась какая-то надежда.

Наступил новый, тысяча девятьсот двадцать пер-

вый год. Как-то отец вычитал в газете «Эртоба», что учредительное собрание Грузии рассмотрело вопрос о ткварчельской угольной концессии. Решено было отдать ткварчельские копи сроком на 45 лет итальянскому промышленному обществу «Ильве» и финансовым кругам Италии. Когда эти сведения подтвердились в Городском совете, у отца появилась мысль предложить концессии свои услуги. Он мог работать и простым служащим, например, в канцелярии или в отделе местного снабжения.

— Неужели этим итальянцам не понадобится опытный, знающий местные условия человек? — спрашивал меня отец и целую неделю жил во власти этих мыслей. Это было в январе, но дальнейший ход событий уничтожил эту надежду, и очень скоро идея учредительного собрания лопнула, как мыльный пузырь, — так же, как лопались все тогдашние деловые проекты, необоснованные мечты...

21

В Грузии снова вспыхнули восстания.

Шестнадцатого февраля Красная Армия перешла границу Грузии со стороны Азербайджана и начала продвигаться в направлении Тбилиси.

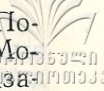
Перешедший в Грузию через Мамисонский перевал отряд красноармейцев почти без боев овладел Они, Сачхере и Кутаиси.

Бежавшие в Батуми члены грузинского правительства семнадцатого марта погрузились на иностранные корабли и отплыли в Европу.

Накануне взятия Кутаиси отец исчез. Два дня безрезультатно я искал его по всему городу.

А меня самого в это время, оказывается, искал Рыжий Даниэл. Мы случайно встретились в начале бульвара у собора. Отец поручил мне передать: «Я уехал по срочному делу, если не вернусь вовремя, справься обо мне в Кулаши у Мосэ».

Не заходя домой, я отправился в Кулаши. Врагу не пожелаю в марте месяце путешествовать пешком из Кутаиси в Кулаши!.. В какой-то деревне меня застигла ночь. С ног до головы заляпанного дорожной грязью, продрогшего, изнемогавшего, меня приютил незна-



комый крестьянин. На рассвете я продолжил путь. После полудня я подошел к деревянному дому батони Мосэ в Кулаши. Поднялся по лестнице, но дверь оказалась запертой. Соседи сообщили мне, что Мосэ только вчера похоронили. Я расспросил их об отце, но никаких его следов не обнаружил.

Из Кулаши я отправился в Вани.

В кармане у меня была краюха черствого хлеба, которую я раздобыл в Кулаши, и по дороге я грыз ее. По пути попадались родники, где я мог утолить жажду. Я избегал верховых, стороной обошел украшенный красными флагами Самтредиа и ночью добрался до парома через Риони. Ночь я провел у паромщика. Утром переправился на тот берег и вечерней порой, выбившись из сил, добрал наконец до дома дедушки Спиридона...

Почему бежал мой отец? Потому что мы все обезумели от страха: большевики, мол, не пощадят бывших купцов, промышленников, князей, офицеров... Они идут, чтобы уничтожить нас, а на наши места посадить рабочих, в наши дома вселить бездомных, наши земли раздать безземельным. Много подобных рассказов ходило по городу. Зажиточные люди были охвачены страхом. Поддался панике и отец, напугав и меня.

Что толку было продолжать поиски?! Несчастный наш отец исчез!

Может быть, он достиг Батуми и уплыл на иностранном корабле за границу? Может быть, направился в Поты?

Сведений об этом ни тогда, ни потом, спустя двадцать-тридцать лет, нам не удалось получить.

Сколько ни старался Сандро и здесь, и позже за границей, в Берлине и Париже, отыскать след отца, все было напрасно.

Он смог лишь установить, что на иностранном корабле отец не уплывал. Так куда же мог деваться человек между Кутанси, Батуми и Поты? Может быть, он ушел в Турцию? Мы даже не знаем, где его могила. В анкетах потом мы писали, что отец скончался в тысяча девятьсот двадцать первом году. Вот и все, что можно об этом рассказать...

В доме дедушки Спиридона я нашел всех здоровыми. Сам же я был страшно утомлен. Отдохнув три дня, я снова вернулся в Кутаиси.

Добравшись до Кузнечной улицы, я остановился и издали посмотрел на наш дом. Мне сразу же бросился в глаза красный флаг на крыше, и я заметил во дворе какое-то движение. Пройдя немного вперед, я остановился возле росшего неподалеку от наших ворот дерева.

Ворота были настежь распахнуты, у левого столба стоял красноармеец с винтовкой — часовой, во дворе было много и других красноармейцев, кто выгуливал коней, кто восседал на двуколках, кто сидел на нашем большом камне. Все они весело переговаривались друг с другом и курили. На лестнице, у дверей, тоже стоял солдат с винтовкой.

Вдруг в дверях показался Сандро — в накинутой на плечи шинели, в островерхой шапке... Красноармеец вытянулся перед ним, взял под козырек. Сандро медленными шагами спускался по лестнице, озираясь по сторонам, возможно, он кого-то искал...

Не знаю, какая сила сорвала меня с места, я помчался к воротам и только собрался ворваться во двор, как оказался в объятиях часового. Он держал меня так крепко, что у меня перехватило дыхание (он был низкорослый и обхватил меня за грудь). Но не успел он вымолвить и слова, как я закричал: «Сандро!»

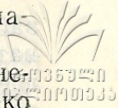
— Куда прешь! А ну давай пропуск или говори пароль! — крикнул красноармеец, но тут же раздался голос Сандро:

— Пусти его, товарищ, это мой брат!

— Брат, товарищ комиссар? — с сомнением переспросил красноармеец и неохотно отпустил меня...

Случилось так, что в нашем доме расположился их штаб.

Сандро удивился, что не застал дома своих, потом сообразил, что все, очевидно, уехали в деревню. По его указанию всю нашу мебель сволокли в одну комнату (кабинет отца), а вместо нее поставили про-



стые столы и койки. Здесь жили командир части, начальник штаба и комиссар Сандро...

Дом наш они выбрали потому, что он находился не сколько в стороне и вместе с тем не так уже далеко от центра, с тыла же его защищал Риони. Во дворе стояли четыре пушки, из окна второго этажа выставил свое рыло пулемет, а в сарае, стоявшем в конце двора, который отец иногда использовал как склад, устроена была конюшня.

Сандро объяснил мне, что штаб расположился здесь временно, потом он перейдет в здание гарнизона. Сказал также, что дома все в полном порядке, вся мебель цела, они пользуются только постельным бельем, потом его выстирают в гарнизонной прачечной и положат на место.

Мы вошли в дом. Я заметил, что все кругом замусорено, пол изрезан глубокими царапинами, а грязная посуда и кастрюли свалены как попало и где попало.

Сандро познакомил меня с находившимися там красными командирами, некоторые из них были грузины, некоторые русские, а некоторые — неопределенной национальности. Все они были молоды и произвели на меня впечатление веселых и вроде бы беспечных. Я был зол, но ничего не посмел сказать.

Мы снова вышли во двор и сели на наш камень, который охотно уступили нам красноармейцы. Я рассказал Сандро об отце.

— Успокойся, — сказал он мне, — мы его найдем, куда он денется, человек ведь не иголка. Я сейчас какое-то время буду очень занят, а ты заberi, если хочешь, что-либо из вещей и возвращайся назад в деревню, а через неделю постараюсь приехать к вам. Лошадей с двуколкой, чтобы доехать до деревни, я тебе дам.

Что мне оставалось делать?

Мы опять пошли в дом. Сандро достал из кармана ключ, открыл дверь кабинета отца и впустил меня внутрь.

В темном кабинете (окна были занавешены) я носом налетел на шкаф. Когда я немного освоился в темноте, то увидел, что комната до самого потолка.

забита мебелью: этажами лежали друг на друге кровати, шкафы, столы, комоды, зеркала, кресла и другие наши вещи; кое-как я пролез между двумя шкафами и встал у книжных полок.

«Что забрать?»

Сердце подсказывало, что в этот дом, к этим вещам наших родителей, украшениям и книгам, которые собирались в течение всей их жизни, я никогда уже не смогу вернуться...

В первую очередь я снял со стены портреты родителей, декоративные тарелки и достал спрятанные в последние дни отцом за книгами два старинных серебрянных подсвечника, вытащил длинный ящик, полный серебрянных ложек, ножей и вилок, и две маленькие старинные (пятнадцатый век) в серебрянном окладе иконы из приданого нашей матери. Все это завернул в скатерть, которую снял со стола.

Потом, не отдавая себе отчета, взялся за книги. Снял с полок около сорока книг — мою любимую математику, любимые книги мамы, «Вепхисткаосани», сборники Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, два ценных издания Библии — грузинское и русское. С трудом высвободив из плена мебели маленький сундук, опорожнил его, уложил на дно завернутые в скатерть ценные вещи, а сверху стал накладывать книги (все эти вещи, кроме книг и портретов, позднее поглотил «торгсин»).

В это время вошел Сандро.

— Укладываешь книги? — спросил он.

— Портреты родителей тоже, — ответил я, почему-то умолчав о других предметах.

— Неужели ты не чувствуешь, что случилось? Не догадываешься, что в новой жизни все это барахло, не считая книг, не имеет уже никакого значения? — улыбнулся мне Сандро.

— Да, чувствую, — ответил я, — но тебе и мне это барахло дорого.

— Да ладно! — сказал Сандро. — Двуколка ждет во дворе. Тебя повезет наш красноармеец — Никита Хренков, отличный парень! На ночь устройте его у вас, а утром отпустите. Я пошел, мне надо спешить. Ну, до свидания, ждите меня в деревне. Как только освобожусь, приеду...



Его приезда мы ждали пять лет.

Сандро протянул мне руку, потом обнял и поцеловал в щеку. Я растрогался, крепко обнял его и расцеловал.

Сердце мое в тот момент обливалось кровью: из-за мамы, из-за отца, из-за брата, из-за перевернутого вверх дном дома — нашего разрушенного гнезда, но больше всего, наверное, из-за того, что Сандро был при этом таким веселым и самоуверенным...

23

Мы еще не покинули пределов Кутаиси, двигаясь по ведущей к Вани дороге, когда мой попутчик, мастерски правивший рыжими сильными конями, — он то весело посвистывал, то цокал и ловко хлестал их по спинам вожжами, — Никита Хренков, коренастый парень примерно моего возраста, озарил меня блеском здоровых зубов и весело спросил:

— Ну что ты все молчишь, комиссаров брат?

Глубоко потрясенный всем случившимся, я неохотно поддерживал беседу. Пока наш экипаж мчался по мартовской мокрой дороге, мой спутник описал мне почти весь свой жизненный путь и выложил все, что у него на сердце лежало. Я же приоткрыл ему причину моей печали и скорби.

Никита рассказал, что по происхождению он сын безземельного курского крестьянина. В шестнадцать лет вынужден был пойти работать в Юзовку (этот город позднее назывался Сталино, а ныне стал Донецком), где он втянулся в революционное движение, записался добровольцем в красный полк шахтеров и уже третий год «громит белые банды». Он очень радовался, что попал в Грузию, «края хорошие, и зима не суровая». Хвалил климат, землю, смеялся и лихо катил свою двухколку по Рионской долине.

Никита дотошно расспрашивал меня об отце, а потом весело улыбнулся.

— Ничего, брат, теперь уж все обойдется, и отец найдется, и жизнь веселая начнется, — проговорил он в рифму и стыдливо признался, что пишет стихи. Из

кармана шинели он вытащил потрепанную книжку стихотворений Кольцова, ударил ею по колену и воскликнул: «Вот мой любимый поэт!»

Когда же я осторожно сказал, что Сандро так беззаботно пожертвовал отчим домом, словно чужим, Никита посмотрел на меня удивленно и ответил с упреком: «Ты, брат, молодой, а наклонности у тебя буржуйские. Наш Александр Эпифанович — отличный комиссар, даром что студент!»

Я замолчал, не желая больше демонстрировать свои «буржуйские наклонности», и вдруг у меня в голове промелькнула мысль: а не начинается ли и в самом деле новая эпоха на этой нашей древней, благословенной земле?

К вечеру мы наконец приехали домой.

Все, кроме дедушки Спиридона, вышли нас встречать и окружили влетевшую с грохотом во двор двуколку. Никита гордо стоял на ней и не спускал глаз с моей Софики. Потом спрыгнул и помог мне снять тяжелый сундук и внести его в дом. Когда мы закончили с этим, он вернулся к двуколке, чтобы поставить ее за дом. Окруженный нашими младшими братьями и сестрами, он сперва выпряг лошадей, некоторое время походил с ними по двору взад-вперед, потом поставил их в пустую дедушкину конюшню, покрыл им спину попоной и набил ясли сеном из дедушкиных запасов.

За это время я успел рассказать нашим, как и что случилось. Тетя Тэолинэ захохла и запричитала. Софики выслушала все молча. Дедушка лежал в своей комнате и ничего не слышал. Мы решили ничего ему не рассказывать и, если это будет возможно, не сообщать ему и о приезде русского гостя.

Тетя Тэолинэ и Софики принялись хлопотать. Все, что у них было, — мчади, сыр, соленья, лобио, кусочек ветчины и бутылка чачи — они поставили на стол.

Вошел Никита и следом за ним — наши развеселившиеся братья и сестры, которые уже подружились с гостем, называли его просто Никитой, цеплялись за подол шинели и тянули за рукава в разные стороны.

Сели ужинать. Никита, видимо, с самого начала обратил внимание на Софику и время от времени украдкой все поглядывал на нее. Я злился, произволь-

но сжимал кулаки и бросал грозные взгляды на сестру...

Внезапно открылась дверь, и перед нами предстал опирающийся на палку дедушка. Мы все вскочили, я опередил других и сообщил деду, что русский гость был человеком, которого послал со мной Сандро. Потом кашлянул и официально представил их друг другу:

— Красноармеец Никита Хренков, князь Спиридон Александрович Лордкипанидзе!

— Как, живой князь?! — воскликнул Никита и устоялся на деда.

— Пока живой! — ответил дедушка, протянул руку и добавил на своем староофицерском русском языке тонким от старости голосом: — Здравствуйте, красноармеец Никита Иванович! Как поживает мой любимый внук Александр?

— Отлично, дедушка, он мировой парень! — порадовал его Никита и почтительно пожал руку.

Мы снова сели. Дедушка тоже присел, поставил палку между ног и начал расспрашивать гостя.

На вопрос дедушки, зачем прибыл Никита в Грузию, «разве в России мало земель и вод?», Никита ответил, что прибыл он «для братской помощи рабочим и крестьянам Грузии, и, если потребуется, он и собой пожертвует для установления самого справедливого строя во всем мире».

На вопрос, в чем же выражается «справедливость их строя», Никита коротко ответил: «Земля — крестьянам, заводы — рабочим, долой угнетателей!»

На вопрос дедушки: «На ваш взгляд, я являюсь вашим врагом или другом?» — гость так же коротко ответил: «Вы старик».

— Но все же, все же, — допытывался дед, и Никита ответил:

— Наверное, вы окажетесь в лагере врага.

— Прекрасно, — сказал дед. — А я не был врагом, когда, в мундире русского офицера, верхом, вместе с такими же солдатами, как вы, воевал с турками и вместе с вами проливал кровь, защищал Россию и наших братьев болгар освобождал именем Христа?

— Ну, это старые дела, да и Христос здесь ни при

чем, — сказал Никита и добавил:—Вы—образованный человек, бывший офицер и, конечно, должны понять, что это большая несправедливость, когда на земле господствует меньшинство, а большинство умирает от голода. На заводах, фабриках и в шахтах надрываются рабочие, а хозяева плавают в золоте, вольготно живут во дворцах, и, кроме прибылей, их ничто не интересует. Ваш внук Александр понял это, и вы тоже должны понять!

— Но ведь и вы, применив свои способности, свой талант, можете разбогатеть честным трудом и тогда тоже окажетесь в рядах тех, кто богат, разве вам это кто-либо запрещает? — спросил дедушка и, обиженный, добавил: — А внук Александр мне не указ, он еще сопляк!

— Это старые сказки, — сказал Никита. — До сих пор я еще не встречал человека, разбогатевшего честным путем. Рабочий же никогда не станет угнетать своих классовых братьев, не превратится в волка, чтобы добыть богатство теми же волчьими способами, к которым прибегают промышленники и помещики. Мы хотим освободить всех: вас — от бремени господства, а нас — от господского бремени. Если вы это осознаете, мы окажемся в одном лагере и вместе установим социальное и политическое равноправие. Таких примеров у нас множество, вот даже и товарищ Ленин, говорят, из дворян... и другие тоже...

— И как вы думаете, что я, например, должен сделать сейчас? — спросил дедушка.

— На вашем месте я передал бы земли крестьянам, а себе оставил столько, сколько вы лично смогли бы обработать...

— Как! Завещанные отцами и дедами поместья раздать этим ленивым петрикелам?! — возмутился дедушка.

— Я говорю о принципах, а среди крестьян, как и во всех классах, есть тоже лентяи и бездельники, — ответил Никита.

Так они беседовали долго.

Потом дедушка налил себе в маленький стаканчик немного водки, добавил туда воды, поднял стакан и сказал:

— Гость от бога, за здоровье нашего гостя, кто

меж нас окажется прав, за его здоровье тоже. Надеюсь, что гость присмотрит за моим Сандро, раз он с ним, оказывается, так близок. Мое время ушло, эта жизнь — и их, и ваша, — он указал на приунывших за столом малышей, — но я все-таки скажу одно: не истребляйте друг друга, не проливайте кровь, не разоряйте страну. Достаточно вы уже повоевали, проливали кровь и разрушали. Разве не хватит того, что произошло в России? Боже, избавь нас от подобного. А кто прав, кто неправ — это на небесах рассудит бог.

И я, и Никита выпили молча.

Не знаю, какое впечатление оставила тогда на других эта беседа, но я и, мне кажется, тетя Тэолинэ, если я правильно разгадал выражение ее лица, остались не совсем довольны беседой дедушки с Никитой. Лично мне аргументы когда-то строгого и непримиримого деда тогда показались слабыми.

Так закончился наш ужин.

Рано утром Никита с моей помощью впряг лошадей в двуколку, весело попрощался со мной и по уже знакомой дороге отправился в Кутаиси.

А я серьезней, чем прежде, задумался о жизни.

24

Не прошло и года, как скончался наш дедушка Спиридон.

Сандро и на этот раз не сумел приехать на похороны.

После смерти деда мы перешли жить в маленький двухкомнатный флигелек, который стоял в конце двора рядом с конюшней и который по-домашнему называли «людской». Большой же дом мы передали деревне, и позже, когда организовали колхоз, в нем размещалась контора (она и по сей день там).

Поместья деда и большой двор поделили крестьяне (мы в это дело не вмешивались), все это окончательно перешло во владения колхоза. Мы довольствовались маленьким участком, где обитаем и по сей день...

Однако если я буду излагать всю эту длинную историю нашей семьи, то у меня получится целый роман.

Согласно же Вашему письму, я должен, опираясь на факты, рассказать только о Сандро. Но иногда я невольно отклоняюсь от этой темы, и Вам придется меня за это простить.

Впрочем, я должен заметить, что все эти подробности, безусловно, хотя бы косвенно касаются и Сандро. Ведь все то, что он впоследствии находил в нашей семье, не могло не отразиться как-то на его характере, поведении, взглядах.

Но я все же возвращусь к рассказу о его жизни и постараюсь, несмотря на соблазн, не очень отклоняться в сторону...

Сандро, несмотря на то, что он пропустил массу лекций, продолжал числиться студентом Тбилисского университета. С конца тысяча девятьсот двадцать первого года он прилежно засел за учебу и тотчас же добился успеха.

Как я уже говорил, о том, каким студентом был Сандро, я знаю по рассказам моей супруги Лизы. Во-первых, он был членом партии. В те времена среди студентов это было редкостью, и брат всегда пользовался поддержкой новых властей. Несмотря на то, что он учился на агрономическом факультете, его увлекала и философия. Он читал рефераты, руководил научным кружком студентов, участвовал в университетских дискуссиях, выступал на районных и городских собраниях, которые тогда часто устраивались в Тбилиси. Он был сильным оппонентом, и хотя иногда ему не удавалось выразить свои мысли кратко, они всегда были основательными. Он приступил к изучению английского языка, перевел на грузинский язык одну статью Энгельса, которая вышла отдельной брошюрой, начал переводить большой труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», но почему-то не завершил работу.

Он редко писал нам письма, но иногда все-таки мы их получали. Особенно запомнилось мне то письмо, в котором он оплакивал безвременную гибель Серго Рурца, наставившего его на новый жизненный путь.

Ему дали маленькую комнату поблизости от университета, в том районе, где сейчас находится гостиница «Сакартвело». Там он жил вместе со своим товарищем Иорамом Дарбаидзе, который впоследствии стал известным биохимиком.

В тысяча девятьсот двадцать пятом году, после блестящего окончания университета, перед братом встал выбор: или оставаться на кафедре, готовясь к профессорской деятельности, или использовать право на командировку за границу. Сандро выбрал второе и в том же году отправился в Германию, в Берлин.

25

Перед отъездом за границу он приехал к нам на несколько дней. Стоял август. Вместе с учениками мы ремонтировали здание школы (у меня уже был трехлетний педагогический стаж), меняли в классах подгнившие доски пола, укрепляли балконные перила, красили классные доски... Вместе со мной работали мои младшие братья — Лади, который уже окончил школу, и Илико, ученик последнего класса, — и около двенадцати других учащихся.

В полдень, когда мы отдыхали в тени балкона и беседовали о будущей судьбе школьного здания (школа была старым одноэтажным деревянным домом, где имелось пять классных комнат, небольшая учительская и маленькая кладовая), прибежала моя тринадцатилетняя сестра Нино и, запыхавшись, еле вымолвила:

— Сандро приехал!

Я наскоро разъяснил детям, что надо было делать, а потом мы с Лади, Илико и Нино помчались к дому.

Сандро сидел на балконе и с улыбкой смотрел, как мы неслись по улице...

В то время я еще не был женат, Софиико учительствовала в Кутаиси, и в доме хозяйничала только старая тетя Тэолинэ. Что было делать, как было оказать Сандро достойную встречу? И мал и стар, все занялись делом. У нас была единственная курица-наседка, мы зарезали ее. К ней подали чесночную подливку. Испекли мчади (для хачапури, к сожалению, не было продуктов). Остудили в роднике кувшин аладастури. Нарезали салат из помидоров, огурцов, острого мегрельского перца и зелени, собранных в нашем огороде. Наломали молодых кукурузных початков, сорвали одну хорошую

тыкву (помню еще, Нино нацарапала на ней свое имя), и, пока мы обедали, в одном котле варилась кукуруза, а в другом тыква — на десерт...

Вечером мы с Сандро долго разговаривали. Согласно твердому моему решению, я всячески старался не затрагивать политики, но разве с Сандро это могло пройти? Для него все было политикой: и наша сельская школа, и кое-как созданная бедными крестьянами слабенькая коммуна, и математика, которую я преподавал, и будущее наших братьев и сестер, и его собственная наука...

Я был невероятно счастлив, узнав, что Сандро добился успеха и сейчас ехал за границу, вероятно, для того, чтобы заложить фундамент новых своих успехов. В нем я чувствовал сильного двойника своего слабого существа и радовался за него.

Несмотря на то, что мы были ровесники, я ощущал себя тем старшим братом, который должен был пожертвовать всем для младшего. И вместе с тем меня беспокоило будущее других моих братьев и сестер, возможность их дальнейшего образования. Я знал, был уверен, что с помощью Сандро никто из них не окажется обездоленным. И все же в глубине души я испытывал щемящую боль. Ночью я долго не мог уснуть, пытаюсь разобраться в своих переживаниях. И наконец понял: в трагической судьбе матери и отца я невольно винил и Сандро. Это, именно это причиняло боль...

Весь следующий день Сандро провел в деревне и вернулся домой только в сумерки очень довольный. Я стоял у лестницы и смотрел на идущего по улице брата: высокий, широкоплечий, в серой косоворотке с расстегнутым воротом, икры обтягивали начищенные до блеска сапоги. Он шел легко, с высоко поднятой головой, размахивая руками.

— Вот увидишь, какая у нас будет жизнь через десять лет! Как жаждет этой новой жизни молодежь, как она стремится к ней! Вот увидишь, какую мы создадим крестьянскую кооперацию по ленинскому завету, когда покончим с этой вынужденной новой экономической политикой, — говорил он мне с энтузиазмом, и глаза его сверкали.

На третий день Сандро уехал в Тбилиси, решив

проездом повидать в Кутаиси Софику. Его провожала вся наша деревенская молодежь.

Сандро забрал с собой и Лади. «Определию его в вуз, пусть выучится на инженера, а жить будет в моей комнате, как раз Иорам Дарбаидзе уезжает в Ленинград для дальнейшей учебы».

Уехал Сандро и увез нашего молчаливого, застенчивого Лади.

Осталось нас два брата, две сестры и тетя Тэолинэ.

Лади поступил на инженерный факультет, он был умным парнем и хорошо учился.

В конце этого же года наша Софики вышла замуж за молодого, впоследствии довольно известного партийного работника, который, к сожалению, погиб через двенадцать лет.

В сентябре Сандро из Тбилиси отправился в Москву, а потом через Варшаву — в Берлин. Оттуда он прислал нам всего два-три письма. В них он больше расспрашивал о наших делах, а про свои почти ничего не сообщал, словно вокруг него там ничего не происходило...

26

Спустя два года в одном из берлинских малотиражных биологических журналов была напечатана первая статья Сандро (посылаю Вам переведенный самим автором текст). Как Вы увидите, по объему она невелика — всего три — три с половиной страницы. Вы, специалисты, легко заметите, что эта работа еще не была плодом независимо мыслящего генетика. Пока это был всего лишь обзор результатов, полученных американскими и европейскими учеными, подытоживание их открытий. Но одновременно в статье высказывалось одно предположение Сандро, из-за которого она, вероятно, и была опубликована в столь авторитетном журнале. Это предположение связано с очень спорным для того времени вопросом о взаимоотношениях генетики и эволюционной теории Дарвина. (В дальнейшем это

Тенгиз Буачидзе. Исповедь, или Профессор Сордиа.

явилось главной темой научной работы Сандро). Вот это предположение:

«Еще опыты Менделя показали, что рецессивные признаки организмов не только не уничтожаются, но, наоборот, сохраняются в популяциях в гетерозиготном состоянии. Вероятно, что утверждение аннулирует направленное против теории Дарвина соображение, будто возникшие в организме изменения в последующих поколениях постепенно слабеют и исчезают».

Надеюсь, Вы хорошо разбираетесь в этой научной терминологии — «рецессивное» значит невыявленное, существующее скрытно, «гетерозиготные» — неоднородные наследственные свойства, взятые у родителей с несхожей наследственностью.

Спустя три года Сандро защитил в Берлинском университете диссертацию на тему: «Философские основы эволюционного учения Дарвина», за которую, несмотря на протесты некоторых членов ученого совета, ему была присвоена степень доктора философии.

В этой диссертации Сандро доказывал, что Дарвин был материалистом на уровне научного естествознания, стихийным диалектиком и атеистом, но в его мировоззрении ясно прослеживаются и признаки буржуазной ограниченности. Однако учение Дарвина сыграло большую роль в создании научной биологии, в поражении идеализма, теологии и метафизики; способствовало развитию естествознания в диалектико-материалистическом направлении.

В конце тысяча девятьсот двадцать восьмого года Сандро вернулся в Москву и привез с собой... супругу, молодую немку. В тот раз он не приезжал в Грузию, жил в Москве, в общежитии Академии наук. Мне он переслал на хранение целую кипу рукописей (в основном на немецком и русском языках), уже упомянутый биологический журнал, а также немного денег и приложил к сему письмо. В письме он коротко описал все, что приключилось с ним в Германии, и лаконично сообщал, что женился на бывшей студентке Берлинского университета, «новоиспеченном биологе» Хильде. Более подробно писал о том, что старается сейчас получить командировку в Америку, чтобы некоторое время поработать в лаборатории известного Томаса Моргана... Осведомлялся и о делах братьев и сестер.

В ответ я писал ему, что младший брат Илеко отправился к Лади и также поступил на инженерный факультет, что Софико с семьей (у нее девочка и мальчик) живет то в одном районе Грузии, то в другом, сейчас же они находятся в Самтредиа, где ее муж — секретарь райкома. Что Анико из уважения к Сандро поступила на биологический факультет Кутаисского педагогического училища и мечтает повидать Сандро, что я женился, у меня уже двухлетний мальчик, которого я называл Сандриком, и по-прежнему учительствую в деревне, несмотря на то, что моя жена тянет меня в Кутаиси, где она преподает математику...

На это письмо ответа я не получил.

Позже я узнал, что с помощью товарища Серго Орджоникидзе и академика Николая Вавилова (этот последний дал ему и специальное задание по сбору образцов растений) просьбу Сандро удовлетворили, дали ему двухгодичную научную командировку в Соединенные Штаты Америки для работы в лаборатории Моргана. И он вместе с супругой отправился за границу. Хильду он должен был оставить у ее родителей в Берлине и уже из Гавра отплыть в Америку.

В это же время у Сандро произошла одна интересная встреча в Варшаве, где он по какому-то делу остановился на два дня. Потом он рассказывал, как совершенно случайно увиделся с сыном Мосэ из Кулаши (об этом факте я, кажется, где-то выше уже упоминал).

В день отъезда из Варшавы, по просьбе жены, Сандро зашел с ней вместе в один из магазинов, где Хильда заинтересовалась пуховым жакетом (приближалась зима и было холодно). Пока жена выбирала и примеряла жакет, Сандро стоял у витрины и смотрел на улицу. Внезапно перед витриной остановился какой-то прохожий и уставился сквозь стекло на Сандро. Сандро был одет по-европейски: модная накидка, шляпа, галстук. Пристальный взгляд незнакомца смутил его, он подумал, что в одежде у него что-то не в порядке, схватился за галстук, провел ладонью по лицу...

Тем временем незнакомец вошел в магазин, подошел к Сандро и вежливо спросил по-русски: «Вы случайно не с Кавказа?».

Сандро ответил утвердительно, тогда незнакомец сразу перешел на грузинский. И оказалось, что этот высокий лысый пятидесятилетний мужчина был Абрамом Шаташвили, старшим сыном Мосэ из Кулаши.

Абрам не мог скрыть радости. От Мосэ он и раньше многое знал о семье Эпифана Сордиа и был знаком с нашим отцом, который еще до мировой войны несколько раз был у него здесь, в Варшаве, и у них даже существовали деловые отношения. Абрам тотчас же пригласил Сандро и его жену в свое торговое заведение, которое находилось тут же, поблизости, завел в заднюю комнату довольно большого магазина, угостил кофе, велел приказчику принести целую кипу товаров, которыми интересовалась Хильда.

— Значит, вы Сандро Сордиа, да? Знаю, слышал, что вы коммунист и ученый. Иногда какая-нибудь грузинская газета, например, «Муша»¹, доходит до нас. В Варшаве живут несколько грузинских семейств, и мы стараемся следить за событиями в Грузии. Я скучаю по нашему маленькому Кулаши, Хони и Кутаиси... Я жил там целых двадцать лет, я там вырос, а потом отец здесь, в Варшаве, приставил меня к делу... Знаете, как я жажду услышать пение нашего Даниэла?.. Но я застрял в этой Польше, когда она отделилась от России, принял местное подданство и фамилию тоже изменил — я теперь Абрам Шатевич. Я и женился на местной, и дети у нас есть... Несчастный мой отец, я знаю, что он дружил с вашим отцом. Я помню вас и вашего брата в дни моей молодости и вашего детства... Как поживает батони Эпифан в новой Грузии? Про него из газет я, конечно, ничего не мог вычитать, а свежих известий из Грузии мы давно не получали...

Узнав о странной судьбе нашего отца, Абрам очень разволновался, даже прослезился. Он поминутно клал свою ладонь на руку Сандро, будто ласкал его и утешал. А потом изъявил желание помочь ему в поисках отца.

— Как, — спросил Сандро, — каким образом вы можете мне помочь?

— Вот как, — ответил Абрам, — я напишу пись-

¹ «Муша» («Рабочий») — тбилисская вечерняя газета 20—30-х годов.

ма в Берлин и Париж к тамошним моим друзьям и коллегам, и если ваш отец где-то здесь, в Европе, или если он где-нибудь оставил след, они обязательно помогут вам в поисках. Но я удивляюсь тому, что он, если он действительно живет в какой-либо европейской стране, не приехал ко мне, не связался со мной хотя бы по почте... Только знайте, на поиски отца вам придется потратить какие-то деньги...

— А если мне обратиться в наши посольства в Берлине и Париже? — спросил его Сандро.

— Обратитесь, уважаемый Сандро, но пока они что-нибудь предпримут, пройдет много времени, частные же детективы действуют куда быстрее. Для этого, правда, нужны деньги, но я вам их одолжу, дорогой, я вам одолжу, не отказывайте мне из уважения к памяти моего отца Мосэ, из любви к моей родной Грузии. Потом, когда-нибудь, рассчитаемся.

От денег Сандро категорически отказался, но взял два письма, которые Абрам написал тут же. Почему же не попробовать — решил брат. — Если посольства ничего не сумеют сделать, возможно, я добьюсь чего-нибудь этим путем.

Они беседовали целый час. Два брата Абрама, жившие до революции в Киеве и в Одессе, оказывается, переселились в Сирию и Ливан, где занимаются торговлей. Иногда они приезжают к старшему брату в Варшаву.

Абрам все время говорил о Грузии, живо интересуясь всеми нашими делами. Узнав, что Сандро едет в научную командировку в Америку и будет жить в Сакраменто или в Сан-Франциско, в штате Калифорния (как Вы знаете, Томас Морган сперва работал в Колумбийском университете, но именно в том году он перешел в Калифорнийский технологический институт, администрация которого находилась в столице штата Сакраменто), засуетился — у меня, мол, и там есть знакомые! Достал записную книжку, долго листал ее и наконец, найдя нужный адрес, написал записку своему знакомому с просьбой помочь Сандро.

Эта записка на первых порах очень пригодилась. Сандро — он снял там относительно дешевую кварти-

ру, и до тех пор, пока выяснился денежный вопрос, у него был открыт маленький кредит в одном тамошнем продовольственном магазине. В Америке тогда начинался большой кризис, до основания потрясший ее экономику, и условия жизни были очень ненадежными, изменчивыми.

За выбранные Хильдой товары Абрам ни за что не хотел брать денег. Но Сандро решительно воспротивился. В конце концов Абрам проводил Сандро и Хильду на вокзал.

Это была их первая и последняя встреча.

Потом Сандро часто вспоминал Абрама и, несмотря на то, что не обнаружил в Европе следов отца, навсегда остался благодарен ему за искреннее участие. За его добро Сандро отплатил добром Рыжему Даниэлу: когда он вернулся из Америки, то с моей помощью разыскал его, вызвал в Тбилиси, дал возможность способному парню экстерном окончить школу и устроил его на экономический факультет университета. До войны Рыжий работал в госбанке, потом я потерял его из виду. Судьба же самого Абрама и его семьи завершилась трагически: они погибли в варшавском гетто во время оккупации...

27

Работой в Америке Сандро был очень доволен, так как он лично участвовал в некоторых экспериментах, проводимых Томасом Морганом, его сотрудниками и учениками на дрозофиле — малюсеньком, похожем на муху, насекомом. Она быстро размножается в лабораторных условиях и благодаря своим особенностям является прекрасным объектом для генетических исследований...

А сейчас я должен Вам рассказать странную, на первый взгляд, историю, которая произошла в личной жизни Сандро.

Как я уже говорил, супруга Сандро осталась в семье своих родителей в Берлине. Возвращаясь из Америки, Сандро, как было условлено, остановился на один день в Берлине, чтобы забрать жену с собой.

Проезд Сандро через Германию и его приезд в Берлин совпал с периодом активизации нацизма. Из до-

вольно слабой, многими не принимаемой всерьез партии нацисты с помощью немецких индустриальных магнатов и при содействии тех милитаристских кругов, которые стремились к реваншу и коренному пересмотру Версальского договора, успели превратиться в агрессивную, атакующую силу. Нацистский и националистический ажиотаж охватил всю Германию. Бесконечные стычки между нацистскими и демократическими силами вскоре вылились в настоящие кровопролитные бои, банды националистов жестоко расправлялись с рабочими, компартией и социал-демократией. Гитлер рвался к власти и вскоре добился ее.

На вокзале вместо Хильды Сандро встретил ее брат, офицер вермахта Фридрих. Вежливо поздоровавшись, он сообщил, что Хильда больна и прийти не смогла. По дороге в отель Фридрих намекнул Сандро, что Хильда, по-видимому, не сумеет поехать с ним в Советскую Россию.

В номере отеля брат Хильды передал Сандро письмо.

Перед тем как его прочесть, Сандро потребовал дать ему возможность встретиться с женой. Фридрих ответил, что это невозможно, поскольку Хильды нет в Берлине, и попросил его прочесть письмо.

Вот это письмо, оно до сих пор хранится у меня (я сам перевел его с немецкого):

«Дорогой супруг, герр Александр! Дела моей семьи и мои собственные сложились так, что несмотря на мое искреннее желание, у меня нет возможности по-прежнему оставаться Вашей достойной супругой и вернуться в большевистскую Россию. При создавшихся обстоятельствах это было бы эгоистическим игнорированием жизненных интересов моего отца, моего брата и всей семьи. Я хочу еще раз засвидетельствовать, что за все то время, пока мы были вместе, Вы относились ко мне с подлинным уважением, благородством, честностью и любовью. Я всегда удивлялась, что Вы, человек, одаренный столь рыцарскими качествами, являлись убежденным большевиком. Иногда именно это существующее в Вас несоответствие очаровывало и влекло меня к Вам. Для меня Вы всегда останетесь таким

рыцарем. Я уверена: Вас ждет большая научная карьера, и душой и сердцем я желаю Вам успехов на Вашем пути. Вы должны мне простить ту боль, которую, я знаю, Вам причинит это письмо. Но иначе поступить я не могу. Прошу Вас, не ищите меня, я нахожусь сейчас очень далеко от Вас. Возможно, когда-нибудь мы еще встретимся. Прощайте. Хильда».

Сандро стоял потрясенный. Когда он немного пришел в себя, то спросил Фридриха:

— Где она?

— В Южной Германии, в одной из деревень, но больше не спрашивайте меня ни о чем, я сказал все, что мог.

После этого они довольно долго сидели молча.

Потом Фридрих ушел.

В ту же ночь Сандро уехал на родину...

Он и Хильда никогда уже не встретились.

28

В деревне за это время многое изменилось.

Шла интенсивная коллективизация.

Начали строительство нового здания школы.

Тетя Тэолинэ скончалась, мы с почестями похоронили эту достойную, благородную женщину.

Нино окончила школу и уехала в Кутаиси.

Бывшие мои ученики постепенно покидали село и рассеивались по городам, но на смену им приходили малыши, и я был доволен.

У меня родился второй ребенок, девочка, ее назвали именем моей мамы — Тасо. В течение двух лет, пока девочка подрастала, моя жена Лиза жила с нами в деревне и не работала. Это очень раздражало ее, она все время уговаривала меня переехать в Кутаиси. Но я упорно не соглашался. Мы чуть было не развелись, но потом пришли к соглашению: Лиза с девочкой поселились в Кутаиси (она преподавала математику в моей бывшей гимназии), я же с маленьким Сандриком остался в деревне. То мы ездили в Кутаиси, то они приезжали к нам. Каждое лето они проводили у нас. Мы так привыкли к раздвоенной семейной жизни, что вообще не чувствовали неудобств.

После уроков и по воскресеньям я ухаживал за



огородом, сажал в нашем маленьком саду фруктовые деревья и растил их. Следил, насколько это было возможно в сельских условиях, за развитием генетики, так как очень интересовался работой брата, его успехами или неудачами. Я выписывал книги из Тбилиси и Москвы, а также московский специальный журнал — «Биология и марксизм». Позже стал выписывать «Журнал экспериментальной биологии» и «Биологический журнал», знакомился с ходом дискуссий (они сразу же приобрели очень острый характер). Сандро в своих теперь уже длинных письмах объяснял мне сущность и направление различных теорий, уточнял свою позицию, обосновывал свои взгляды.

После возвращения из Америки и истории, происшедшей в Берлине, которая так сильно подействовала на моего брата (он говорил, что его жену отравили фашистским ядом, насильно оторвали от него), Сандро в основном жил в Москве, учился в Коммунистической академии, по окончании которой работал в лаборатории известного советского генетика Николая Кольцова, а также у Александра Серебровского. Он опубликовал несколько статей в московских журналах и в американском журнале, посвященном проблемам генетики (эти статьи хранятся у меня), писал книгу о теоретических проблемах генетики (рукопись пропала во время войны), участвовал в совещаниях, дискуссиях, в заседаниях ученого совета Академии сельскохозяйственных наук.

Полученную им в свое время в Германии степень доктора философии здесь ему почему-то не зачли, и в 1934 году, когда у нас ввели защиту диссертаций, Сандро защитил в Москве кандидатскую диссертацию на тему «Теория о хромосомах с точки зрения марксистской диалектики». А спустя еще два года, в той же Москве — докторскую: «Мировоззренческие проблемы современной генетики» (по одному экземпляру обеих диссертаций хранится у меня). Вскоре ему предложили должность профессора в Московском университете.

За это время Сандро два или три раза навещал нас в деревне (тогда для приезда к нам требовалось много времени — четыре дня, а сейчас мои внуки от-

Тенгиз Буачидзе. Исповедь, или Профессор Сордиа.

сюда же, с Копитнарского аэродрома, через два часа долетают до Москвы).

Мы много беседовали о проблемах генетики

Что являлось главным, по моему мнению неспециалиста, в спорах и дискуссиях того времени? В чем причина того раскола, размежевания, которое началось в тридцатых годах и завершилось спустя три года после окончания войны, прекратив на длительный срок существование у нас генетики как науки?

Постараюсь вкратце рассказать о расстановке сил. Одни утверждали — наследственные изменения передает не выдуманная идеалистами некая генетическая система, а весь организм целиком, и в его развитии главным является среда, где он формируется; именно влияние среды на весь организм и вызывает наследственные изменения.

Вторая же группа генетиков считала, что влияние среды может повлечь лишь такие изменения организма, которые не переходят по наследству, если среда непосредственно не влияет на гены. Поэтому, утверждали они, необходимо продолжить экспериментальную работу, чтобы суметь найти методы целенаправленных воздействий на гены. А для этого нужно всесторонне изучать саму систему наследственности, разгадать ее тайны.

Таких взглядов придерживалась широко признанная группа генетиков — академиков и профессоров, к которой примыкал и мой брат.

Их противники задались целью сломить влияние этой группы, идейно разгромить ее как идеалистическую, и они в конце концов добились своей цели.

Положение обострялось еще тем, что обсуждаемые проблемы непосредственно были связаны с жизнью народа, с укреплением экономики страны. Поэтому естественно, что всеобщая поддержка ждала Трофима Лысенко, который пообещал руководству быстро достичь практических успехов, резко увеличить урожай, незамедлительно улучшить породу скота. Одновременно он заявлял, что он и его сторонники являются последователями великого русского селекционера Ивана Мичурина, тогда как противники его преклоняются перед иностранными, реакционными учеными — Менделем,

Вейсманом и Морганом, проповедуют их вредные идеалистические теории.

Этот великий спор начался еще в двадцатые годы, когда Сандро учился в Тбилиси, а затем находился в Германии и Америке. Только в тридцатых годах, окончив Коммунистическую академию и получив степень доктора, он стал непосредственным свидетелем и участником тогдашних дискуссий.

Первая дискуссия с участием Сандро (пока, естественно, скромным участием) состоялась в декабре 1936 года, когда в Москве проходила четвертая сессия Академии сельскохозяйственных наук. Она была посвящена спорным вопросам генетики и селекции.

В этих дискуссиях отчетливо вырисовывалась ведущая роль Трофима Лысенко и его идейного вдохновителя И. И. Презента как яростных противников истинной генетики и ее будущих могильщиков.

Они упрямо хватались за отдельные сомнительные аспекты находящейся в процессе развития генетики, за некоторые ошибки, которые впоследствии с помощью новых экспериментов и правильных обобщений были преодолены и от которых отказались сами генетики. Раздувая эти отдельные ошибки, они целиком отвергли молодую перспективную науку.

Дело дошло до того, что один из крупнейших советских генетиков А. С. Серебровский вынужден был сказать: «Под якобы революционным лозунгом «за истинную советскую генетику» «против буржуазной генетики»... вы ведете яростную атаку на крупнейшее научное достижение XX века, пытаетесь отбросить нас назад на полвека. Какими бы хорошими и благородными чувствами ни руководствовалось большинство наших противников, объективно их поход, направленный по совершенно ложному пути, является во многих отношениях просто скандальным и уже сейчас наносит вред нашему хозяйству»...

Н. П. Дубинин же с возмущением говорил, что некоторые критики «хотят великой науке надеть на голову дурацкий колпак». Далее он сказал: «Не нужно играть в прятки, а нужно прямо сказать, что если в области теоретической генетики восторжествует тео-

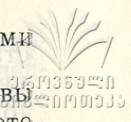
рия, душой которой, по заявлению Лысенко, является И. И. Презент, то в этом случае современная генетика будет полностью уничтожена».

Спустя двенадцать лет этот пессимистический прогноз оправдался.

Лысенко утверждал, что он, например, уже сумел «вопреки догмам генетики» превратить озимую пшеницу в яровую, то есть так приспособить организм к окружающей среде, так «воспитать» его, что приобретенные им качества без всяких генов превращаются в наследственные.

Ему пытались доказать, что этого быть не может, что такое утверждение следует проверить точным экспериментом, ибо среда непосредственно не влияет на систему наследственности, на твердо «записанную» «потомственную информацию»; «воспитание» здесь ни при чем. Что модификационные изменения не могут передаваться по наследству, что целенаправленной мутации (генетические видоизменения) невозможно добиться столь легко, поскольку ее создает только такое активное воздействие на генетическую систему, как, например, ионизирующее облучение, ультрафиолетовые лучи, сильные химические вещества... Тот, кто знаком с основами генетики, не встанет на ошибочный путь Лысенко. Проведенные им опыты, возможно, останутся только экспериментом и промышленного значения иметь не будут... Если человек, например, в результате упорных тренировок стал атлетом и может поднять на плечи железнодорожный вагон, то это приобретенное физическое свойство не передается его наследникам. Система передачи наследственности отца — расположенные в хромосомах гены. Если мы не научимся целенаправленно воздействовать на них, на что понадобятся, наверно, десятилетия, всякие попытки руководить наследственностью сегодня бесплодны и останутся такими и завтра.

Со своей стороны Лысенко также обвинял генетиков в бесплодности. Он отрицал необходимость «формальной генетики», считал бессмысленной трату времени и средств на нее, распыление кадров, жаловался, что генетики, «кроме экспериментов над мухами», ничего не делают для того, чтобы выполнить указание



правительства о выращивании ежегодно семи-восьми миллиардов пудов зерна.

Презент в своей речи напал на главные основы «идеалистической генетики» (как выяснилось позже, это выступление Презента, как и другие его выступления, статьи и брошюры, было основано на совершенно ложных посылах, и автор их действовал с совершенно иными, отнюдь не научными целями). Он грубо высмеивал противников, в том числе и моего брата (который говорил об органической связи современной генетики с дарвинизмом), и заявил, что путь, избранный Лысенко, является единственно правильным путем, который и должен быть признан генеральным путем советской агробиологии.

Тот, кто прочтет книгу, в которой напечатаны материалы дискуссии 1936 года (эта книга и сейчас лежит у меня на столе), увидит, что Лысенко и его приверженцы были недовольны тем, что тот или иной ученый мыслит иначе, они выступили с требованием запретить инакомыслие, пытались заставить исследователей отказаться от своих научных целей, от собственного своеобразного мышления и довольствоваться лишь тем, что предлагал сам Лысенко.

Его сторонники обвиняли генетиков в том, что они делят неразделимое — тело организма (сому) и существующий в нем наследственный аппарат (хромосомы). Они издевались над неведомым «наследственным веществом», объявляя его идеалистическим вздором, реакционным пережитком вейсманизма. Невозможно, доказывали они, чтобы в передаче наследственности не участвовал весь организм, чтобы это зависело только от вейсманистско-моргановского «гена», существование которого еще никто не доказал и никогда не сумеет доказать.

На дискуссии произошел окончательный раскол двух борющихся лагерей: генетики отказывались признать полезным «антибиологическое, антигенетическое» направление группы сторонников Лысенко, которое «противоречит всей современной науке». Лысенко же и его группа отрицали основы «формальной» генетики как антинаучные, а значит, и «антинародные», противопо-

ставляли им «советскую практику» преобразования организмов путем воздействия среды на сомю (а не на какие-то гены), говорили о достижениях желательных изменений вне всякой генетической формализации...

Еще более острый характер носила дискуссия 1939 года, которую организовал журнал «Под знаменем марксизма». Между прочим, острота этой дискуссии была обусловлена, очевидно, и некоторыми обстоятельствами внешнего характера. Во-первых, Лысенко к этому времени из Одесского селекционного института был переведен в Москву на должность президента Сельскохозяйственной академии имени Ленина. Таким образом, он был в этот момент не директором одного из провинциальных институтов, а официальным лицом союзного масштаба, в чьих руках фактически была сосредоточена вся сельскохозяйственная наука.

Кроме того, дискуссию проводил ведущий журнал, который в области идеологии формировал идеи и указания, имеющие руководящий характер. На дискуссии присутствовали философы, которые, безусловно, не были экспериментаторами-генетиками, а являлись учеными широкого профиля. В основном это были представители диалектического материализма, которые хорошо понимали, какое большое значение имели методологические принципы этой общей науки для дальнейшего развития биологии.

Необходимость проведения такой дискуссии официально обосновывалась следующим образом.

В последние годы в области генетики и селекции возникали споры вокруг основных теоретических проблем, дарвинизма, открытий Менделя и отношения к теории хромосом. На дискуссиях подобного рода подвергались критике некоторые метафизические концепции так называемой классической или формальной генетики. С другой стороны, высказывались сомнения по поводу успехов в генетике приверженцев Мичурина в области вегетативной гибридизации растений, разработки новых методов по созданию новых пород. Борьба различных направлений в теории генетики повлияла на программы средних и высших школ, возникли

противоречия, дезориентация учащихся и самих преподавателей в отношении правильного определения наследственности и изменчивости. И, главное, теоретические разногласия не могли не отразиться отрицательно на сельскохозяйственной практике в зерновых и животноводческих совхозах, на селекционных станциях, в питомниках. Подобное положение в важнейшей области науки, которая призвана решать задачи социалистического сельского хозяйства, стало нетерпимым. Надо было сделать все, чтобы помочь работникам этой области четко разобраться в спорных научных вопросах генетики.

Как мы видим, перед готовящейся дискуссией стояла вполне серьезная задача. Но по наивности я тогда все время ломал себе голову над тем, как сумеют помочь неспециалисты специалистам.

Если Вы мне скажете, что метод материалистической диалектики является общим для всех отраслей науки, я с Вами соглашусь, но я при этом поставлю такой вопрос: разве можно использовать метод материалистической диалектики в какой-либо узкой специальной области без объективного анализа положения в этой науке?

Я не ученый, я простой преподаватель математики и привык к простому анализу.

Для объективной оценки необходимо как минимум знать факты, и не только знать, но еще и понимать их смысл. Без этого объективно оценить положение в какой-нибудь области науки невозможно.

Что заставляет буржуазного ученого, не марксиста, иногда стихийно становиться на позиции материалистической диалектики? Логика самих исследований, правильный анализ факта или явления.

Разумеется, лучше, легче с самого начала сознательно использовать материалистическую диалектику, применить ее методологические принципы. Но одно только признание принципа еще далеко не обеспечивает правильного его использования.

Не берусь ничего категорически утверждать, но мне кажется, что объективный анализ фактов, накопленных генетикой, позволяет сделать вывод, что боль-

шинство ученых-генетиков были диалектиками, в то время как большинство специалистов-диалектиков выглядели на этой дискуссии догматиками и демагогами.

Вот данное ими определение гена: «Некий воображаемый носитель наследственности, якобы обеспечивающий преемственность в потомстве тех или иных признаков организма и будто бы находящийся в хромосомах. Представление о генах является плодом метафизики и идеализма».

Семь дней продолжалась напряженная дискуссия. Мой брат тогда был назван «философским адептом менделизма-морганизма», и это уничтожающее прозвище применялось к нему и впоследствии...

В моем отрывочном и примитивном пересказе все выглядит как будто бы просто и понятно, на самом же деле те довоенные дискуссии затрагивали гораздо более сложные вопросы, их было больше, и имели они более принципиальный и масштабный характер. Но об этом судить уже вам, специалистам.

30

Наступил предвоенный тысяча девятьсот сороковой год.

К тому времени положение нашей семьи было таково:

Сандро жил и работал в Москве.

Софиго, три года как овдовевшая, находилась с детьми в Тбилиси. Чем мог и как мог, я помогал ей: присылал кукурузную муку, лобио, сыр, фрукты, утешал и ободрял ее в письмах.

Обзаведшийся семьей Лади уже давно работал инженером-энергетиком в системе Грузэнерго. Он тоже жил в Тбилиси. Тридцатидвухлетний Илико, сельский инженер-механизатор, работал в Цнорской МТС. Он женился на уроженке тех мест и имел детей.

Анико и Нино учительствовали в Кутаиси и Хони (тогда уже Цулукидзе).

Все мои братья и сестры получили высшее образование.

Все отличались трудолюбием и преданностью делу. Лишь Илико свойственно было непостоянство характе-

ра. Он часто менял место работы, жил то в Гори, то в Телави, то в Кварели и даже, как со смехом призналась мне наша кахетинская невестка, «донжуанствовал». «Но, — добавляла она при этом, — я так держу его в руках, что он у меня не выскользнет, и сам хорошо это знает».

В начале августа сорокового года мои братья и сестры в последний раз съехались на две недели ко мне в деревню.

Это были незабываемые для меня дни!

Удивительное чувство сохранилось у меня от того августа.

Все мы были живы (кроме одного зятя), все были здоровы. Окруженные детьми, невестками и зятьями, мы еще раз показали деревне, что семья Эпифана Сордиа и Тасо Лордкипанидзе жива, это дружная семья, и у нее есть надежды на будущее.

Шестеро братьев и сестер, мы уже имели четырнадцать детей (только Сандро был одиноким).

Как мы помещались в нашем маленьком, двухкомнатном доме?

Не знаю уж как, но помещались! Мужчины спали кто во дворе, кто на балконе, детям стелили всем вместе на полу.

С рассветом наши мальчики и девочки начинали шалить, швыряли друг в друга мутки и подушки, матери для виду сердились, поднимался галдеж, суматоха, возня, иногда раздавался и плач...

Все вместе ходили купаться, все вместе и рыбачили.

Стоило только посмотреть на нас, когда, выстроившись в ряд, мужчины с засученными брюками и дети голышом спускались к Сулори на рыбалку. Матери, жены и сестры подбадривали нас и подбирали выброшенную на берег трепещущую рыбу.

В тот год был прекрасный урожай фруктов и овощей. Вместе с моей женой Лизой хозяйничали сестры, а иногда и невестки. Сандро, Лади и Илико дважды ходили на охоту в рогозы Риони и добавили к нашему столу диких уток. Илико вбил себе в голову, что

должен накормить нас кахетинским шашлыком, он достал в деревне сухие обрезки стеблей лозы и приготовил нам поистине царские шашлыки.

Самым довольным и веселым среди нас был Сандро. Он почти все время проводил с детьми. С утра собирал их и то поднимался с ними на близлежащую гору, то водил их в прибрежные рощи Сулори или в соседний лес. Но главным для них были все же его рассказы. Столько интересного услышали дети за те две недели об окружающем мире, о тайнах природы, о небесных светилах и о земных недрах — наверное, таких рассказов до этого они никогда не слышали.

Естественное уважение детей к старшему дяде превратилось в преклонение, и я в душе сожалел о том, что Сандро не имел собственной семьи и детей. На любой его призыв они все с готовностью откликались и тут же бросались выполнять любое его поручение. Они очистили весь двор от сорняков, ворота и изгородь стали как новые — дети их починили и покрасили в зеленый цвет, укрепили лестницу, заменили несколько прогнивших ступенек, а из молодых гибких ветвей, принесенных из лесу, соорудили пацху и в ней очаг. Расчистили дорожку от ворот к дому и посыпали ее галькой, которую натаскали с берега. Жаль, что не было нужных материалов, а то с помощью стольких рабочих рук можно было бы пристроить еще одну комнату...

Да, незабываемо то лето!

В ночь перед отъездом я и Сандро долго разговаривали. Общее содержание и отдельные моменты нашей беседы я помню хорошо.

По мнению Сандро, Трофим Лысенко, выходец из народа, был человеком способным. Он очень быстро прошел путь от рядового специалиста до академика и в глазах многих завоевал авторитет. Однако он отличался странной близорукостью, упрямством, имел диктаторские наклонности...

— Что тебе сказать о его научных достижениях? — говорил Сандро. — Выдвинутая им теория стадийного развития растений сыграла в основном положительную роль, ведь к каждой стадии роста растения он подобрал соответствующий агротехнический метод. Что же касается вопросов генетики, то он в них либо

не разобрался до конца, либо успел понять, что на этом пути он практических результатов быстро не добьется. Ты ведь знаешь, генетика — наука будущего. Потому что он и пытается другим, антигенетическим путем чего-то достичь, чтобы оправдать доверие руководства.

Я спросил брата: а вдруг он все-таки прав и вы зря спорите с ним. В ответ Сандро рассмеялся и сказал:

— Не верь этому, Эпо! Только настоящие генетики смогут выяснить тайну вопросов наследственности. Правда, избранный нами путь долог, но он единственный. Запомни: единственный! И именно этим путем нам всем следует идти, чтобы когда-нибудь овладеть методами целенаправленного изменения наследственности. Что же касается методов и соображений Лысенко, то все это — позавчерашний день, запоздалый отголосок ламаркизма, который, как кандалы, сковывает развитие истинной науки. Надеюсь, ты помнишь Ламарка, о котором нам рассказывал Иосиф Оцхели?

Я кивнул головой. Я помнил лишь, что он был одним из предшественников Дарвина.

— Тогда я тебе напомним о нем, а его книгу «Философия зоологии» пришлю тебе из Москвы, — сказал мне Сандро, когда я ему признался, что помню Ламарка не очень хорошо. — Сначала в общих чертах, — продолжал он. — Так вот, еще в начале девятнадцатого века Жан Ламарк сформулировал первую цельную систему эволюции природы. Виды животных и растений, считал он, постоянно изменяются под влиянием окружающей среды и какого-то внутреннего стремления к совершенству, организмы находятся в непрерывном процессе усложнения и совершенствования. Вместе с тем Ламарк не сумел установить истинных причин эволюции, это, как ты знаешь, выпало на долю Дарвина, а ламарковская теория флюидов о существующем в организмах стремлении к совершенствованию, предопределенном богом стремлении к намеченной цели является мистикой... Это ведь не трудно понять, Эпо?

— Да, только ты не забудь прислать мне «Фило-

софию зоологии», я буду очень благодарен, — ответил я.

— Хорошо, не забуду. Теперь рассмотрим отдельные его положения. Ламарк, например, утверждал, что окружающая среда непосредственно изменяет организм, но то же самое, вопреки генетике, утверждает и Лысенко; Ламарк считал, что организм путем упражнений приобретает необходимые для него свойства, то же самое, наперекор генетике, доказывает и Лысенко; и, что главное, Ламарк говорил, что приобретенные свойства переходят от поколения к поколению, Лысенко — то же самое. Генетика же считает, что если изменения не произойдут непосредственно в системе передачи наследственности, в самих генах, то никаких изменений в организме не происходит и, естественно, никаких душевных новых качеств потомству не будет передано. Но Лысенко этому не верит...

— А что с вами, генетиками, будет дальше? — спросил я.

Сандро задумался и ответил:

— Во-первых, я уже не настоящий генетик, ты знаешь, я бросил экспериментальную работу, сейчас моей главной специальностью являются теоретические вопросы естествознания. Во-вторых, пока еще исследования проблем генетики продолжаются в институтах большой Академии, на кафедрах и в лабораториях университетов Москвы, Ленинграда и Киева, ведь в мире существует не только Сельскохозяйственная академия! Правда, Лысенко и его союзники воцарились в ней, но работа все-таки еще продолжается, и мы должны надеяться, что она не прекратится. Разве легко остановить подлинную науку?! Однако меня беспокоит то, что Лысенко и его сторонники пользуются все большим признанием и авторитетом в руководящих кругах. Поскольку, в отличие от истинных ученых, они щедры на обещания, сулят быстрое разрешение многих конкретных задач и заданий, а какой руководитель откажется от этого? Но как только истечет срок обещаниям, как только выяснится, что путем Лысенко ничего осязаемого достичь нельзя, станет очевидной его ложь — невольная или намеренная.

— Но если Лысенко признают правым, а другие работы прекратят, что вы будете делать? — спросил я.

Сандро снова глубоко задумался и сказал:

— Лысенко не так уж и прост, наоборот, это личность сложная, и, конечно, он попытается сделать все для сохранения своего авторитета. Если он искренне верит в свою правоту, тогда он упрямо пойдет напролом, и все его ошибки быстро станут явными, если же нет и нас лишат возможности работать, тогда уж я не знаю...

Мы сидели во дворе на большом камне. Этот камень я притащил с берега Сулори и положил во дворе. Такой же камень лежал в нашем дворе там, в Кутаиси... Правда, этот был меньше прежнего, но вдвоем мы все же умещались на нем.

В теплой летней ночи, не переставая, трещали цикады. В доме все спали, только с балкона доносились тихие голоса беседующих мужчин.

Опустив голову, Сандро задумался.

Луна освещала окрестность, иногда ветерок шелестел ветвями деревьев, на миг нарушая ночную тишину.

— Дело в том, — продолжал спустя некоторое время мой брат, — что среди настоящих генетиков нет единства. Если люди Лысенко во всем друг друга поддерживают, то генетики, наоборот, ведут жестокие споры, постоянно пререкаются, ведь их интересует дело, а не карьера. Не знаю, какой можно найти выход... Одно только знаю: все надеются на товарища Сталина, такой человек должен распознать, на чьей стороне правда, на чьей стороне будущее, кто по-настоящему служит народу и интересам страны! Советская генетика сейчас пользуется огромным престижем в мире, Вавилов, Серебровский, Жуковский, Астауров, Левитский, Завадовский, Щербак, Дубинин — все они ученые мирового масштаба. Разве это малая сила? Разве с ними не будут считаться? После прошлогодней дискуссии, когда обстановка очень накалилась, я посоветовал одному своему другу-генетику обратиться с письмом лично к товарищу Сталину. Но он умница, он отказался от этого по двум соображениям. Во-первых, — сказал он, — сейчас не то положение, чтобы беспокоить такого человека делами, которые мы должны ула-

дить сами, во-вторых, письмо надо не только написать, но еще и собрать подписи. Это не так просто: возникнут всякие затруднения, разногласия, дело затянется и кончится совершенно иначе, чем ты думаешь. А потом, — добавил он, — Николай Вавилов, человек, имеющий огромные заслуги перед государством и наукой, создатель Сельскохозяйственной академии и первый ее президент, безусловно, имеет возможность лично увидеть товарища Сталина и информировать его... Посмотрим, какую обстановку застану я сейчас в Москве, в какую сторону все это двинется...

31

Быстро протекли те две недели. Все счастливые дни кончаются быстро...

Сначала мы проводили Сандро, ему предстоял самый долгий путь.

Потом уехала Софико с детьми, Лади и Илико с семьями.

Младшие сестры остались еще на некоторое время, но потом и они поспешили в Кутаиси — в августе в школах начинались совещания.

Первого сентября я и Лизико тоже приступили к новому учебному году, а наши подростки дети сели за парты.

Жизнь была наполнена трудом и в этом труде проявляла себя.

Был ли я счастлив? Да. Я был счастлив и чистосердечно радовался всему доброму, что видел вокруг себя, злился на несправедливость, но молчал, не имея сил и возможностей противостоять ей...

Главное было то, что у меня была цель жизни, я знал, зачем существую, и, как мог, служил своему народу делом, которое я считал самым важным — просвещением молодого поколения, воспитанием честной и полезной для родины молодежи. Это и приносило мне счастье, и я считал себя человеком, нужным для других...

Мне исполнился сорок один год, когда грянул июнь сорок первого.

Лади, Илико и наших обоих зятьев сразу же призвали в армию.



Они ушли так внезапно, что я даже не успел с ними попрощаться.

Меня не призвали из-за хромоты. (В тридцать седьмом мы, учителя, помогали колхозникам возить сено с гор, я упал, сломал себе ногу и с тех пор немного хромаю). Мои сверстники ушли на фронт, я же числился в районном истребительном батальоне.

В школе остались только женщины и несколько пожилых мужчин.

Много чего я мог бы рассказать Вам о грузинской деревне в годы войны, мы немало перенесли горестей, хотя выпадала на нашу долю и радость. Но поскольку я пишу про Сандро, остановлюсь на событиях, связанных непосредственно с ним.

Как Вы знаете, в тяжелейший первый год войны враг быстро продвигался вперед и в начале осени стал угрожать Москве.

Многие предприятия, научные и культурные учреждения столицы, народные комиссариаты и весь дипломатический корпус были эвакуированы глубоко в тыл, на Урал и в города Приволжья.

Сандро и несколько его коллег отказались от эвакуации и со многими тысячами москвичей приняли участие в оборонном строительстве вокруг Москвы. Они сооружали укрепления: копали окопы, противотанковые рвы, ставили надолбы, эскарпы. Потом, в ноябре, когда враг перешел в решительное наступление, они вступили во второй полк ополчения трудящихся Москвы и с оружием в руках приняли участие в боях.

В обороне Москвы самыми трудными оказались октябрь и ноябрь тысяча девятьсот сорок первого года. Особенная опасность угрожала городу с севера, где у села Крюково сражалась одна из дивизий ополченцев, в которой комиссаром второго батальона второго полка был Сандро. В тяжелых боях полк потерял почти половину состава, много командиров и комиссаров погибало, так что до ранения Сандро пришлось исполнять обязанности и комиссара полка.

Из рассказов Сандро я знаю, что их соединение входило в состав 16-й армии, которой командовал Рокоссовский. Однажды, в конце ноября, когда команди-

ры и комиссары дивизий были на совещании на командном пункте в селе Крюково, адъютант вызвал командующего: «Товарищ Сталин просит вас к телефону «ВЧ». Рокоссовский вернулся минут через пять и сказал: «Враг атакует населенные пункты Белый Раст и Красную Поляну (от этих деревень до Москвы оставалось не более двадцати пяти километров!), требуется принять срочные меры, это личное поручение Главного командующего! Командир второго полка товарищ Иванов и комиссар товарищ Сордиа, сейчас же подготовьте полк к походу, пойдете по этому маршруту (он показал путь на карте), на рассвете с фланга ударите по врагу, который наступает на Красную Поляну. Обеспечьте связь со мной... Время не терпит, даю вам полчаса на подготовку».

Этот эпизод упоминается в книге фронтовых воспоминаний Рокоссовского, которую я недавно прочел с большим удовольствием. Там, конечно, ни Иванов, ни Сордиа не упоминаются, так как, описывая эту сцену, автор стремился лишь рассказать о создавшейся тогда реальной угрозе Москве и о том, как Верховный Главнокомандующий лично отдавал приказания...

Было за полночь, когда полк со своей артиллерией и повозками двинулся к Красной Поляне. Снега было немного, но мороз стоял довольно сильный, было около двадцати градусов. Сельская разбитая дорога то взбиралась на пригорки, то спускалась в овраги. Начинало светать, когда в двух километрах от Красной Поляны полк наткнулся на фланговые позиции немцев. Прежде чем наша артиллерия успела занять огневую позицию и приготовиться к стрельбе, два вражеских танка в сопровождении автоматчиков атаковали именно тот батальон, где находился Сандро.

Наши залегли прямо в снег и открыли пулеметный и ружейный огонь. Необходимо было как-то остановить танки. Со связкой гранат в руке мой брат пополз к ближнему танку, который через несколько секунд должен был повернуться к нему боком. Ловко кинутая с пятнадцати метров граната подбила гусеницы, но другой танк, прежде чем и он взорвался от залпа нашей артиллерии, успел метров с двухсот сделать выстрел в сторону голого мерзлого куста, под которым за-

лег Сандро. Больше брат ничего не помнил до той минуты, пока не пришел в себя в санчасти.

Причиной ранения, точнее, тяжелой контузии Сандро был сорванный снарядом пласт окаменевшей земли, который ударил его в грудь и лицо. Все лицо и лоб в ссадинах, разбитый нос, выбитые передние зубы, разбитые ключицы и два треснувших ребра с обеих сторон груди (еще хорошо, что он чудом не потерял глаза!) — вот результаты этой контузии.

«У меня был ужасный вид», — вспоминал потом Сандро, и улыбка обнажала его стальные зубы. Когда он нервничал, он начинал заикаться и непроизвольно дергать головой, и это так и осталось навсегда, хотя, по его же словам, ничуть ему не мешало.

32

Четыре месяца провел Сандро в госпитале. Наконец все зажило, но он еще чувствовал слабость. Ему дали месячный отпуск, и он отправился в Грузию.

Тогда еще не началось большое летнее наступление немцев тысяча девятьсот сорок второго года на Сталинград и Северный Кавказ. Дороги с севера на юг еще не были перерезаны, и Сандро поэтому относительно легко добрался по Волге до Астрахани, оттуда морем до Баку (в море ему, оказывается, пришлось очень тяжело — они плыли на маленьком, старом, разболтанном парходике), а потом поездом до Тбилиси.

В дороге простывший (был конец марта) и сильно ослабевший, он, чтобы немного прийти в себя, неделю провел в Тбилиси у Софики, а потом приехал в Кутаиси, где я встретил его и отвез в деревню, надеясь, что мы с Лизико за ним присмотрим. (Правда, с удовольствием было туго, не так, как, скажем, в Тбилиси). Вместе с тем мы очень надеялись на деревенскую тишину и разбуженную весной природу, к чему Сандро так стремился.

Что я могу рассказать о тех трех неделях, которые Сандро провел тогда с нами? Прежде всего должен Вам сказать, что брат очень изменился. Когда в утренних сумерках (тбилисский поезд прибыл в Кутаиси в

шесть часов утра) он появился в дверях вагона, мы его еле узнали: поседевший, худой, какой-то увядший, с пожелтевшим лицом, на котором обозначилось множество светло-розовых шрамов.

Если бы я и Лизико не пришли ему на помощь, он не сумел бы самостоятельно спуститься с высокой лестницы вагона. Он показался мне даже меньше ростом. Когда мы помогли ему сойти на перрон, он с трудом, простираясь, выпрямился, виновато улыбнулся нам и шепотом попросил поскорее увезти его: «Может быть, я посплю, всю ночь мне не давала покоя ломота в груди».

У меня оборвалось сердце. Лизико обняла его, я перекинул через плечо его тяжелую шинель, поднял легкий чемодан, и мы медленно вышли с вокзала. Мы осторожно уложили Сандро на арбу, под плечи и ноги подложили привезенные из дома мутаки и подушки и медленно направились к деревне.

Всю первую неделю Сандро почти не вставал.

В апреле вдруг потеплело, и он лежал на балконе в окружении наших учеников и соседей. На следующей неделе он встал, но сперва ходил только по двору, гулял под деревьями и кустами с распускающимися почками.

Потом вышел за ворота и прогулялся по улице. Спустя еще две недели он совсем оправился. Мы, как могли, старались усиленно кормить его, соседи щедро помогали нам в этом, но он ел мало. «Разве что этот райский воздух поможет мне», — говорил он с улыбкой.

Когда истекли три недели, Сандро стал собираться в путь.

— Сперва я должен зайти в Кутаиси в горком, потом поеду в Тбилиси, чтобы вовремя получить новое назначение. Когда кругом идет война, оставаться в деревне равносильно преступлению.

— Но ты же профессор, — говорил я ему, — и тебе полагается бронь...

— Не говори глупостей, — отвечал он мне и продолжал готовиться к отъезду.

Он уехал.

Я проводил его до Кутаиси. Покончив с делами в Кутаиси, он на другой же день отправился в Тбилиси.

Я вернулся в деревню. И уши и глаза мои были прикованы к почтальону.

Скоро и моему старшему сыну Сандрику подходил срок идти в армию.

Мой брат Лади в августе сорок первого погиб под Севастополем.

Второй брат Илико был командиром взвода в 414-й дивизии.

Оба зятя находились в Керчи, и мы о них ничего не знали.

Война продолжалась.

Наступил черед и десятиклассников.

Ушел наш Сандрик. Теперь на фронте сражались два Александра Эпифановича Сордиа — мой брат и мой сын.

В конце сорок третьего Сандро вновь был ранен, на сей раз легко. Некоторое время он провел в московском госпитале, потом, в сорок четвертом, вернулся на свою кафедру в Московском университете. Несмотря на его сопротивление, он был демобилизован из армии, так как не мог свободно действовать правой рукой (после повреждения сустава правого плеча).

В сорок четвертом мы получили извещение о гибели Илико...

Следов двух зятьев, пропавших без вести, мы так и не сумели обнаружить, обе мои сестры овдовели...

Мой сын сражался на Первом Белорусском фронте, потом, после взятия Берлина, их часть спешно перебросили на восток, и ему пришлось сражаться и против Квантунской армии. Он вернулся в сорок шестом в звании капитана, награжденный орденами и медалями...

33

Наконец-то кончилась война, беспощадная, кровавая, которая унесла столько молодых жизней и нанесла жестокий урон и нашей семье.

Постепенно деревня ожила и перешла к мирной жизни.

Но еще долго-долго зияли раны, нанесенные вой-

ной каждому дому и каждой семье. Нередко слышался откуда-нибудь плач и стон, острым ножом вонзаясь в сердце...

Летом сорок шестого года мой сын, вызванный дядей в Москву, сдал приемные экзамены на биологический факультет Московского университета и стал студентом. С этих пор, если я что-либо знал о жизни и делах Сандро, то только благодаря моему сыну.

«Сандро женился», — писал мне сын. «Слава богу», — думал я.

«Вышла книга Сандро», — и прислал мне книгу.

Это была самая шумевшая его книга — сборник статей «Вопросы философии естествознания». Я так обрадовался, словно ожил мой отец (всегда, когда я слышал о Сандро что-либо хорошее или что-либо неприятное, сейчас же перед моими глазами вставали родители). Книга Сандро очень скоро превратилась в объект острой критики, она привлекла внимание многих теорией «новой мичуринской генетики».

Что же касается второго брака Сандро, то брат на этот раз женился на женщине с ребенком, доценте, специалисте по истории партии, которая работала в том же университете на соседней кафедре. Эта женщина (фамилию ее я умышленно не называю), дочь знаменитого тогда академика, оставив свою во всех отношениях обеспеченную семью, перешла в однокомнатную, бедно обставленную квартирку Сандро (ребенка она оставила у своих родителей), а мой сын, живший у дяди, сразу же перебрался в общежитие. Молодожены первое время жили довольно мирно.

Наступил тысяча девятьсот сорок восьмой, судный для генетиков год.

31 июля в Москве открылась историческая сессия Всесоюзной сельскохозяйственной академии, которая продлилась до 7 августа, поэтому ее называли «августовской сессией».

Это был полный триумф лысенковцев.

Ход и результаты этой сессии Вам, наверное, лучше известны, чем мне, и, я думаю, совершенно не обязательно все это теперь вспоминать.

Я просто скажу: боюсь, что результаты этой сессии каким-то образом и до сих пор сказываются на развитии нашей генетической науки... Ведь фактически ге-

нетика тогда была объявлена идеологической диверсией капитализма.

Правда, по докладу Лысенко на августовской сессии развернулась дискуссия, во время которой выступили и несколько его противников, но условия, в которых велись эти споры, были гораздо менее благоприятны по сравнению с дискуссиями тридцатых годов.

Трудно было теперь спорить с Лысенко — к тому времени он уже был награжден шестью орденами Ленина, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он был трижды лауреатом Сталинской премии, действительным членом двух академий и президентом одной из них — Сельскохозяйственной.

Если говорить правду, происходящее мало было похоже на дискуссию, так как все результаты и выводы были заранее predeterminedены и предрешены.

И мы сейчас должны лишь склонить с уважением головы перед принципиальностью тех, кто в таких условиях осмеливался защищать свои воззрения и позиции...

Думаю, что Вам уже ясен характер моего брата: если он во что-то верил сердцем и разумом, его ничто не могло разубедить. Он был человек цельный, волевой и не терпел никаких тактических отступлений или пассивного ожидания. Постоянно напряженный, как лук, прямой, как стрела, искренний и добрый, как ребенок, он всегда был готов принести в жертву своим убеждениям, правде — самого себя. Когда на той августовской сессии несколько генетиков выступили с признанием своих «ошибок» и выразили готовность разделить точку зрения Лысенко, мой брат не только с возмущением отказался от подобного покаяния, но и спустя некоторое время, когда состоялось первое собрание факультета, посвященное задачам нового учебного года и преодолению допущенных «идеалистических ошибок в биологии», выступил с волнующей, искренней, но несдержанной речью. Его предупредили в парткоме. На заседании кафедры он повторил то же самое. Его снова предупредили. На втором собрании он опять попросил слова. Не дали. Тогда он выступил с трехминутным заявлением о недопустимом положении в генетике.

По просьбе друзей ему дали месячный внеочередной отпуск «для успокоения нервов и возобновления лечения полученной на войне контузии».

Мы еще не получили письма от сына, не были им предупреждены, когда первого октября того же года совершенно неожиданно для нас Сандро приехал в деревню...

Сейчас, когда я ознакомил Вас с сущностью и положением дел, мне хотелось бы и самому разобраться в том, чем именно была вызвана глубокая душевная депрессия, которую тогда переживал брат. Какими жизненными нитями был он связан со своим делом, своей наукой и почему не сумел найти внутренних сил для сопротивления не зависящим от него обстоятельствам? Почему он отдался во власть своих чувств и остро, трагически переживал все, что случилось?

Ведь были же десятки и сотни самоотверженных ученых-генетиков, которые после августовской сессии оказались в изоляции, а их деятельность была названа антинародной, вредной и порочной. Некоторых из них даже снимали с работы, так что за полным торжеством группы Лысенко они наблюдали уже со стороны. Однако они все же не потеряли головы, в них сработал инстинкт самозащиты и самосохранения, и кроме отдельных слабых личностей, перешедших в ряды противника, все остальные дождались того времени, когда правда была восстановлена и созданы нормальные условия для их жизни и труда.

На вопросы такого рода я не нахожу ответа.

Возможно, что трагедию усугубило и то обстоятельство, что Сандро именно тогда пережил еще одну катастрофу, связанную не только с его чувствами, но и с его верой и его взглядами.

В один прекрасный день, когда брат вернулся с работы, он не застал жену дома. В оставленной на столе записке она писала, что возвращается к родителям, поскольку более не желает жить с человеком, виноватым перед партией и народом, действия которого в последнее время были для нее невыносимы и необъясни-

мы. Она запрещает ему видаться с ней, беспокоить ее по телефону, так как больше его не любит...

Или, возможно, пагубную роль сыграла тяжелая болезнь, обрушившаяся вскоре на брата?

Но ведь известные врачи обещали нам, что его состояние улучшится, что его ждет если не полное выздоровление, то во всяком случае полное восстановление трудоспособности...

В душу человека не залезешь. Даже если это твой близнец, твой брат, не так-то просто разобраться в кипении его внутреннего мира, неожиданных реакциях, волнении, в природе и причине неожиданных решений. Нельзя отыскать простого объяснения поведению такого сложного человека, каким был Сандро...

Иногда ведь не можешь разобраться в себе самом, не то что в другом, не можешь до конца объяснить свои собственные действия, слова или поступки, как и причины, вызвавшие их.

35

Я много думал о роковом шаге Сандро, который ни тогда, ни сейчас оправдать не могу.

Вот уже тридцать лет, как я думаю об этом, и в конце концов пришел к неверной, может быть, мысли, что Сандро пережил те события в генетике не только как временное препятствие, а как полную, тотальную катастрофу всей жизни, после которой теряет значение тот факт, существуешь ты на этом свете или нет...

Возможно, я и ошибаюсь, но тогда почему Сандро той осенью зачастил на могилу матери, почему он два или три раза побывал и в нашем старом доме, в нашей гимназии и на могиле Иосифа Оцхели и, кроме того, еще раз, спустя столько лет, сделал попытку отыскать следы нашего пропавшего отца? Он пешком обошел все те места, где, по его предположению, мог пройти отец. Он расспросил сотни пожилых людей, которые могли что-либо знать...

Что поделаешь, эти мысли, эти воспоминания преследуют и мучают меня сейчас так же, как и тогда. Они и сейчас отравляют мне разум, душу и все мое су-

ществование, подталкивая меня к выводу, что и на мне самым лежит доля вины перед Сандро.

Если бы тогда я нашел какие-то необходимые для Сандро слова, если бы мог повлиять на него, заставил бы по-другому отнестись к тому, что произошло, тогда, может быть, этой трагедии не случилось бы...

Боже, но откуда же мог я, глупец, знать, что творилось в душе моего брата, разве заметил я что-нибудь особенное в задумчивом, чуть постаревшем, чуть изменившемся Сандро?

То, что он стонал во сне?

Или то, что раза два на глазах у него появились слезы?

Но разве я думал, разве мог вообразить, что предвещали те слезы и те стоны сорокавосемилетнего мужчины, что предвещало внезапное и беспричинное оживление, которое иногда охватывало моего брата, и он всех нас по очереди пылко ласкал, обнимал и целовал?

Мне всегда казалось, я был уверен, что Сандро был духовно сильным, твердым, способным перенести многое человеком.

Я уже не раз отмечал, что его характеризовали большая целенаправленность, сила воли, способность внутренней мобилизации.

Он никогда не плыл по течению, как я. Не зависящие от меня явления я всегда принимал как нечто неизбежное, к чему надо привыкнуть, приспособиться, нравится мне это или не нравится, и в любом случае попытаться сохранить свое душевное равновесие, чтобы в любых условиях продолжать действовать для блага ближнего, сохранить себя для других...

Но неужели эта моя слабость, пассивность, которые были и мне самому ненавистны, за которые я сам порицал и стыдил себя, неужели они оказались более жизнеспособными, чем твердая как сталь сила воли Сандро? Сила человека, который не смирялся ни с одним чуждым ему явлением, стремился одолеть обстоятельства, заставить их работать на себя. Иногда это у него получалось, иногда нет, но он всегда был готов к действию, к борьбе.

Борьба была его стихией, правилом жизни, освещенным верой и идеей, не выдуманным правилом, а

14935940
802 000 01101933

внутренне обусловленной, естественной формой его существования.

Но неужели правда, что сильный человек легче надламывается, чем слабый и безвольный? В это я не могу поверить...

Специальностью Сандро была агробиология. Он успешно окончил Тбилисский университет и потом, как Вы уже знаете, работал в лабораториях Германии и Америки, где экспериментально разрабатывались вопросы генетики. В то же время он был профессиональным философом, ему была присуждена степень доктора философских наук (правда, в Германии), он закончил Московскую коммунистическую академию, и здесь ему также присудили степени в области философии естествознания. Таким образом, мой брат был основательно подготовлен к тому делу, которому служил. Никто не посмел бы ему сказать, что он дилетант, этого, конечно, и не говорили.

Я уже не стану вновь напоминать о его врожденных способностях, привлекавших к брату всеобщее внимание не только в детстве и юности, но и позже.

Сошлюсь только на академика Д., этого прекрасного ученого и человека.

Он был младше моего брата лет на шесть, но в течение многих лет братски дружил с ним. Его доброту я не могу забыть. Как зеницу ока, берегу я его единственное письмо ко мне, в котором речь идет о Сандро.

Я горжусь тем, насколько высоко оцениваются в этом письме личные достоинства и научные заслуги Сандро.

С самим Д. я встретился всего один раз, когда он приезжал лечиться в Цхалтубо, и на меня произвели незабываемое впечатление его утонченная интеллигентность, его сохранившиеся и по сей день любовь и уважение к Сандро.

Разве его мнение не имеет большого значения?

36

У Сандро все было впереди.

Тогда что же случилось? В чем он ошибся? И ошибся ли вообще?

Неужели его так напугала болезнь, или он почувствовал себя настолько униженным, что больше ничего от жизни не желал?

А может быть, семейная драма подействовала на него настолько, что жизнь показалась конченной?..

Как я уже сказал, первого октября ко мне неожиданно приехал Сандро. Приехал и вел себя так, как я это уже описал.

Дважды он попросил меня сопровождать его на могилу мамы, я освободился от уроков и поехал с ним в Кутаиси.

Долго мы, два брата-близнеца, сидели на кладбище у маминой могилы, там, где много лет назад, в бурные, смутные дни так странно беседовали.

Сидели два брата — облысевший, ссутулившийся, чем-то угнетенный Сандро и я, правда, уже с сединой в волосах, но еще крепкий. Сидели и думали каждый свою думу.

Не знаю, о чем думал Сандро, а я говорил себе: вот вернулся мой брат, моя кровь и моя плоть, у него неприятности и он поспешил к семье.

Вернулся, но надолго ли? Но коль вернулся, я готов свой труд и свою жизнь принести в жертву его светлому разуму, здоровью, желаниям и мыслям. Во имя моей к нему любви и братского уважения, во имя памяти об отце и матери, во имя их светлых и святых для меня ликов.

Я размышлял о жизни моего брата, о судьбе наших родителей, о будущем нашей семьи...

Я решил, что Сандро мог бы работать и в Кутаиси, ведь тут тоже есть высшее учебное заведение, какой коллектив не принял бы его с радостью?! Мы были бы вместе, и я, и моя жена заботились бы о нем...

Как я жалею, что не поделился тогда с ним этими своими мыслями!

Но ведь я не догадывался о его тяжелом внутреннем состоянии.

Не догадывался, что, возможно, в тот момент ему очень нужны были те слова, которые звучали у меня в голове и сердце.

В те минуты я не мог этого понять и потому чувствую себя виноватым.

Сандро в те дни часто беседовал со мной о стран-



ной судьбе нашего отца. «Я должен его найти!» — эта мысль не оставляла его, не давала покоя, и на неделю он исчез...

Он все время вспоминал отца и маму.

Иногда он говорил о тех годах, когда мы учились в гимназии.

Или о наших детских играх...

Иной раз лежал, не двигаясь, в затемненной по его просьбе комнате, устремив неподвижный взор в потолок. И тогда перед моими глазами вставали последние дни мамы...

37

Семнадцатого октября Сандро разбил паралич... Организм не выдержал очередного стресса. Произошло кровоизлияние в мозг, отнялась правая половина тела.

Теперь он не мог вставать, правой рукой почти не двигал, лицо его искривилось, и он с трудом мог говорить.

— Эп-п-о, в-в-и-ид-ишь, ч-ч-что с-со м-ной с-с-слу-учи-лось? — еле вымолвил он и жалко улыбнулся.

Мы окружили его врачами. Из Тбилиси я привез известного невропатолога, в Цхалтубо нашел отдыхавшего там ленинградского профессора, о кутаисских врачах и говорить не приходится.

Все они в один голос доказывали мне, что кровоизлияние было несильным и что после соответствующего лечения и упражнений Сандро быстро поправится, встанет, речь его тоже полностью восстановится. Возможно, он не сможет свободно действовать правой ногой и рукой, но будет ходить, писать и вообще — работать. Однако для этого требовалось время — месяца три-четыре или немногим больше. Врачи назначили и соответствующие процедуры.

Все мы — я, моя Лиза и наша дочь Тасико немного успокоились.

Я умывал брата, кормил его, носил на руках, куда было нужно, пока мы не приобрели специальное медицинское оборудование.

Однажды он мне сказал по слогам: «Запомни мои

слова, в генетике снова все будет хорошо, ведь в мире нет силы, могущей остановить развитие истинной науки, это невозможно... Настанет время, когда наши генетики опять окажутся в первом ряду»...

Еще он сказал: «Сандрик, твой сын, должен занять мое место — еще прозвучит имя ученого Сандро Сордиа». — Сказал и заплакал.

Пусть и у Вас все сбудется так же, как сбылась эта мечта и надежда моего брата, но, увы, через столько лет...

38

Наступило утро двадцать третьего октября.

Сандро лежал спокойно, о чем-то про себя думал. Мы ушли в школу — Лизико, Тасико и я. В тот день у меня было только два урока, и я вскоре должен был вернуться.

Теперь-то я понимаю, что хоть одному из нас следовало остаться дома.

Это был первый случай, когда мы все трое одновременно отсутствовали.

Признаю свою ошибку, свою вину, хотя и знаю, что если уж Сандро что-то задумал, он всегда нашел бы время и возможность для осуществления задуманного.

И все же повторяю, что допустил большую ошибку, и это мне никогда не простится.

Помню, стоял осенний теплый и тихий день.

Все плавало в золотом цвете — и небо, и дальние горы, и окрестности.

По золотой аллее мы шагали втроем, и Тасико нарочно шуршала устилавшими дорогу золотыми листьями... —

Я вернулся из школы первым. Приблизительно около двенадцати часов. Я уже закончил уроки и, как обычно, поспешил к Сандро.

Едва я вошел в дом, как в ноздри мне ударил странный запах горелого или пороха. Я бросился к кровати Сандро. Он лежал на правом боку, и голова его почему-то была накрыта подушкой.

Я осторожно поднял ее.

Левой рукой он сжимал наган, дуло которого было у него в зубах.

Я еле разжал застывшие пальцы и вытащил оружие из рта.

Я узнал тот самый наган, который когда-то в молодости ему подарил Серго Руруа. В его барабане был единственный использованный патрон...

Как он сумел добраться до оружия, я и по сей день не знаю. Наверное, ползком — до того чемодана, распахнутая крышка которого смотрела на меня из угла.

Я и Лизико тогда никому не сказали о самоубийстве Сандро.

В нашем селе ведь все знали, что брат тяжело болен. Хотя должен сказать, что какие-то разговоры все-таки дошли до меня, но я сделал вид, что ничего не слышал. Другьям и сотрудникам брата мы сообщили, что Сандро скончался от паралича.

Лишь спустя десять лет мы рассказали правду, да и то только близким и родственникам...

На похороны съехалась вся наша семья. Вновь собралась вместе вся родня. Деревня тоже оказала нам большое уважение.

Мы похоронили Сандро на деревенском кладбище и поставили на могиле принесенный с нашего двора камень. На его ровной поверхности деревенский каменотес, обрабатывающий мельничные жернова, позже высек короткую надпись — «Александр Эпифанович Сордиа. 1900—1948».

Поминки и общее несчастье еще больше сплотили нашу семью, укрепили нашу взаимную любовь и надежды на будущее. У нас подрастали хорошие дети, ими могли бы гордиться наши родители, как гордились ими мы. Мы — живые и те, ушедшие из жизни, но не из наших сердец, братья и сестры наши...

Уважаемый друг!

Выполняя Вашу просьбу, я собирался сначала написать около десяти страниц, а их получилось в десять раз больше!

Что поделывать, меня увлекли воспоминания, и я, как Вы видите, не сумел сдержаться.

Знаю, мой длинный рассказ нелегко будет прочесть перегруженным работой сотрудникам Энциклопедии. Кроме того, теперь я чувствую, что моя рукопись Вам не пригодится. Ведь для написания статьи о моем брате Вам понадобится всего несколько строк, и я предполагаю, что строки эти у Вас уже написаны. Возможно, Вы только из вежливости обратились ко мне за какими-то «дополнительными сведениями».

Но пусть все-таки у Вас будет эта рукопись. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь прочтет ее и подумает: были люди, жили, боролись, радовались, страдали — и исчезли...

Еще раз повторю то, о чем уже писал вначале: возможно, я был пристрастен в своих оценках и выводах, которые следует тщательно перепроверить. Скажу лишь, что мной руководили только любовь к своей семье и память о моем брате.

Жизнь, оказывается, нечто очень странное. Человеку, пораженному ее скоротечностью, она не дает возможности передохнуть. Иногда, когда я окидываю взором прошлое, меня нередко охватывают сомнения: было ли все это? А если было, то куда же исчезло, где те люди, где их дела, их надежды, сердечные порывы, любовь, ненависть?

И иногда мне начинает казаться, что жизнь идет и идет своей неведомой дорогой, а люди с упорством муравьев цепляются за нее, и настолько маленький, почти незаметный след оставляют они на этой нашей земле, что вообще не имеет значения, были они или нет.

Неужели значимо только то, что мы когда-нибудь появимся на свет и когда-нибудь уйдем? А все прочее — черточка между этими двумя датами и больше ничего — ничего не обозначает и ничего никому не скажет?

Но разве для этого мы жили?

Нет, это не должно быть правильным.

Сейчас вокруг себя я слышу голоса молодых. Я с надеждой смотрю на них — может быть, на жизненном пути они окажутся более удачливыми! Все принадлежит им, и главное — за ними будущее.

Я думаю так, ибо без надежды мне и умереть будет трудно.



Несчастен тот, у кого не осталось надежды...

Мой сын Сандро уже давно стал доктором биологических наук и профессором, он продолжает дело дяди. Теперь он заботится о многочисленном потомстве Эпифана Сордиа и Тасо Лордкипанидзе...

Нет профессора Сордиа и есть профессор Сордиа!

Что же касается смерти, то что поделаешь, кто не умирал!

Это такое же естественное завершение жизни, как сама жизнь — естественное начало смерти. Главное — не презирать себя в эту минуту, не мучиться мыслью о том, что ты не сумел сделать то, что обязан в жизни сделать каждый из нас — умереть настоящим, достойным человеком, не заслужить проклятий потомков — жить для других, как для самого себя...

Приписка внуков: Дедушка скончался зимой 1980 года, 16 января, в день своего рождения. Он похоронен рядом с братом на деревенском кладбище.

Его рукопись мы разделили на главы и отдали перепечатать на машинку. Выполняя волю деда, первый экземпляр высылаем Вам, на адрес Энциклопедии, а второй оставляем в семье, для будущих поколений.

1983.



183

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

ПРЕДВЕСТИЕ ВЕСНЫ

ВЕЛИЧИЕ поэзии Руставели — в житейской мудрости, заговорившей языком поэзии, в истине, сказанной о природе человека. Выше мы говорили о том, что Руставели не философ, а поэт, и все-таки, если кто-то из грузинских поэтов имеет право называться философом, то это в первую очередь, конечно, Руставели, если мы возьмем понятие «философ» в широком толковании и представим отношение Руставели к людям, к богу, к судьбе или явлениям природы в виде определенной системы.

В основе этой «системы», осиянной грандиозной поэтичностью, лежит целеустремленное движение мысли, направленное на борьбу со злом. Эта идея является центром, в котором сосредоточивается вся «философия» поэта, она вращается вокруг этой оси, блистает, живет...

Согласно Руставели, жизнь человека управляют два высших феномена: мир («сопели», «сацутро»), повергающий всех и вся, безжалостный, с которым особенно не может смириться Тариэл, и бог («единный бог»), с которым осо-

* Окончание. Начало в № 7.

бенно интересные, очень «человеческие» отношения у Автандила.

«Мир» в поэме — понятие метафизическое, метафизическая категория. Этот факт уже сам по себе вынуждает нас признать, что подобное представление о высшем феномене — мысль поэтическая, а не личная религиозная вера поэта, которая является бесспорно христианской. Руставели — автор поэтической религии и хотя бы поэтому не может считаться «адептом» теологического учения Псевдо-Дионисия Ареопагита.

В поэме «мир» и «бог» — две противостоящие друг другу стороны, и в то же время обе вместе — Провидение! Провидение сурово: свет «ходит об руку» с мраком. И все происходит так, как угодно Провидению. Однако это не означает, что человек — покорный раб Провидения. Одна только фраза — «Кто из мудрых раньше смерти сам покинет этот свет?» (перевод Ш. Нуцубидзе) — провозглашает свободную волю, право человека распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению или, говоря другими словами, до конца, до самой смерти бороться за жизнь.

Но там, где речь заходит о жизни, непременно подразумевается и смерть. Поэтому эта драматизированная жизнь словно проходит над пропастями. Ее границы, пространство или даже бесконечность очерчены, описаны таинственным безмолвием и мраком этих пропастей, ибо в этой поэме одна — светлая бесконечность (жизнь) измеряется другой — мрачной бесконечностью (смертью). Поэтому самый простой контраст — между жизнью и смертью, светом и мраком — в поэме приобретает столь глубокий смысл.

В этой правдивейшей из книг не забыт и страх смерти. Вспомним хотя бы Шермадина, чье имя в нашем сознании стало синонимом верности. Ведь невозможно представить, что он изменит Автандилу (возможно, слово «измена» и не следовало употреблять по отношению к нему, но, к сожалению, другого я не нашел). Давайте посмотрим, как ведет себя Шермадин с царем Ростеваном, и выводы сделаем потом, хотя здесь же хочу заметить, что подобное поведение ничуть не унижает его в наших глазах, не пятнает его благородства, хотя бы потому, что никакого ущерба оно Автандилу не наносит.

Шермадин, передавая царю завещание Автандила, говорит: «В его покоях я нашел посланье это».

Да, но ведь Автандил приказал, попросил передать пись-

мо лично Ростевану и обо всем доложить ему мудро и последовательно, как это свойственно Шермадину.

Кончил он и Шермадину завещание вручил:

«Доложить царю об этом у тебя довольно сил,

Ведь никто служить не может так, как ты мне послужил!»

И, обняв слугу, заплакал изнемогший Автандил.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Очевидно, Автандил надеялся, что Шермадин выполнит поручение, поддержит его перед царем. И как ни трудно нам это представить, истина такова: Шермадин просьбы, приказа Автандила не выполняет, и происходит это оттого, что он боится смерти. Не зря Руставели пишет: «В это время с завещаньем появился Шермадин, безутешный, полный страха, ибо скрылся господин» (перевод Н. Заболоцкого). Он думает, что Ростеван убьет его, и не скрывает своего страха, точнее — называет страх своим именем: «Царь, пошли меня на плаху, чтобы я не видел света», — говорит он царю, но и его обманывает, потому что говорить-то он говорит, дескать, я достоин смерти, но в глубине души, конечно, боится за свою жизнь, ведь этим страхом была рождена его первая ложь — та, что он нашел письмо Автандила в его опочивальне. Если бы он не боялся смерти, то честно выполнил бы наказ хозяина. Здесь важен еще один момент — тот, что Ростеван способен убить совершенно невинного человека! Запомним это...

В «Вепхисткаосани» чудеса и геройства не выходят за рамки человеческих возможностей. Тариэл, конечно, герой, но в его подвигах нет ничего необычайного, сверхъестественного, волшебного. К примеру, он только потому побеждает хатайцев, что был предупрежден заранее о готовящейся ему западне. Уже предупрежденный Тариэл в свою очередь заманивает Рамаза. Здесь уже его действия напоминают поступки умнейшего и хитроумнейшего героя эллинов. Для Тариэла одинаково приемлемы все средства, обеспечивающие победу. Герой Тариэл сражается как рядовой боец, в битве получает ранение («я был ранен в руку мечом, то была легкая рана, почти незаметная»), ему перевязывают рану, он испытывает боль. «Слуга-лекарь», которого Тариэл возит с собой, такой опытный хирург, что, не причинив Придону боли, вытаскивает из ран наконечники стрел. Вот каким маленьким худо-

кественным штрихом Руставели рисует столь живую картину, что мы словно слышим даже стон раненого Придона, и не стон, а крик. Вспомним рассказ Тариэла:

Крик послышался, взглянул я: вижу — витязь молодой, разъяренный болью раны, объезжает брег морской.

(Перевод П. Петренко)

Здесь слово «разъяренный», которое употреблено лишь для того, чтобы достойнее представить Придона, разумеется, не меняет сути дела.

Герои поэмы — герои «в меру», они получают раны, страдают от них, возят с собой лекарей, не идут на врага прямо, а прибегают к различным уловкам, долго « совеща-ются», прежде чем идти на приступ, проверяют каждый свой шаг. В отличие от некоторых исследователей, наши герои не ведают, что «...им не свойственны слабости», они более разумно и трезво подходят к делу.

Заговорив о «совете», не могу не вспомнить о прекрасном примере мужественного юмора — деталь, говорящая о том, что все три героя, собираясь на приступ Каджётской крепости, в глубине души думают о возможной смерти, но в то же время готовы ради друга пожертвовать жизнью. Придон, по словам Акакия Церетели, «младший, но полезный и ловкий», говорит Тариэлу с улыбкой: знай я, что нам придется врываться в крепость, я бы не дарил тебе этого быстрого коня...

Хорошо сказано, достойные слова достойного человека...

Здесь же хочу заметить, что в поэме нет ничего более обыкновенного, чем Каджётское царство. Фатьма посылает туда своих слуг, когда ей заблагорассудится, а каджи понятия не имеют, что творится у них под носом. Слуги Фатьмы в большей степени заслуживают названия колдунов, чем жители Каджети. Так что в поэме, как совершенно справедливо заключили наши ученые, нет ничего сказочного. А фантастика в «Вепхисткаосани» не превосходит доли фантастических пассажей в современной прозе.

И конь Тариэла, самое быстрое существо в поэме (последнее, разумеется, слуги Фатьмы), быстр в человеческом, а не в колдовском представлении. Этот конь, как мы уже знаем, раньше принадлежал Придону, и именно на этом коне Придон

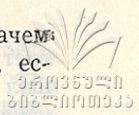
не смог догнать тех, кто сопровождал Нестан. Пока он спустился со склона, лодка уже таяла за горизонтом, подобно заходящему солнцу.

Поэтому, мне кажется, появление сокровищницы с оружием дэвов, связанное лишь с тем, чтобы у героев были хорошие доспехи для взятия крепости Каджати, так же не вписывается в психологическую действительность поэмы, как щит Ахиллеса в «Илиаде». Этот щит больше похож на передвижную выставку или рекламный транспарант эллинского мира, чем на боевое оборонительное оружие. Щит по просьбе матери Ахилла выковал Гефест, хотя Фетида лучше всех остальных знала, что ее сыну он не нужен. И тем не менее самый большой щит держит именно Ахиллес. Герой совсем не виноват в том, что вынужден таскать за собой этот огромный, не нужный ему предмет. Виноваты в этом двое (при этом оба — боги!) — мать Ахиллеса и сам Гомер...

В «Вепхисткаосани» нет гадалок, колдуний, ясновидящих, руставелевские герои не обращаются за помощью к волшебникам, они значительно более просвещенны, чем герои других рыцарских романов. Они надеются на собственные силы и прежде всего на силу **знания**. Наши герои знают, что их ждет, чего они могут достигнуть, а чего не могут, на что направить осмысленные усилия. Здесь передано чудо человеческих возможностей или чудесные возможности человека. Герой поэмы сам прокладывает себе путь в непроглядном мраке, доверяясь сопровождающим звездам, с их помощью он находит путь к спасению, путь к берегу обетованному, отважный и одинокий, подобно моряку, открывающему новую землю...

Да, действительно, много нового, открытого впервые в этой вечной книге. Вспомним хотя бы термин «правый суд», вызвавший столько толков, горячих споров, дискуссий. Некоторые ученые с помощью этого термина пытались оправдать Тариэла, убившего хорезмийского царевича. Это убийство никакой этикой, никакой моралью и юрисдикцией оправдано быть не может. Прежде всего сам Руставели не считает этот акт ни «благим», ни «добродетельным» хотя бы потому, что заповедь «не убий» для него как христианина священна. Так что не нужно извиняться за автора. Представьте-ка себе на миг, в каком положении очутились бы исследователи Шекспира, если бы взяли за нечто подобное.

Главное и самое важное заключается в том, что герои поэмы **сознательно** идут на преступления, они прекрасно это



понимают, поэтому и вспоминают о суде. Иначе зачем вспоминать о нем, если червь сомнения не гложет душу, если человек не сознает, что поступает дурно.

«Пусть свершится правый суд!» — восклицают герои, словно впервые создают на земле суд, ногтями выцарапывают на камне тщеты первый параграф своих собственных законов, ибо по всем другим существующим законам их должно признать виновными. И вместе с тем вина их более сурова и непростительна, чем убийство сына Хваразмши или хвастливого, назойливого Чачнагира. Эта вина — **неповиновение царскому приказу, неподчинение воле царя**. Не существовало в тогдашнем обществе более тяжкой вины. Соответственно, и наказание было самым тяжким. Родители Нестан, по сути, обрекли на смерть свою единственную дочь, ибо она не желала повиноваться, такая страшная вина не могла остаться безнаказанной! О вине и наказании Автандила подробнее мы поговорим ниже. Что же касается Фатьмы, то она совсем не боится, что муж узнает об ее измене, нет, это ее совершенно не тревожит. Страх ее вызван лишь тем, что она помогла бежать Нестан, т. е. предала царя. Чачнагир и грозит ей тем, что выдаст эту тайну. Он знает, что измена царю неизмеримо большая провинность, чем супружеская измена!

Да, герои знают, на что идут, и все-таки не отступают, хотя тяжесть вины и внушает им ужас. Они не говорят об этом вслух, стараются не называть вещей своими именами, предпочитают лгать (Тариэл говорит, что убил сына Хваразмши ради индийского престола!), они готовы признаться в любых других провинностях, только бы не связать друг с другом «любовь» и «преступление». Да и как можно связать это, когда для героев Руставели любовь и есть высший суд.

«Тот юноша лежал один, с обозленным сердцем». — пишет Руставели о Чачнагире. Здесь очень точно схвачен психологический момент: разъяренный Чачнагир ждет рассвета, чтобы заставить изменницу Фатьму «пожрать собственных детей своими же зубами». Когда вошел Автандил, он, очевидно, попытался вскочить, но Автандил «схватил его, повалил наземь и прирезал ножом».

Чачнагира не убили, как человека, а прирезали, как свинью. Одним этим словом Руставели как бы снимает вину с Автандила: Чачнагир получил то, что заслуживал!

Автандил отсекает у убитого палец, а труп выбрасы-

вадет в море («потом он выбросил его из окна в море, смешал с песком морским»). Возвратившись к Фатьме, он произносит поразительную фразу: «Вот палец и кольцо, и нож мой окровавлен», — словно только сейчас заметил, что все еще держит в руке окровавленный нож, он смущен, голос надтреснут... В конце концов он ведь не железный — убить человека не так-то легко...

Конечно, все это ужасно, но не следует забывать, — это темное, жестокое средневековье, когда из каждого угла глядело зоркое око смерти. Провинившегося могут заставить есть и мясо собственных детей. Ведь именно этим грозит Чачнагир Фатьме.

А. Ястребицкая в книге «Западная Европа XI — XIII веков» пишет о том, что средние века не только отличались жестокостью, но жестокость считали достоинством. «Нет войны без пожаров и крови», — кровенно провозглашал провансальский трубадур XII века — рыцарь Бертран де Борн. Презрение к смерти сочеталось с пренебрежением к чужой жизни, с неуважением к чужой смерти.

Это тот самый Бертран де Борн, который явился в «Аду» Данте:

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
И срезанную голову держало
За космы, как фонарь...

(Перевод М. Лозинского)

Изольда велит убить свою ближайшую подружку Бранжьену, которая сменила ее в первую брачную ночь на постылом супружеском ложе, и никто ее за это убийство не осуждал!

Во фразе Нестан: «Когда творят правый суд, сухое дерево и то зеленеет», в которой явственно звучит трагическая нота, сочетание слов «правый суд» состоит из однокоренных слов («мартали самартали») — прием, столь характерный для Руставели (вспомним хотя бы выражение Таризела «огненный огонь» и др.). Эта фраза Нестан подразумевает единственный, можно сказать, роковым образом единственный суд, веревку, спущенную в пропасть, веточку, протянутую в водоворот, каплю воды в пустыне обреченности... Нестан любит такие выражения. Да, таков суд Нестан, с его именем она вошла в великую историю любви, где «виновные», «грешные» любовники сияют, как звезды,



очищенные собственным «правым судом», приобщенные к бессмертию... Здесь мы видим картины, говорящие о несоответствии любви и закона, точнее — правосудия, если угодно, любви и логики, и более того — любви и разума. Вот, к примеру, отрубленная по велению закона голова Жюльена Сореля на коленях прелестной Матильды де ла Мошь.

«Правый суд» — приют для влюбленных! Лес Мороа, где рядом спят счастливые Тристан и Изольда, башня, в которой растворяются друг в друге одурманенные блаженством Вис и Рамин, или Аид, куда спускается живой Орфей, взирающий на тень Эвридики! Разве не об этом мечтала Нестан: «Если жизнь моя была горька, то пусть смерть будет сладкой».

«Правый суд» для Нестан — это суд совместного с Тариэлом бытия, жизни, существования, и в то же время это лозунг, утверждающий собственную волю, свое решение, собственные взгляды, ворота в беспредельно свободные пространства собственной личности, нет, не ворота, ключи от ворот, пароль!

Можно смело утверждать, что выражение Нестан никак не связано с терминологией юриспруденции. Если такое выражение и встречается в документах той эпохи, то оно имело совсем иное значение и с этим поэтическим образом никаким «родством» не связано.

Когда Нестан еще раз вспомнит о «правом суде» в Каджетской крепости, мы окончательно убедимся, что «правый суд» для нее синоним любви:

Довольно жаловаться на свою судьбу,

Пойми (знай), что правый суд

сердца до сердца дойдет¹.

Да, это молнией устремившаяся от сердца к сердцу любовь, она и есть «правый суд», самая большая боль и самое великое блаженство на земле, или боль и блаженство вместе, ставшие единым, сплавленные, спаянные божественным огнем.

Не следует забывать, что понятия преступления и наказания в литературе и юриспруденции не совпадают. К примеру, какой приговор должен был бы вынести суд Эди-

¹ Подстрочный перевод С. Иорданишвили, Тбилиси, Литература да хеловнеба, 1966.

пу, Медее, Нестан, Ивану Карамазову? Под какую статью уголовного кодекса попадают их преступления? И насколько благородно с нашей стороны, со стороны простых смертных — инженеров, врачей, адвокатов, педагогов, литераторов — оправдывать, защищать подобных литературных «обвиняемых» (к тому же сам собой возникает не менее глубокомысленный вопрос: от кого следует их защищать и в чьих глазах оправдывать?!)...

Кто сегодня помнил бы о Медее, не соверши она и впрямь невероятного по своей жестокости преступления? Человечеству известно столько имен предавших родину и отца, что не до Меды нам было бы, не вынеси она, повторяю, такого неслыханного приговора себе самой и всем, кто толкнул ее на путь лжи и обмана. Известно, что в мифе и, скорее всего, в действительности тоже, Медея детей не убивала. Своим бессмертием она «обязана» гениальному Еврипиду. И его трагедия, можно сказать, являет собой самый яркий и наглядный пример той пропасти, которая лежит между литературой и юриспруденцией...

Величие Нестан — в алогичной правде ее поведения. Величие Нестан — в ее верности любимому и любви, и, наконец, величие Нестан в том, что именно она показала и доказала нам, что самая великая верность на свете — любовь! Вот это и есть ее «правый суд».

Шота Руставели очень вольно обращался с литературной и философской сокровищницей, накопленной интеллектуальной мыслью человечества к моменту создания поэмы. В его руках всякая существовавшая до него мудрость (поэтическая или философская) приобретала форму и содержание совершенно новых, совершенно иных измерений и значений.

Н. Конрад в послесловии к очень интересной книге Б. Роуланда «Искусство Запада и Востока», рассматривая влияние японского художника Хиросигэ на творчество Уистлера, пишет: «...Как ни близки некоторыми своими чертами пейзажи Хиросигэ и Уистлера, это — разные явления искусства: приемы искусства Хиросигэ, воспроизведенные в картинах Уистлера, дали в этих картинах иное художественное качество».

То же самое можно сказать в связи с Руставели: все то, чему наши исследователи ищут параллели в бессмертной поэме, разумеется, не дает нам права говорить о каком-либо влиянии и идентичности, ибо художественный прием,



заимствованный у иного литературного мира, здесь обретает «иное художественное качество»...

Одна из особенностей художественного языка Руставели заключается в том, что употреблявшееся до него слово или даже образ в поэме приобретает совсем другое значение, нюанс, смысл, оттенок. Совершенно очевидно, что Руставели вобрал в себя множество образов и философских сентенций, черпая их из литературы и философии (нельзя не верить убедительным доказательствам наших исследователей!), но эти образы и философские сентенции, как уже было сказано, приобретают у него совершенно новое значение, не говоря уже о форме. Так что всё, содержащееся в поэме, принадлежит только Руставели. Все образы и выражения, вступившие в великое царство его поэзии, принимают его подданство. Разумеется, можно исследовать их генетические корни, но... в этом нет большого смысла, ибо отличие плодов от корней в данном случае абсолютно!

Каждое слово поэмы впервые произнесено Руставели! Руставели прекрасно знаком и с арабским аристотелизмом, и с христианским неоплатонизмом, и с пантеизмом, и с персидской поэзией, наверное, он знал и о существовании секты манихеев, и еще многое другое, еще не установленное нашими учеными, но прежде всего он — творец совершенно нового мира, наполненного новым светом, новыми голосами, новыми людьми.

Вот хотя бы уже упоминавшаяся мною «солнечная ночь» — один из образов, производящих огромное впечатление своей таинственностью, необъяснимостью, неопределенностью (возможно, этот образ принадлежит скорее музыке, чем поэзии!), точнее, создающих таинственный фон стиха, и не просто глубину, а содержащее непостижимую глубину пространство, к которому устремляется охваченное любопытством, возбужденное и в то же время несколько оробевшее наше сознание. А в теологии этот образ, один из образцов катафатики-апофатики, был обычным клише, означающим имя бога, аналогичным выражению «безвременное время». В поэме же Руставели это теологическое клише превратилось в чудо, приобщило к тексту новые, исполненные тайны просторы. Да, «солнечная ночь» у Руставели — поэтический образ, а не теологическое понятие, поэтому он больше вмещает в себя, больше значит и, представьте себе, больше дает нам, чем теологическая «солнечная ночь».

Между прочим, для того, чтобы создать ощущение ослепительного, режущего глаза света, Руставели обращает

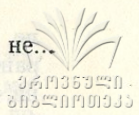
ся не только к приему контраста. Вспомним другие, созданные совершенно иными средствами, путем идущего по вос-
растающей повторы, метафоры. Тинатин «освещает солнеч-
ный день». Видите ли вы это сияние, которое ярче сияния,
которое есть солнце солнца?! Автор одной из летописей,
который, по моему глубокому убеждению, сам был поэтом,
писал: «Свет, превосходящий свет».

Между философским понятием и поэтической метафорой
может существовать определенная связь, но не может быть
идентичности. Некоторые понятия, как, например, уже упо-
мянутая здесь «солнечная ночь», зародились в недрах тео-
логии, но, будучи перенесенными в поэму, стали принад-
лежностью мира поэзии, превратились в поэтическую мета-
фору. «Сложнейший философский параллелизм» стал поэти-
ческим параллелизмом и приобрел более широкое значение,
чем в теологии. Сохраняя в глазах знатоков свой перво-
зданный смысл, образ становится более демократичным, до-
ступным, легче усваивается и вместе с тем приобретает
функцию того источника вечного света, который разлит в
поэме.

Когда Нестан говорит — «днем и ночью буду видеть
солнца дивное горенье», здесь, на мой взгляд, уже выявлена
суть понимания Руставели образа «солнечной ночи». Самая
мудрая в этой поэме женщина развивает не какой-то тезис
философского или религиозного учения, как это считают не-
которые из наших ученых, а поверяет нам свое страстное
желание, мечту: она хочет жить, существовать только и толь-
ко в вечном свете!

Один из фрагментов письма Нестан — стелание дове-
денной до мысли о самоубийстве женщины о потерянном
счастье, потерянной любви. Мы впервые видим в Нестан сла-
бую, отчаявшуюся женщину, что само по себе добавляет к
ее характеру очень выразительный и живой штрих; мы чув-
ствуем, как стремится в небо запертое в клетке крылатое су-
щество («Воспарив на легких крыльях»...). О полете мечтает
тот, кто умеет летать! Мы видим грандиозность человече-
ских стремлений, слышим ставший музыкой трепет одной из
самых главных струн, трагически натянутой, охваченной вдох-
новением человеческой души.

Что это? Неужели это можно объяснить обычным фи-
лософским тезисом? «Ужель и это желание души назвать
обычной любовью?» — как сказал достойный приемник Ру-
ставели Николоз Бараташвили.



Нет, это не пантеизм, не неоплатонизм, не... не... не...
 Это музыка человеческой души!
 Это поэзия Руставели!

Так же, как Давид Строитель из клише церковных песнопений создал лирическое произведение нового, светского характера («Песнь покаяния»), так и Руставели из окаменевших теологических образов изваял, сотворил множество великих поэтических образов, заряженных жизнью и страстью.

Руставели иногда использовал существующую литературу как строительный материал для своих метафор, и его отношение к традициям в высшей степени творческое. Благодаря своему могущественному дару Руставели — поэт создающий, подобно гениям прошлого, будь то Гомер, Вергилий или Фирдоуси, Руставели построил новый мир, «новую реальность», в фундамент которой заложил весь предыдущий опыт творческой мысли человечества, и в небо устремились невиданные доселе этажи надежды и упования — **дом человека!**

Нестан-Дареджан обращается к Тариэлу: «Солнце не может быть без тебя, так как ты его частица...».

О том, что «солнце» здесь — не астрономическое понятие, говорить излишне, но очевидно и то, что оно в данном случае и не категория какого-либо философского направления. Логичнее было бы считать, что Нестан здесь говорит о себе, себя называет солнцем. Вспомним другое место в поэме, где это видно еще яснее. Это отрывок из первого послания Нестан: «Что еще может сделать для тебя солнце? Ведь я осветила тебе мрак!» Эти слова доказывают ее царственную гордость, божественную женственность, нежность. Но что еще примечательно: Нестан не только себя величает солнцем. Тариэл тоже солнце, частица солнца, но **врозь** ни он, ни она солнцем быть не могут, **врозь невозможна жизнь ни одного из них («быть не может»)**, а **вместе они живут и светят**.

Вот такие конкретные, человеческие, земные, а не философско-абстрактные страсти бушуют под «нойным небом» этой великой поэмы.

Поэзия — язык человеческой души, она выражает, высказывает, представляет нам голоса жизни, великое движение жизни, акт, утверждающий существование человека, **человечность** — хотя бы как философскую категорию.

Когда мы знакомились с противоречащими друг другу взглядами наших исследователей, создавалось впечатление, что каждый из них еще до прочтения поэмы выработал свое суждение о ней, причем это суждение находится, как прави-

ло, в прямой зависимости от того, над чем ученый работал раньше, до того, как занялся исследованием «Вепхистнаосани,—изучал ли он Аристотеля или Платона... И в самом деле, тот, кто видит в поэме аристотелизм, раньше был увлечен Аристотелем, а тот, кто находит черты платонизма, наверняка был в свое время покорен сочинениями Платона, и т. д. и т. п. Нет такого исследователя, который не нашел бы в «Вепхистнаосани» подтверждения своих взглядов..

В моих словах нет ни капли иронии, как это может показаться, напротив, я считаю, что всем соображениям следует «мудрым молчанием оказать честь!» (слова Псевдо-Дионисия Ареопагита). Чтобы четче определить свое отношение к взглядам наших известных ученых, я позволю себе обратиться за помощью к ещё более великому философу и напомним слова Платона: «Все боги, разумеется, достойны поклонения, но не мешает прежде разобраться в сущности каждого из них...»

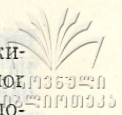
Письмо Нестан, можно сказать, — пробный камень философских воззрений наших исследователей. Если верить некоторым нашим ученым, то Нестан не в любви объясняется Таризэлу, когда пишет ему из Каджетской крепости, а излагает свои философские взгляды.

Нестан — сторонница конкретных действий, практически мыслящая, смелая и решительная личность. Вспомните хотя бы составленный ею план, по которому три героя берут Каджетскую крепость. Для Нестан не характерны отвлеченные философские суждения, она максимально конкретна как в речах, так и в поступках. Можно сказать, что для отвлеченных, общих рассуждений Нестан слишком мудра. Не нужно забывать также, что она — царская дочь, хорошо образованна, много знает, но образование, обязательное для царских отпрысков, не следует путать с философией.

Нестан, можно сказать, — самый шекспировский характер в поэме. Говоря об этом, я, разумеется, имею в виду не какое-либо художественное сходство, а целеустремленность, практичность ее натуры, ум, отвагу, и в то же время — гнев, нежность, любовь, все, что ставит ее на одну ступень с самыми замечательными героями мировой литературы.

Нестан — воспитанница Давар: «Давар была сестрой царя, вдовой, которая была (прежде) замужем в Каджети; ей отдал сам царь свое чадо, чтобы обучать ее мудрости».

Если судить по Нестан, Давар — прекрасная воспитанница. На первый взгляд она может показаться даже предшественницей Хаджи-Юсупа из поэмы Акакия Церетели



«Наставник». В голову невольно приходит, что слова Хаджи-Юсупа: «Смерти лишь я один достоин за то, что не смог воспитать тебя человеком» — вдохновлены роковым поступком Давар: «Кто же не побьет меня, свершившую это, камнями!» Она ударила себя ножом, излилась потоком крови (умерла)». Хотя, разумеется, воспитанники Давар и Хаджи-Юсупа совершенно не схожи друг с другом, но и сходство между их воспитателями, как я уже сказал, результат лишь первого, поверхностного впечатления. На самом деле разница здесь носит характер принципиальный: **Давар понимает Нестан и не осуждает ее.** Это удивительно для той эпохи, но вместе с тем автор одной из величайших поэм о любви не мог написать иначе.

Давар исполняет лишь волю брата, ее гнев — это гнев на себя, на собственное бессилие, гнев человека, не сумевшего восстать против **деспотизма!** Поэтому так беспощадны, так грубы ее попреки, поэтому она кончает с собой — **«свершившей это!»** Если бы она мыслила так же, как брат, зачем ей было убивать себя?! В том-то и дело, что она рассуждала подобно Нестан, она встала на сторону «правого суда», т. е. на сторону любви, но сопротивления ее хватило лишь на то, до чего доходили руки — лишиться себя жизни. Таким образом, поступок Давар — протест, бунт. Да, совершенно иной ветер гудит в этой поэме, высекаются новые характеры, как города в скалах...

Нестан — мудрая, тетушка Давар обучила ее мудрости, а не философии. И в то же время показательно, что в этой поэме гениальным поэтом все связано друг с другом, более того — одно родственно другому. Даже Каджети и Индия. Вот мы видим, как бродит Нестан по дворам и коридорам крепости, как приглядывается ко всему, словно вспоминает что-то, словно прислушивается к воскресшим воспоминаниям детства, ей кажется, что она слышит голос Давар. Мы видим и стражников, которые не сводят глаз с царевны, осеняющей своим сиянием темные коридоры, гордой и загадочной, словно сама судьба. Очень скоро эти стражники, все до единого, будут убиты из-за этой красивой женщины, обороняя тайные ходы и стены Каджетской крепости.

Нестан не должна чувствовать себя здесь совсем чужой. Тетушка, наверное, рассказывала ей о той диковинной стране, куда выдана она была замуж и где овдовела. Надо полагать, что Давар отправляет Нестан именно в Каджети, так как те слуги («с лицами каджей»), которым она передала Нестан с приказом «ступайте, бросьте ее там, где пуп моря», очень

этому обрадовались — так радуются люди при возвращении на родину, другой причины радоваться у них в данном случае не было.

Однако Нестан не только за призраком тетки бродит по крепости, охваченная грустными мыслями и воспоминаниями, ее практический разум напряженно работает, запоминая все, что видит, каждую щель, дверь, сторожевую башню, она пересчитывает охранников, мысленно набрасывает план крепости:

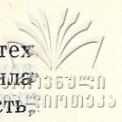
В башне я сижу высокой вдалеке от всех людей,
И ведет лишь ход подземный к келье каменной моей.
Днем и ночью злые стражи у моих стоят дверей,
Тот, кто с каджами сразится, погибает от огней.

(Перевод Н. Заболоцкого)

«И ведет лишь ход подземный...» — как хочется Нестан, чтобы Тариэл пришел и вызволил ее, увез с собой! Письмо Нестан — целая драма с одним персонажем, перехватывающая дыхание борьба, схватка, подобная морскому приливу и отливу, драма душевной муки, терзания, поединок между «да» и «нет», между логичным и алогичным. То она почти приказывает: «Отправляйся в Индию, окажи помощь моему родителю», то начинает умолять, просить, призывать: «приди, спаси меня, «о горе, сколь тяжела мне жизнь без тебя!». Как может после таких слов Тариэл спешить на помощь ее родителям? Он не пойдет никуда, кроме... Каджетской крепости!

Некоторых исследователей удивляет, что взятие Каджетской крепости описано всего в нескольких строфах, они ждали более детального, «художественного описания» эпического характера. А поэт обманул их ожидания, во-первых, потому, что ему вообще не свойственны подробные описания, с помощью метафоры он за миг одолевает расстояние, на которое эпикау понадобился бы целый год. Мастер «краткой речи» не только в нескольких строфах, но в одной строке может со всей полнотой представить любой важный аспект сюжета. И, во-вторых, здесь мы имеем дело с оригинальным писательским решением сцены взятия крепости. Это совершенно новый прием передачи батальной сцены в мировой литературе.

Сцена взятия Каджетской крепости, возможно, потому «кажется маленькой» некоторым исследователям, что они забывают письма Нестан, которые она отправила из крепости Фатьме и Тариэлу и которые содержали подробный план крепости. Во время битвы в нашей памяти воскресают эти пись-



ма, и бои происходят перед нашим мысленным взором в тех коридорах, тоннелях, проходах, о которых Нестан говорил раньше в своих письмах. Потому-то и «коротка» эта часть, потому и является одним из самых выразительных образцов редкостного, неповторимого мастерства Руставели.

Есть еще одна маленькая деталь, которая придает этой битве особую реалистичность: как мы помним, наши герои взяли с собой на приступ крепости триста воинов, но «из трехсот воинов в крепость вошли сто шестьдесят», сообщает автор, и вот эти сто сорок павших на поле битвы воинов придают особую конкретность битве, помогают визуально воспринять двор и оборонительный вал крепости, усеянные трупами...

Труд писателя похож на труд землепашца. Действительно, тот, кто глубже вспашет землю, кто надежнее, основательнее укроет в борозде семя, тот и получит более обильный урожай, т. е. лучше всех выявит истинную суть зерна. Писание, в некотором роде, можно сказать, процесс мистический, ибо подразумевает обогащение мысли путем ее сокрытия, метафора ведь для того и создана. Действительно, есть в этом элемент таинственности, но отнюдь не следует все художественные тексты причислять к мистике. Отсюда уже всего один шаг до кабалистики. Я говорю об этом потому, что в руствелологии случаются попытки представить поэта мыслителем, склонным к мистицизму. Руставели — пронизанный светом поэт, вышедший из недр народа.

«Вепхисткаосани» отличается от поэм Шавтели и Чахрухадзе не только грандиозной художественностью — хотя и их творения высокохудожественны, — но и прогрессивными политическими проблемами, позицией, что представляет для нас особый интерес.

Если для Шавтели и Чахрухадзе цари (для первого — Давид Строитель и Тамар, для второго — Тамар) явлены самим господом, т. е., можно сказать, земные боги, то в «Вепхисткаосани» чувствуется критическое отношение к царям, точнее Руставели дифференцирует царей, в его представлении они далеко не одинаковы, он видит большую разницу между царем хорошим и плохим.

Понятно, что эта идея, для того времени кощунственная, антифеодалная, направленная против вассальных отношений, не лежит на поверхности, однако анализ произведения, пересмотр характеров героев с учетом критериев психологического реализма (поэма дает для этого все возможности) де-

лают очевидным политическое кредо поэта, сильно отличающееся от верноподданнических восторгов авторов вышеупомянутых лирических поэм и представляющее собой истинно-ренессансное явление как радикальная новизна в государственно-политическом мышлении той эпохи.

В «Вепхисткаосани» начинается новая жизнь, создаются новые семьи. И связано это с большой борьбой и драматизмом. Это примечательно еще и тем, что в поэме явно прослеживается тенденция противопоставления старому, уже существовавшему. Да, здесь в недрах старого зарождается новая жизнь! Ни один рыцарский роман того времени, как в восточной, так и в западной литературе, не достигает такой высоты! Хотя бы потому не может быть верным то соображение исследователей, будто изображенное в поэме общество гармонично и в то же время точно отражает существовавшее в действительности столь же гармоничное общество, порожденное вассально-феодальными отношениями «с крепостными, оградами и башнями, с рыцарями, закованными в доспехи», где «все довольны своей участью» и где «общественная действительность ставит проблемы личной, а не социальной драмы человека». Таким соображениям следует противопоставить справедливое суждение одного руствелолога: «...В Аравии нет... «гармоничного» состояния и настроения... Поэма в этом плане рисует совершенно иную картину».

Действительно, даже с первого взгляда несложно определить, что в Аравии и Индии живут не так уж сладко. Вряд ли те три брата, что собирались ограбить Тариэла, довольны своей судьбой. Неужели разбой на суше и на море — признак общественной гармонии? Мы же знаем, что именно эта эпоха известна своей дурной славой и пиратскими разбоями. Не случайно был принят закон о суровом наказании за воровство. О какой «гармонии» может идти речь там, где одни — «козы», а другие — «волки»? Разве призыв «отдать нищим сокровищницы» говорит о социальной гармонии? А такое множество «сирот», «вдов», «нищих» — это проблемы «личной драмы»? Разве драма самого Тариэла не носит социальный характер? Его вырастили при царском дворе, присоединили к своим владениям его земли, но когда дошло до дела, отдать ему в жены Нестан отказались, ибо был он сыном вассала, т. е. вассалом. Царь знал, что его дочь любит Тариэла, но не посчитался с ее чувством. Мы видели, как сурово наказали Нестан родители за то, что она посмела ослушаться, ее послушание скорее было борьбой за собственную жизнь,

чем бунтом против родителей, — они вырвали ее из своего сердца, убрали с глаз долой, сослали, обрекли на гибель!

Как справедливо заметили наши исследователи, Парсадан — отец Нестан — жестокий правитель и не отличается положительными чертами. В дальнейшем мы убедимся, что Ростеван еще более жесток и безжалостен. Допустим на минуту, что у хорезмского шаха был бы второй сын и он пожелал бы жениться на Тинатин, разве в таком случае Тинатин и Автандил могли бы быть спокойны?

Достоевский говорил о Пушкине, что главная красота его героев — в их правде. Да, «главная красота» героев Руставели в том, что они стоят на земле, и, как верно заметил Акакий Церетели, они не навеяны мечтой, не воздушны, а являются живыми, настоящими людьми.

Именно этим интересна поэма. И в то же время непременно следует принять во внимание, что **домашний** облик героев — один, а **внешний** — другой, там они носят маски и ведут «пестрые речи». Если мы не учтем этой предлагаемой нам автором условности, окажемся, мягко говоря, в неловком положении.

Узнав о том, что Тариэл убил жениха его дочери, Парсадан в гнев спрашивает Тариэла: «Зачем ты запятнал мой дом невинной кровью Хорезм-шаха?» Тариэл же отвечает: я убил жениха потому, что, пока жив, никому не уступлю индийский престол. Тем самым он берет на себя вину Нестан, замыслившей это убийство. «Замыслить преступление так же ужасно, как и совершить его», — говорит Расин в предисловии к «Федре». Тариэл хочет отогнать от любимой всяческие подозрения, чтобы даже тень кровавой драмы не коснулась ее имени. «Колдунья» Давар догадывается об истине и кричит племяннице: «Ты, блудница, амирбара на убийство навела!». А Тариэл упрямо твердит: «Я же Индию другому добровольно не отдам». (Этому его тоже научила Нестан!).

Это не призыв — «Руку, воин, на клинок!», который много веков спустя возникнет при совершенно иных политических обстоятельствах, как лозунг восставших. Тариэл — сын свободной, сильной страны, которая сама стремится к захвату чужих земель. Уйдя из Индии на поиски Нестан, Тариэл даже ни разу не вспоминает об Индии — какая судьба ее постигла, не опустошил ли Хорезм-шах царство, чего вполне можно было ждать. Тариэла это совершенно не волнует, он знает, что нет на свете силы, которая могла бы нанести урон его родине.

По мнению некоторых исследователей, Таризл убивает хорезмского царевича, борясь за независимость Индии.

Таризл движим лишь идеей любви к Нестан, ни до убийства жениха, ни после ничто не движет им, кроме идеи любви. Да и царевича он убивает лишь настойчиво подстрекаемый возлюбленной. Правда, он мешкает, колеблется (не хочет), но в конце концов любовь к Нестан побеждает, и этот благородный герой, олицетворение рыцарства, тайно подкрадывается к гостю и убивает его...

Вот какова сила любви, вот как «ослепляет» она самые светлые умы!

Что же касается борьбы за независимость родины, Таризлу такое понятие неведомо вообще и не может быть ведомо. Родина его и так независима, могущественна и высоко вознесена. И те «геройские» дела, которых требует от него Нестан, носят не оборонительный, а напротив, наступательный характер.

Грузинский народ позднее вычитал в «Вепхисткаосани» эту идею, позднее, когда уже лишился свободы и оказался под игом мусульманских владык. Выше я говорил о том, что наш народ попытался угадать свою судьбу в поэме. Да и он нашел там одну великую, ведущую за собой идею: свободу следует беречь как зеницу ока, и это никогда не поздно, даже когда нет ни искры надежды, ибо борьба за свободу есть та же свобода! Так «Вепхисткаосани» стала знаменем национально-освободительной борьбы.

Лучше умереть в поисках свободы,

Чем процветать в рабстве, —

конкретный лозунг, брошенный Акакиём Церетели, навеян строками Руставели, имеющими общечеловеческое звучание: «Лучше славная кончина, чем постыдная жизнь».

Руставели говорит: «Надо блюсти преданность царям», но совершенно очевидно, что ему не все равно, о каких царях идет речь. Исследователи обратили внимание на то, что поэт беспощаде́н по отношению к Парсадану, но поэту не только Парсадан — и Ростеван не по душе. Он так же безжалостен и к Ростевану, пользующемуся симпатией у большинства руствелологов. Руставели не противопоставляет одного царя другому, как это считают некоторые исследователи, но объединяет их общим признаком — деспотизмом — и про-



тивнопоставляет им обоим **новых** правителей, добывающих трон ценою личных достоинств, — Автандила и Таризла.

Борьба Руставели с царем во имя лучшего царя вовсе не есть борьба с династией Багратиони, нельзя в данном случае так конкретизировать, исторические аналогии не всегда уместны, но это — великая ренессансная идея или «мечта об идеальном правителе».

**Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.**

(Перевод Н. Заболоцкого)

Почти вся жизнь сформулирована в этих четырех строчках, в одной строфе даны почти все важнейшие признаки, необходимые правителю. Эта строфа, как видите, восхваляет царя Ростевана. Каждый царь, какого бы высокого мнения он о себе ни был, остался бы, бесспорно, доволен, если бы ему посвятили такие слова. Но это всего лишь начало, вступление, поэтому не будем спешить, внимательно проследим за развитием характера Ростевана. И в самом деле, по мере того, как проникаем в глубину поэмы, наблюдаем характер Ростевана во время действия — **на сцене**, мы ощущаем, что дело обстоит не совсем так, как представлено в вышеприведенной строфе. Высказанные в первом абзаце биографии Ростевана эпитеты существуют отдельно, а настоящее его лицо — отдельно. И далее (постепенно) мы убеждаемся, что в поэме хваленый во всеуслышание царь скрыто подвергается **суровой** критике. Постепенно мы убеждаемся также и в том, что наличие двух планов и подтекстов в характере типично для Руставели, что особенно возвышает его среди самых великих творцов древности.

Иных наших критиков отличает некая фетишизация персонажей художественного произведения. Такая участь постигла главную героиню известного романа Иакоба Цуртавели — Шушаник. Герои же Руставели смотрят на нас со страниц некоторых исследователей подобно статуям идолов. Но ведь они, по замыслу поэта, потому и прекрасны, что являются **настоящими людьми**.

¹ Иакоб Цуртавели — автор «Мученичества Шушаник», памятника древнегрузинской литературы V века.

Царь созвал вазиров, сам сидит
величавый и спокойный (тихий).



Какое прекрасное слово «спокойный», как точно передает душевное состояние Ростевана: ведь он уладил вопрос воцарения дочери, а все остальное, что должно разыграться перед нашими глазами, это хорошо поставленный спектакль — всего-навсего. Царь сообщит вазирам о своем намерении, хотя, скорее всего, это лишь формальный жест, поскольку они давно должны знать о его замысле или догадываются, чувствуют. И в самом деле, не так трудно предположить, что может беспокоить не имеющего наследника царя:

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой боли.
Завтра, если не сегодня, я умру по божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избегнуть в сей юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится на престоле.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Пока он говорит осторожно, не хочет обострять обстановку, прощупывает почву, через какое-то время он скажет уже смелее: «Тинатин на царском троне будет править вместо нас». Любопытно, что сначала вазирьы делают слабую попытку возразить: «Не изволь так говорить, о царь, роза твоя еще не увяла...» Эта фраза — словно ящик с двойным дном: здесь не только комплимент, но и настоящая причина того, почему вазирьы вынуждены согласиться с желанием царя («роза твоя еще не увяла!»), Ростеван еще силен не только как царь, но и как воин, здесь подчеркнута его физическая сила. Правда, некоторым нашим исследователям Ростеван представляется «дряхлым стариком», но очень скоро из текста поэмы станет ясно, что это не так. Во время охоты, больше смахивающей на военные маневры, чем спортивные состязания, Ростеван докажет свою физическую силу, свою **молодость**. Он знает, что иначе (т. е. если он будет стар и немощен) его дочь никто и близко к трону не подпустит, поэтому он сам, своими руками должен сделать это, а для этого необходимо, чтобы его боялись так же, как раньше. Видимо, при дворе охота устраивалась часто, и обычно всегда побеждал Ростеван...

Льва щенки равны друг другу,
будь то самка иль самец —

(Перевод Ш. Нуцубидзе)

проскулят вазирь, и в этой фразе, сверкающей виртуозной лестью, слышится рык венценосного льва. Да, здесь «льву» придается явно большее значение, чем его «самцу» или «сам-ке».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Это не только приказ, но и предупреждение: чтобы приходили только «славословить»!

На пиршестве в честь воцарения дочери Ростеван вдруг «закручинился». Автандил и вазир Сограт пытаются его развлечь.. Царь жалуется, что он состарился и не имеет наследника. Он уже достиг цели — посадил дочь на престол, теперь может признаться: «Бог не даровал мне сына», — вот, оказывается, что его тревожит. Я вспоминаю «меткое» замечание одного из наших ученых о том, что если бы у Ростевана был сын, он сделал бы царем его, а не Тинатин. Чтобы развеселить царя, Автандил предложил отправиться на охоту, померяться силой. Условие поставили такое: «Побежденному три дня ходить с непокрытой головой».

Возможно, ходить с непокрытой головой в то время и считалось неприличным, но слишком незначительный заклад для спорящих, один из которых — царь, а другой — его спаспет, жених только что венчанной на престол царицы. И в то же время умный человек, предлагая царю померяться силой, да еще для того, чтобы улучшить его настроение, развеселить, заставить забыть о своей старости, на которую жалуется Ростеван («старость хуже всякой боли»), заранее должен быть готов к проигрышу, как бы ни превосходил он царя силой. Автандилу следовало бы знать, что царь не может быть «побежденным». Вот где он допустил свою единственную, роковую ошибку, которая стоила ему трех лет изгнания, впрочем, как человек благодаря этому изгнанию он много приобрел, хотя бы как личность — узнал самого себя.

Но в то же время спор шел о значительно более важной вещи, если открыть кавычки, — победивший **выигрывал царство!** То есть один оставлял его за собой в случае выигрыша, второй — получал. И оба — и царь, и спаспет — прекрасно это понимали. Однако подобный спор был еще далеко

не главной ошибкой Автандила. Когда царь сказал: в моей стране нет равного мне охотника, Автандил заявил: «Кто сравнится со мной на ристалище (сказали вы) негоже брать свои слова назад. Пусть мяч и поле нас рассудят». Даже если бы больше ничего не произошло, этого было бы достаточно, чтобы разгневать царя: «Негоже брать свои слова назад» — этих слов Ростеван Автандилу не простит!

Ростеван, разумеется, привык побеждать, более того — ничего другого он и не мыслит! «Двенадцать слуг (рабов) будут сопровождать нас, чтобы несли тугие луки, подавали стрелы, выстрелы каждого считали точно, попадания сравнивали...» Что особенно важно, помимо этих двенадцати слуг царь называет и Шермадина («и с ними — твой Шермадин...»). А это значит, царь не хочет, чтобы их арбитры были объективными. Он надеется на рассудительность Шермадина, который удержит Автандила, предупредит, отрезвит, не даст ему превзойти царя. Но иллюзорное представление, что Автандил в качестве супруга Тинатин скоро станет царем, заставило забыть Шермадина о его обычной бдительности, вскружило ему голову... Впрочем, кто мог представить, в том числе и Шермадин, что царь не собирался никому уступать трон, даже дочери! Он лишь затем посадил Тинатин на престол, чтобы отбить у других охоту притязать на корону.

Не нужно забывать также, что Ростеван собирался состязаться с Автандилом не только в присутствии двенадцати слуг и Шермадина, но перед всем народом, то бишь перед великим множеством свидетелей: «И бойцов на состязанье пригласил он всей дружиной» (перевод Н. Заболоцкого). Поражения, нанесенного публично, не простит ни один государь, не простит никому, даже суженому единственной дочери, а может, именно ему и не простит!

Таким образом, случилось то, чего меньше всего Ростеван ждал от Автандила: тот не понял, что это была не обычная охота, а, как уже было сказано, маневры, или демонстрация царского могущества, урок для тех, кто поверил хотя бы на мгновение в старость и немощ Ростевана:

Сын вельможи полководца, сам прославленный спасет, Автандил-военачальник был в расцвете юных лет. Стройный станом, почитался он соперником планет, Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Вот и весь сказ! Гениальный поэт сообщает нам, что Автандил — юный, пригожий, физически сильный придворный, никаких особых достоинств пока не проявивший. Можно сказать, что в начале поэмы Автандил — самое большое — это будущий Ростеван, ведь он воспитан и закален именно им! Во всяком случае, Автандил непременно стал бы таким, не отправься он на поиски Таризла. Между прочим, Руставели не зря употребляет слово «пока», которого нет в русском переводе. Да, пока Автандил не только «безбородый», пока он еще вообще не Автандил! Рукой чудотворца посажено это слово именно на то место, на то возвышение, с которого заключенное в строфе пространство наполняется большим, значительным ожиданием (впервые настоящего Автандила мы видим, когда ему удастся склонить на свою сторону Аснат. Ведь он обладает удивительной способностью уговаривать, убеждать, подчинять. Может, это свойство для него самого — неожиданность, не может, а точно это так. Но Автандил еще много нового обнаружит в недрах своего «я»).

Автандил убил всего «на двадцать больше», это немного, если вспомнить стычку с пиратами, где он продемонстрировал свою силу. Отсюда явствует, насколько силен Ростеван! И это понятно, только обладая такой мощью, он смог посадить на престол дочь.

Победа на охоте дорого обошлась Автандилу! Первый же царский акт, который совершила Тинатин (или который ее заставили совершить!), был направлен на наказание жениха: Автандила изгнали на три года. Поиски неведомого витязя стали прекрасным поводом для того, чтобы убрать Автандила с глаз долой. Другого нечего было и ждать. Любой правитель поступил бы так же: во главе феодального царства должен был стоять сильный царь-воин. Естественно, что такой государь не потерпел бы соперника, поэтому и сопернику не следовало допускать ошибку, гневить повелителя.

На охоте же Ростеван и его свита «увидели некоего витязя чужеземного, рыдающего на берегу реки». Ростеван послал за ним слугу, но витязь не удостоил его вниманием, похоже, не слышал и не видел его. «Он плачет и ничего не слышит, не замечая его». Обескураженный слуга так и докладывает царю. Ростеван разгневан: «Царь удивился и рассердился, в сердце вскипел гнев на него». Теперь он послал двенадцать слуг: «Ступайте и приведите его ко мне», т. е. он велит пленить витязя. Тот же, естественно, не дал себя пленить. Тогда царь напустил на него целое войско и сам на-

правился, чтобы схватить его. Заметив царя, Тариэл уклонился от схватки, оказав тем самым царю уважение, как и подобало рыцарю.

Тариэл исчез.

Царь пришел в неистовство!

«Воины оплакивали мертвых, торопились перевязывать раны». Ростеван в ярости оттого, что не смог схватить витязя (кстати, у всех, кто видит Тариэла, сразу возникает горячее желание его пленить. «Мы захотели его схватить», — это говорят три брата-хатайца; подобно Ростевану, хотел захватить Тариэла еще один, неизвестный нам царь, это случилось до встречи Тариэла с Автандилом).

«Вижу причину, чтобы окончить веселье», — это слова Ростевана. До сих пор не было случая, чтобы его приказ, желание не исполнялось, и вот здесь Руставели произносит фразу, благодаря которой мы узнаем, что Ростеваном довольны далеко не все, даже из приближенных: «Некоторые говорили: «Он прав», другие роптали: «О боже!».

Один из современных исследователей справедливо усматривает причину внезапного раздражения Ростевана против неизвестного витязя в поражении, нанесенном ему Автандилом. Вот где он дал волю своему гневу. Анализируя характер Ростевана, критик в основном занимает верную позицию. От его взора не ускользает ни «своенравность» государя, ни то, как швыряет сей «милостивый правитель» стул в вазиря Сограта, однако, на мой взгляд, он ошибается, когда высказывает соображение, что Ростеван воспринял свое поражение как знак приближения старости и смерти, и в подсознании у него остался неприятный осадок, который сразу всплыл, как только появился повод. Нет! Ростеван во время пиршества явно притворялся огорченным, именно играл огорчение. Руставели не зря пользуется термином «пестрый» (лживый, двусмысленный). Если может быть «пестрая» речь, значит, существует и «пестрая» поза. Именно царя-то и не обрадовала вовсе победа Автандила. Выше я уже говорил и повторю еще раз, что более всего его огорчило, разумеется, то, что у его воспитанника не хватило ума не побеждать царя, когда царю так **нужна была победа.**

Ростеван не был бы Ростеваном, если бы при всех обнаружил свою досаду. В глазах окружающих это подчеркнуло бы только его поражение. Ростеван, как подобает сильной личности и умному правителю, во всеуслышание выразил радость по поводу победы Автандила. Но присмотритесь к од-

ному, на первый взгляд, незначительному нюансу — «Он радовался удали своего воспитанника». В этой фразе основной смысловой акцент падает на слова «своего воспитанника», т. е. царь с улыбкой на устах все-таки приписал удачу Автандила себе: это он его обучил, он воспитал, он взрастил такого, только благодаря ему Автандил так отличился на охоте! Для того чтобы отвести душу, излить досаду, ему нужен другой повод, и, как замечает вышеупомянутый критик, он этот повод находит — неизвестный витязь появился весьма кстати!

В мировой литературе редко можно встретить портрет персонажа, выполненный таким вот «иносказательным» образом. Так что Руставели — великий мастер не только «скрытой хвалы», но и «тайного осуждения»!

Я постараюсь привести и другие примеры, хотя уже ясно, что отношение Руставели к царю, к высшему правителю, повелителю — критическое. Он сомневается в правоте абсолютного властителя, и потому слова поэта из пролога о том, что каждый должен довольствоваться тем, что пошлет ему судьба, мы не сможем использовать для выяснения отношения поэта к государю.

Конечно, у Ростевана есть и положительные черты, но когда мы вспоминаем об этих чертах, нельзя забывать вазира Сограта. Руставели никого не включил бы в поэму случайно, даже ради самого эффектного пассажи. Мудростью, справедливостью, разумным управлением, как видно, царь большей частью обязан Сограту. Этот персонаж выполняет в поэме две роли: одну — явную, т. е. роль вазира (который непременно погиб бы от руки «справедливого и милостивого» царя, если бы тот не промахнулся, запустив в него стулом), и вторую — тайную, царского советника, невидимого автора публичных выступлений царя, за кулисами заряжающего энергией царственное могущество Ростевана.

Царица Тинатин вызвала военачальника Автандила и приказала узнать о неизвестном витязе. Я потому тебе это поручаю, сказала она, что ты «обязан служить мне» по двум причинам: во-первых, ты мой вассал, во-вторых — миджнур. (В данном случае рыцарь и вассал объединяются в одном понятии).

Для Автандила это не неожиданность («Я смерти ждал»), он знает (уже понял), что провинился и нет ему прощения. Ему указывают его место, чтобы успех на охоте не вскружил ему голову и не толкнул бы на новые глупости.

То, что это так и что Автандил правильно всё понял, мы узнаем позже, когда Автандил объяснит Шермадину причину своего внезапного отъезда: «Во-первых, я — вассал, мне положено служить патрону...». Это же повторение слов Тинатин («обязан служить мне»). Только в данном случае ещё больше акцентирована вассальная зависимость Автандила.

Автандил понял, за что его наказывают: «Нам, вассалам, следует вести себя, как подобает вассалам!». Ведь пока он всего лишь покорный вассал, опьянённый розовой любовью Тинатин, послушный воин (солдат), который понял свою ошибку («надо блюсти преданность царям»); ещё далеко до замечательной фразы:

Не сердись, что повеленью твоему я изменил!

Мне, как пленному, в томленьи пребывать не стало сил.

Кроме бегства, я, палимый, чем бы пламя погасил?

Где бы ни был я — мне воля и простор открытый мил.

(Перевод П. Петренко)

Вот здесь (но повторяю — спустя много времени!) противостоят друг другу «служба» и «воля».

Как мы знаем, именно Тинатин посоветовала отцу (удивительно, почему это не пришло в голову самому Ростевану!), чтобы он послал людей во все концы разузнать о неизвестном витязе («Пошлите повсюду людей разузнать о нем»). Кто знает, дескать, может, наваждение это было, «ложь и мерзость дьявола». И в самом делё, по совету Тинатин «призвали гонцов, послали во все четыре стороны света». Посланцы целый год искали «того витязя», каждый камушек, можно сказать, перевернули, но ничего о нем не узнали и несолоно хлебавши вернулись обратно.

Ростеван молвил: права оказалась моя дочь, нет и не было никакого витязя; хватит печалиться, предадим эту историю забвению.

Увидев улыбку на устах царя, все возрадовались. Беспричинный гнев его доселе удивлял всех. Беспричинный и бессмысленный, ибо неведомый витязь никакого зла никому не причинял, и главное, вызвал у всех чувство уважения и благоговения, как всякий благородный человек, пребывающий в уединении и в глубокой печали.

Таким образом, миновало время, и все думать перестали о странном витязе... Все, кроме Ростевана! Не будем дове-

рять его улыбке, ибо раз существуют «пестрые речи», то, надо полагать, существует и «пестрая улыбка», «пестрая слеза», «пестрый гнев». Примеров тому в поэме достаточно. Ростеван не мог забыть эту историю. Прежде всего — как царь. А то, что это так, мы узнаем от Тинатин. Она говорит Автандилу:

Помнишь, как совсем недавно, состязаясь с Ростеваном,
Повстречался ты на поле с незнакомцем чужестранным?
С той поры о нем я мыслю, плачу в горе непрестанном.
Разыщи его мне, витязь! Поезжай по дальним странам.

(Перевод Н. Заболоцкого)

«Помнишь!» — произносит она как ни в чем не бывало, словно не это главное и словно Автандил не запомнил этот день так же, как Ростеван, только вспоминал о нем со страхом и дурным предчувствием («Я ожидал смерти»). «...Разыщи его», — это говорит женщина, которая, в общем-то, не верила в существование загадочного витязя. Так почему она вдруг снова вспомнила о нем? Ведь по сути ее не интересовало случившееся и она придерживалась самой разумной и спокойной позиции.

Дело в том, что хотя все и позабыли историю с неизвестным витязем, но зато прекрасно запомнили, как Автандил всенародно нанес поражение Ростевану! Да, мы имеем дело с раздосадованным царем, который никак не может переварить свое поражение и теперь решил покарать дерзкого победителя рукой дочери — выслать его на три года! «Ищи три года», — говорит Тинатин Автандилу — предводителю войск; вазиру, перегруженному государственными делами. Послушаем же, какие приказания отдает Автандил своему верному слуге Шермадину перед отъездом («Оставляю тебя властителем вместо себя»), и нам станет ясно, сколько обязанностей выполнял Автандил в одних только своих владениях:

Заставляй войска и знатных на врагов идти войной,
Во дворец к царю с вестями пусть гонец приходит твой,
За меня царю шли письма и казну его удвой...

(Перевод П. Петренко)

И далее:

Уподобься мне повсюду, на охоте, на войне...

И еще:

Нищим выдай медь и золото, не жалея ничего.

И это не всё:

Укрепляй границы, чтобы враг не подбирался близко...

В письмах же к своим вассалам Автандил пишет:

Я оставил Шермадина заменить меня в стране

До тех пор, пока известия не получит обо мне.

Пусть при нем зардеют розы и раскроются вполне.

Вредных, воску уподобив, он растопит на огне.

(Перевод П. Петренко)

Вот сколько обязанностей выполнял Автандил в одном лишь своем княжестве, но ведь он был, кроме того, еще и спасетом! Как же можно было на три года удалять такого придворного, которого вдобавок любит сама царица?! Яснее ясного, что это все свершается отнюдь не по воле Тинатин.

Тинатин вообще — личность спокойная, безынициативная, сложности — не ее стихия. «У Тинатин — одна натура, у Нестан — другая», — заметил Илья Чавчавадзе. Любовь Тинатин спокойная, любовь Нестан — неистовая. Нестан борется, Тинатин царствует, или, точнее, — играет в царствование. Да-да, играют не дети, а взрослые, особенно если вспомнить, что Монтень называет игры детей «самой значительной, исполненной глубокого смысла деятельностью этого возраста». Тинатин, по правде говоря, ничего другого не остается, ее никто не подпускает к кормилу власти, забыт лозунг «Льва щенки равны...» Он уже сыграл свою роль, и теперь может быть предан забвению...

Совершенно очевидно, что Тинатин больше любит (или боится?) отца, чем Автандила. Нестан же ради любви жертвует отцом. Не случайно Мари Броссе в свое время произнес такую фразу: «Тинатин и Автандил являют собой пример простой (примитивной) любви».

Тинатин на первый взгляд производит впечатление красивой скульптуры. Скульптурна ее поза, жест, вообще вся ее пластическая интонация в поэме. Она ходит выпрямившись, высоко подняв голову, в ее чертах не наблюдается ни малейшего смятения духа, поэтому мы особенно ощущаем жар гения, когда сдержанная, надменная Тинатин вдруг начинает волноваться, кажется, теряет равновесие, и именно та клятва, которую она дает Автандилу шепотом, торопливо

(поглядывая при этом на дверь), делает очевидным для нас, что она менее всего желает расстаться с Автандилом на три года. Какой, собственно, женщине этого хочется, чтобы хотелось ей?! Поэт словно на миг отодвинул занавес, чтобы показать нам настоящую Тинатин.

Ее характер, можно сказать, по сравнению со всеми остальными намного сложнее в том смысле, что здесь глубже пропасть между видимым и невидимым, т. е. между написанным и подразумеваемым (или, говоря иначе, — подтекстом).

Тинатин чувствует себя виноватой перед Автандилом, как возлюбленная, но другого выхода у нее нет. У кого? У Тинатин? У царицы? Да, у Тинатин! У царицы!

Борозда Руставели очень глубока, зерно глубоко погружено в землю, я уже говорил и повторяю еще раз, что писание, в определенном смысле, схоже с пахотой и севом, чем глубже борозда, чем надежнее заложено в нее зерно, тем больше надежд на хороший урожай. Зерно из борозды не птица должна склевать — подвластное лишь силе природы, оно взойдет и поднимется.

Часть исследователей склонна противопоставлять друг другу героев «идеализированных» — «эмпирическим». Например, Тинатин обычно противопоставляют Фатьме, но невозможно группировать героев поэмы по такому принципу, ибо эти герои, говоря словами Ильи Чавчавадзе, «прежде всего люди». Это и есть общий для них признак.

Итак, Тинатин приказала Автандилу отправиться на поиски неизвестного рыцаря. Ответ Автандила обнаруживает истинную суть этих «пестрых речей», и примечательно, что именно Автандил утешает возлюбленную (а не наоборот!) — «Я ожидал смерти, а ты дала мне жизнь. Как раб, я отправлюсь служить тебе».

Здесь специально подчеркнуто слово «служить». Автандил разговаривает с Тинатин как с царицей, делает вид, что он не знает, кто истинный правитель страны. Он ведь уже был однажды свидетелем, как Тинатин не посмела без спросу войти к отцу. Не стоит верить мнимому удивлению Ростевана: «Зачем ты, о жизнь твоего отца, повернула назад?» Ростевану далеко не во всем следует верить. В его словах надо искать подтекст. При этой сцене присутствует Автандил, поэтому соответственно ведет себя и Ростеван, обычно же, надо полагать, Тинатин входила к отцу только по его вызову или получив его разрешение.

Речи царей «пестры», их язык нужно изучать специаль-

но. Рсбоко, как овечка, говорит шекспировский Ричард III о любви, о милосердии, но разве можно верить хоть одному его слову? Сопоставление характеров Ростевана и Ричарда многим может показаться искусственным, конечно, Ростеван не заходит так далеко, но правомернее все же сравнивать Руставели с Шекспиром (есть между этими двумя гигантами черты знаменательного сходства), чем довольствоваться вегетарианскими блюдами некоторых толкователей.

Изгнание Автандила под предлогом поисков неизвестного витязя, разумеется, не могло произойти без ведома Ростевана, потому что настоящим правителем Аравии является он, а не Тинатин. В поэме не зря сказано, что она «считала себя недостойной» отцовского престола. Этот престол еще долго останется «отцовским»! В этом мы легко убеждаемся, когда Автандил вторично, на сей раз уже по своей воле, решит отправиться на поиски Тариэла. Но прежде я должен отметить, что в первый раз Автандила отправляют насильно, против его желаний, что видно хотя бы из следующих слов: «Мир разлучил меня с моим прекрасным солнцем». Однако приказ он выполняет безропотно, делает то, чего делать не хочет, но считает необходимым: «Поступай против своих желаний, не следуй воле страстей».

Ростеван держится так, словно не знает, куда и зачем отправляется Автандил. Это — своего рода игра, говоря прямо, дошедшее до цинизма отношение к подданному, власть, употребленная во зло. В данном случае Автандил — достойный партнер Ростевана. Он и сам не называет причины своего ухода, тоже играет. Хотя уже прекрасно знает, что изгнанием своим обязан Ростевану, в этом убеждает его горячая клятва Тинатин (больше похожая на просьбу о прощении!). Да, и догадаться было нетрудно — разве мог царь не знать о том, что предводитель его войск покидает страну на три года?! Более того, Автандил уже понимает, что не надо называть вслух подлинную причину своего отбытия, никому не следует знать о ней. Поэтому во всеуслышание он говорит следующее:

Ныне я идти обязан на противников войною,
Славной вестью о царице положить конец разбою.
Я обрадую покорных, непокорных успокою.
Я пришлю даров немало, лишь дела твои устрою.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Мы уже знаем, что все это вместо него будет выполнять Шермадин, т. е. на самом деле Автандил совсем по другой причине покидает Аравию — он должен найти не известного рыцаря, о котором не проронил ни слова. Как это понять? Неужели Автандил обманывает Ростевана? Нет, его слова рассчитаны на придворных, это официальная версия его «командировки», как раз такая, какая подобает вельможе его ранга, прежде всего — спаспету. Ведь поэт пишет: «Он послал во дворец того эджиба, которого обычно посылал, велел доложить...» Видите, устами гонца Автандил во всеуслышание докладывает царю то, о чем мы говорили выше. Автандил в данном случае помогает Ростевану, как уже было замечено, он — достойный партнер царя в этой «пестрой игре». Ведь иногда самим царям неловко аргументировать свой беспричинный гнев!

Автандил — умный придворный. Однажды он допустил ошибку — во время охоты, больше он ее не повторит...

Величие Автандила в том, что если сначала его насильно отправляют на поиски незнакомца, то второй раз он идет за ним добровольно! На протяжении поэмы Автандил растет как личность, потому что постепенно осознает свое призвание на этой земле — **быть Автандилом!** В начале поэмы он, правда, славный охотник, отважный воин («участия в битвах ему не занимать»), но он еще не «предводитель мудрых (разумных)».

Решив идти к своему другу Тариэлу, Автандил доверяется Тинатин, она отпускает его и даже одобряет его намерение: «Ты обладаешь хорошим качеством — не нарушать клятву. Следует быть твердым в своей любви к другу», — говорит она.

Тинатин не могла поступить иначе, Автандил и не ждал от нее иного решения. Но соизволение Тинатин еще ничего не значит, хотя, как мы знаем, она уже давно объявлена царицей. Правда, Автандил с гордостью заявляет: «Я отпросился у моего солнца (Тинатин), она меня отпустила, что же мне медлить!» — но в глубине души он знает, что главное — это разрешение Ростевана, так как настоящим правителем и господином является по-прежнему Ростеван, тот самый Ростеван, который четыре года назад жаловался вазирам: «Старость тяготеет надо мной». Автандил не мог представить себе, что встретит в Аравии с этой стороны какие-нибудь препятствия, кто мог подумать, что выполнению рыцарского долга что-то может помешать. А теперь он не смеет войти к ца-

рю, так как чувствует, что тот его не отпустит, и он даже знает, почему: по той же самой причине, по которой его насильно отправили в первый раз.

Недовольство Ростевана вызвано не тем, что Автандил снова покидает Аравию, а тем, что он покидает ее по своей воле. Вот здесь-то и выяснилось, что сам по себе витязь в тигровой шкуре совершенно его не интересовал, иначе — т. е. если бы он искренне хотел узнать что-то о неведомом витязе — он не мог бы не отпустить Автандила. В конце концов он и сам был рыцарем, и параграф кодекса, посвященный дружбе, был ему хорошо известен. Но дело в том, что Автандил уже понес заслуженное наказание и теперь он нужнее в Аравии. Царь и слышать не желает ни о каком витязе. Скитания Автандила были завершены, теперь он должен выполнять свои прямые обязанности предводителя войск. И Тинатин достаточно долго ждала его. Хватит...

Ученые, которые чувствуют, что Ростеван не отвечает требованиям, предъявляемым к идеальному герою, но не хотят свергать идола, слепленного собственноручно, считают тайный уход Автандила изменой царю. Он нужен был царю, говорят они, хотя и отмечают при этом, что «другого выхода у него не было». Нет, Автандил уходит не потому, что «другого выхода у него не было», а потому, что он так хотел! Это имеет огромное значение. Кроме того, следует учесть еще и следующее: поступок Автандила был бы изменой, если бы он знал, что без него не обойдутся ни царь, ни войска. Но разве три года назад он также не был спасетом? Кто же отправляет на поиски какого-то рыцаря предводителя войск, без которого, как утверждают некоторые исследователи, государству могло что-то угрожать? Три года назад Автандил совершенно не был нужен Ростевану, тот прекрасно управлялся сам со всеми делами. А через три года что-то в Аравии изменилось. Неужели Ростеван и вправду постарел? Ведь он больше всего на свете боялся старости! И все-таки Автандил все равно считался бы изменником, дай ему Ростеван право выбора. Но Ростеван не считается с Автандилом, поступает с ним, как ему заблагорассудится — отпускает или не отпускает, однако между Автандилом, которого изгоняют на три года, и тем, что уходит сам, по своей воле («О царь, я ушел тайно»), сбегает тайно, так как его не отпустили, — огромная разница. Как уже было сказано, на наших глазах произошло почти невероятное преобразование, развитие характера героя.

Разумеется, дело здесь не в свойственном феодалам своеволию, которому царь, в общем-то, и не стал бы удивляться, а в борьбе человека за утверждение своего личного достоинства. Таким образом, этот акт (побег Автандила) соотносится скорее к духовной сфере, чем к политической. Не надо думать, будто Автандила к Тариэлу, как говорится, тянут на аркане, а к Аравии его не привязывает даже ниточка. Бывают минуты, когда он сожалеет об уходе из дома. Он обращает упрек к богу: «Господи, чем грешен я, чем разгневал тебя столь сильно: зачем ты позволил мне дожить до такой участи», — но это лишь минутное сожаление.

Автандил и Тариэл как раз тем и отличаются от других рыцарей литературы той эпохи, что они значительно свободнее. Автандил хранит верность не Ростевану, а себе самому, своим собственным идеалам. И про Тариэла не скажешь, что он верен патрону. Он верен своей любви, т. е. верен своему жизненному кредо.

Вот что Автандил говорит о Тариэле: «Он меня называет братом, хотя я едва достоин быть его рабом!»

Чем же таким особенным выделяется Тариэл, что отличает его от Автандила? Прежде всего, наверное, то, что он не живет любовью, не борется за нее, но умирает из-за любви («Я здесь, и я умираю»). Тариэл — мученик, сам выбравший участь мученика. Именно эта божественная и в то же время истинно человеческая мука отличает его от остальных, подчеркивает его особенности. Боккаччо назвал «Комедию» Данте «божественной», потому что это произведение с небывалой силой выразило возможности человеческого таланта, высший предел достижений, но в то же время то, что мы зовем «божественным» — из-за грандиозности — будь то труд или страдание, отвага или терпение — как раз более всего и характерно для человека, является именно человеческим. Граница человеческих возможностей не установлена, и установить ее невозможно. Человек несет на плече пограничный столб собственных возможностей, словно крест, относя его все дальше и дальше, все ближе и ближе к тому миру, который мы зовем божественным из-за его непознанности и таинственности. Я говорю это потому, что великое и впрямь божественное страдание сделало Тариэла для нас близким и дорогим. Это человек, который сознательно стремится к смерти, как к вечной жизни, ибо на том свете собирается начать настоящую жизнь. Когда мы слышим его обоженные горячими слезами слова, мы верим в то,

что эта могучая личность, соединившись с возлюбленной, совершит чудо — превратит смерть в жизнь! Это не мечта о рае, навёянная любой религией, это мощное стремление преодолеть границу бытия. Разве не таким же божественным огнем пылают слова Нестан: «Пусть даст он мне крылья, я улечу и обрету желанное!».

Тариэл велик еще и тем, что в том обществе, где все зависят друг от друга и все вместе — от царя, он не боится сказать следующее:

Не могу хвалить я друга, если он со мной чинится,

Слезы льет в уединенье, убивается, томится...

Кто меня считает братом, должен мне во всем открыться.

Если ж нет, то нам обоим лучше будет разлучиться.

(Перевод Н. Заболоцкого)

В этих блестящих словах выявлена истинная суть дружбы, дружбы, невысказанной без равенства: если кто-то один выше, дружба не будет. Даже если этот «кто-то» — царь! Тот, кто ищет друга, ищет равного, достойного товарища. По мнению Тариэла, дружба — это такое величайшее обретение, в котором каждый — **царь, точнее — повелитель собственной судьбы, собственной совести!** На фоне этих слов западноевропейская куртуазия выглядит устаревшей и скучно однообразной. В этих словах мерцает первый луч уже нового солнца...

Грузинский Ренессанс — факт, признанный не только нашими, но и зарубежными учеными. Совсем недавно известный чешский переводчик-картвелолог Вацлав Черный заявил: «В эпоху царицы Тамар, считающуюся золотым веком грузинской истории, Грузия стала на тот путь развития, который в дальнейшем прошли все страны Западной Европы». А один из авторов поэтического перевода «Вепхисткаосани» на итальянский язык — Марио Пики сказал: «При дворе Тамар... сформировался поистине грузинский Ренессанс». Еще раньше многие зарубежные исследователи высказывали подобное соображение. Во время дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории», была высказана среди других одна, на наш взгляд, интересная мысль о том, что мы не имеем никаких оснований говорить о Ренессансе в тех странах, где наблюдаются лишь некоторые признаки этого явления. Но есть признак, являющийся одним из решаю-

щих при определении Ренессанса, а именно создание нового типа человека с новой культурой, явно отличного от человека предыдущей эпохи.

Именно этот **«решающий»** признак благодаря Руставели и был присущ грузинскому Ренессансу, именно он дает нам возможность говорить о нем со всей серьезностью еще и потому, что, как я уже отмечал выше, Руставели выявил в обществе **деспотизм** как феномен политико-социальный и в то же время морально-этический, объявил его **злом** и противопоставил ему **добро**, подавляющую зло личность свободного человека! Тем самым он опередил и великих поэтов Востока!

Руставели создает не книгу «царей», а книгу людей, поэтому не боготворит человека, не ставит его в центре вселенной на место бога, но, выявляя могущество человека, приближает к нему понятие человечности, показывает человеку величие его возможностей, связывает с другими людьми, крепчайшей цепью любви и дружбы вытягивает из мрака одиночества, открывает ему небо, звезды, приучает мыслить, показывает дорогу к самому себе, внушает доверие к другому, борется и вообще не признает межей, границ, оград, плетей, заборов как между людьми, так и между странами.

Песнь Автандила — внезапно вырвавшееся из груди ликование освобожденного человека, человека, который познал вкус свободы, проник в ее смысл, ощутил силу ее крыльев, захмелел от ее необъятных просторов. Теперь он летит в беспредельном пространстве, а не в какой-то конкретной географической местности. Было бы уместно здесь еще раз вспомнить о фантастической географии.

Автандил словно парит в космосе и обращается к планетам как к одушевленным существам. Он поет от радости, от прежде неведомого ему чувства свободы. Да, он обрел **свободу**, совершил нечто невероятное для тогдашнего общества — проявил собственную волю и тем самым из сказочной Аравии ступил прямо в Ренессанс. Он уже не только спасет или, если угодно, не только жених Тинатин, он **человек, личность, хозяин своей судьбы**. Что может быть особенно близко такому беспредельно свободному и беспредельно счастливому благодаря ощущению этой свободы человеку? Очевидно, космические тела, имеющие свою орбиту, свои, только им присущие качества. Наверное, потому особо выделены и подчеркнуты признаки, свойственные каждой планете, лишь для нее характерные. Автандил им «ровня», он понимает их!

Космический мрак освещен голосом человека, этот голос вдыхает жизнь во вселенную, Автандил отныне, подобно планетам, будет идти своим путем..

Солнце и звезды или солнце и луна — вместе, одновременно, как видит их Автандил, возможны лишь в поэзии, и любое другое объяснение будет искусственным. Небо Руставели, согласно одному точному определению, «не астрономическое, а поэтическое».

Сущность планет Автандила, их назначение в поэме несколько веков спустя растолкует Николоз Бараташвили, когда скажет:

Только звездам, сопутствующим мне,
Открою я тайну моего сердца...

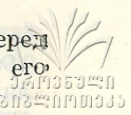
«Сопутствующие звезды» — мечты, превратившиеся в образы, которые мерещатся измученному долгой дорогой Автандилу. Кроме того, это величайший акт одухотворения природы, когда звезды, словно живые существа, внимают и сострадают Автандилу. Это знание великой книги природы, а никак не знание учебников «арабского природоведения».

Планеты «Вепхисткаосани» вращаются словно и не в небе, а в беспредельности души Автандила.

В связи с песней Автандила можно было бы вспомнить «причитания» Паскаля, условно назовем так известные максимы французского философа, которые справедливо считают стенанием человека, потрясенного открытием новой, гелиоцентрической системы (между прочим, с этой точки зрения, наверное, было бы интересно сопоставить Автандила с лирическим героем книги Давида Гурамишвили).

Автандил чувствует себя повелителем вселенной, и его беседа с планетами подтверждает это, как будто их тайна в его руках: «Здесь Автандил открывает звездам свою природу» (Вахтанг VI). Лирический же герой Паскаля уничтожен грандиозными, неведомыми небесными телами: «...Вот мое положение: беспомощность, бессилие и мрак!».

Автандил — если использовать слова Ильи Чавчавадзе, обращенные к Тереку, — «образ пробудившейся человеческой жизни». Трехлетние одинокие скитания, когда у Автандила было достаточно времени, чтобы заглянуть в глубины своего духа, приводят его к идее раскрепощения, освобождения. От беспечного, снобистского, безыдейного, куртуазного времяпрепровождения он переходит к человеческой жизни, исполнен-



ной страданий и опасностей, и именно тогда предстает перед нами подлинный Автандил, и мы постигаем деятельность его разума, его мудрость.

Прежде Автандилу незнакомо было понятие «муки» («беды»), однако, покинув Аравию, он приобщился к этому феномену, необходимому, чтобы стать настоящим человеком. Вот что пишет Руставели: «Разве муж достоин чести, коль он бед не поборол?»¹, «Даже в бедствиях отвагу муж обязан сохранить»², «Муж обязан быть вынослив, в тяжких бедах пребывая»³. Через страдание, с помощью страдания постигает человек истинную суть своего назначения. Здесь подразумевается отмеченный моральными муками, душевной болью акт ломки эгоистических рамок.

А вот еще одна, на мой взгляд, интересная черта Автандила: его характеризует трагическое ощущение бытия! Его судьба, согласно его собственному завещанию, трагична. Трагизм же заключается в том, что Автандил знает, что его возможности и вообще его существование ограничены провидением. В этом плане завещание Автандила в определенном смысле созвучно некоторым высказываниям Гамлета. Можно сказать, что эти два характера — Автандил и Гамлет — исток и исход одного могучего интеллектуального потока. Для Автандила границы человеческих возможностей очерчены судьбой (роком). Автандил доходит до трагического, но там же останавливается, не превращая философскую идею в личную трагедию. Для этого еще не наступило время, это спустя несколько веков сделает Гамлет, преградив своим телом вход в тот величественный мир, который зовется европейским Ренессансом и который четырьмя столетиями раньше открылся песней Автандила.

В силу особых политико-экономических условий, сложившихся в Грузии в конце XI и на протяжении всего XII века, стало возможным развитие нашей культуры таким путем, который мы сегодня можем назвать ренессансным.

Ренессанс начинался везде, где рождалось личностное сознание, где было больше возможностей разорвать средневековые феодальные оковы, познать себя, возможностей саморазвития, самосоздания личности; везде, где высокий уровень культуры способствовал утверждению новой мысли.

¹ Перевод Н. Заболоцкого

² Перевод П. Петренко

³ Перевод Н. Заболоцкого

Джованни Пико делла Мирандола (1463—1494) составил «900 тезисов обо всем, что познаваемо». Тезисы предназначались для общеевропейского диспута, который должен был состояться в Риме. Диспут не состоялся, но осталось вступительное слово Пико делла Мирандола под таким названием: «Слово о достоинстве человека». Этот шедевр ренессансного мышления создан примерно через 400 лет после Руисско-Урбнисского собора, на котором приняли такое постановление, где тезис о человеческом достоинстве занимал одно из главных мест, можно сказать, даже центральное место. Таким образом, гуманистическое мышление было характерно для того или иного общества задолго до того, как гуманизм сформировался в качестве «мировоззренческого содержания» Возрождения.

Ренессанс начался значительно раньше, чем родился Петрарка, и начался не только там, где принял заверченный образ, но и в других местах, достаточно удаленных от Италии, но в одном и том же мире генетически общей культуры.

Ив. Джавахишвили в «Истории грузинского народа», вспоминая о «так называемом Ренессансе, рожденном в Западной Европе», справедливо замечает: «Грузия начала это движение уже в XII веке. Начала, но завершить его помешало монгольское нашествие». Соображение крупного учёного интересно еще и тем, что обстановка, возникшая в тогдашней Грузии, рассмотрена через призму европейского Ренессанса, еще раз подчеркнут факт родства грузинского Ренессанса с общеевропейским.

Таким образом, можно сказать, что мы присутствовали на утреннем спектакле европейского Ренессанса, причем поставленном собственными силами...

Признаки Ренессанса, конечно, не могли быть во всех странах. Они встречаются там, где возникают для этого все условия или, точнее — все приобретает такой вид, явления соединяются, складываются так своеобразно, что становится возможным говорить о будущем Ренессансе.

Когда мы говорим о признаках Ренессанса в Грузии, которых, кстати, гораздо больше здесь, чем в странах, непосредственно граничащих с Италией, справедливо и то, что мы отмечаем особое значение для развития грузинского общества гуманистических идей, но не следует забывать, что ренессансные черты еще не означают Ренессанса, не равны Ренессансу, это не одно и то же. Признак потому и признак, что предшествует явлению, может случиться и так, что признак есть, а самого явления нет. Но сегодня мы говорим не только о при-



знаках Ренессанса, но о грузинском Ренессансе, который, как я уже сказал, факт общепризнанный. А понятие грузинского Ренессанса прежде всего связано с именем Руставели.

Хотя наука и культура в Грузии той эпохи, бесспорно, достигли особого расцвета, но только это еще не дает нам права говорить о грузинском Возрождении, находить и устанавливать социально-политические и культурные параллели между грузинским и итальянским Ренессансом, сам разговор о каком-либо сходстве был бы невозможен и даже неудобен, если бы не было у нас Руставели — поэта, который явно не умещается в схемы, составленные литераторами, разрушает классические представления или гармонию между теорией и опытом, теорией и действительностью. Именно он **один** дал нам возможность говорить о грузинском Возрождении. Никому и ничему так не подходит термин **Возрождение**, как этому грузинскому поэту! Кто-то из писателей сказал: по-настоящему велик тот, рядом с которым все кажется великим...

Гениальные Фирдоуси и Низами, рядом с которыми часто называют Руставели, остаются величайшими светилами средневековой культуры, Руставели же принадлежит к качественно другой эпохе, к новой эре духовной жизни человечества, ибо он вывел на сцену истории **нового человека**, который познает не только окружающий мир, но и самого себя, обнаруживает в недрах своего существа **личность**. Руставели высвобождается из средневековых традиционных литературно-философских оков, дает необычайно четкую картину диалектического развития человеческого характера, «странные и невыразимые» черты человеческой души.

Вот почему Руставели велик и вечен!

Вот почему мы воспринимаем его как обновление, пробуждение, как песнь, предупреждающую весеннее цветение, как саму **весну!**..

Авторизованный перевод А. БЕСТАВАШВИЛИ





Татьяна ШАРОЕВА

«Я прошел над Алазанью...»

●
К ВОПРОСУ О ЕДИН-
СТВЕ ИНТЕРНАЦИО-
НАЛЬНОГО И НАЦИО-
НАЛЬНОГО В ТВОРЧЕ-
СТВЕ Н. С. ТИХОНОВА

И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

С ОВЕТСКАЯ многонациональная литература — невиданный в мире эстетический феномен, новая эстетическая система социалистического реализма, где впервые решена проблема интернационального и национального в искусстве, — за последнее десятилетие особенно расширила границы своего духовного и художественного воздействия на передовое человечество и этим вызвала новые потоки лжи со стороны идеологов антикоммунизма разного калибра и оттенков. Если американский прогрессивный публицист и ученый С. Финкелстайн, профессора Н. Рудич и Г. Лерой, английские публицисты Д. Огден и Ч. Симмондс, ученые ГДР Х. Юнгер, Г. Шауман, А. Хирше единодушно отмечают гуманистическое, интернациональное звучание творчества М. Шолохова и Л. Леонова, К. Симонова и Н. Рыбака, В. Маяковского и Г. Табидзе, Н. Тихонова и Г. Леонидзе, то советологи последних лет без усталы отыскивают следы несуществующего «национализма», «шовинизма», «культурализма» в их произведе-

ниях: Так, небезызвестный Л. Тиллет на страницах американского журнала «Проблемы коммунизма» («Национализм и история») тенденциозно видит наличие «антагонизма» между русскими и украинцами, русскими и народами Закавказья, Средней Азии и т. п. Та же дезинформация — в книге Б. Вольфа «Марксизм. Сто лет жизни одной доктрины» (США), демагогической защите якобы «психико-физической специфики» разноязычных народов. Американский же специальный журнал «Обозрение национальных литератур» из номера в номер, начиная с 1972 года, дискредитирует интернационалистский пафос произведений М. Горького и И. Джавахишвили, Н. Рыбака и Ч. Айтматова, Н. Тихонова и О. Сулейменова и других.

Вопреки идеологической атаке на социализм и его культуру, творчество вдохновенного певца дружбы народов СССР, идей подлинного интернационализма и патриотизма Н. С. Тихонова, исходившего вдоль и поперек дороги и города Советского Союза и закономерно глубоко расширившего границы советского материка поэзии, — еще одно яркое свидетельство духовного расцвета и взаимообогащения советской многонациональной культуры, еще одно наглядное опровержение мифов антисоветской пропаганды.

Сам Н. С. Тихонов названием сборника впечатляющих воспоминаний «Двойная радуга» и стихотворением «Радуга в Сагурамо» как бы аллегорически отвечал всем современным фальсификаторам литературы социалистического реализма от Х. Маклина до Ю. Рюле, многократно обвиняющим его в воспроизведении «железных» характеров-«гвоздей»:

**Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.**

И неизменно эта «двойная радуга» — символ нерушимой братской дружбы народов Советского Союза, интенсивного творческого взаимообогащения их литератур — сопровождала одного из основоположников советской поэзии, землепроходца и первопроходца многих тем и проблем лирики социалистического реализма на протяжении всего его целеустремленного жизненного пути.

Поэтический исследователь романтики и героики социалистической революции, нового характера лирического героя «с марсианской жадной творить» как действенной силы исторического процесса, проблем народного и национального, интернациональ-

ного и национального в поэзии, наконец, многих актуальных тем современности от красоты воинского подвига до борьбы за мир, он имел полное право сказать о себе в своей «Автобиографии»: «Я люблю свою советскую Родину за то, что она дала мне чувство необъятной семьи, гигантского родного дома: куда бы я ни поехал — в юрте казаха, во льдах Арктики, в городах Севера и Юга, в домике грузинского крестьянина, в сакле таджика-горца, в молдавском винограднике... не говоря о Ленинграде, — всюду я дома...» Об этом же органическом сплаве интернационального и национального в его творчестве как подлинной сердцевине замечательно сказал Симон Чиквани, рассматривая всю многостороннюю деятельность трибуна социалистической культуры, поэта, новеллиста, редактора, переводчика, борца за мир: «Чувство великого интернационализма... Все маршруты на карте тихоновской поэзии выверены по этому безошибочному духовному компасу, магнетическая сила которого открыла поэту Грузию и Армению, Среднюю Азию и Дагестан, Пакистан и Афганистан, Китай и Индию, Францию и Бельгию, почти весь мир».

Н. Тихонов и Грузия. Что дал этот древний, красочный, многосторонне одаренный край славных традиций, подоблачных гор и свободолюбивых натур бывшему солдату царской армии, участнику революции, автору «Орды», «Браги», поэмы «Сами», закалявшему свой характер на трассах мужества, как цементировалась и укреплялась дружба братских народов СССР, завещанная еще именами Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Горького, Маяковского и Есенина?

Уже при анализе идейных и художественных истоков творчества М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина мы видим, как закладывались основы плодотворного взаимного обогащения русской и грузинской литератур. Становилось ясным, что преодоление лженоваторского формалистического изыска, модернистских новаций — рецидива литературной групповщины — вместе с поисками новых средств художественного познания революционной действительности, воссоздания нового героя, преобразователя жизни, участника всенародныхстроек является истинным путем интенсивного творческого сотрудничества, нерушимой дружбы между народами.

Н. Тихонов именно через Кавказ, сердце его, Грузию, находит свой путь приобщения и познания новой социалистической действительности. Баллады Тихонова «Перекоп», «Баллада о гвоздях», «Баллада о синем пакете» и другие дышали огнем и романтикой революционных боев; их лирический герой был прежде всего сильным и мужественным борцом за новый мир. Но

чеканная поступь этого героя была озарена светом отгремевших атак. И его создатель, неутомимый путешественник, дышащий ветрами дальних странствий, ищущий реального героя своей эпохи, устремляется на Восток, к народам Кавказа, получившим после Октября возможность социального и национального развития. Посмотрите на маршруты Н. Тихонова по поэтической карте 1924—1933 годов, и вы убедитесь, как прочно, глубоко, без олеографической красивости и восточных стереотипов осваивал разрушитель легенды об экзотическом Востоке Н. Тихонсв темы, проблематику, сюжеты и жанры своего творчества на все последующие десятилетия.

Уже к I съезду писателей Н. Тихонсв основательно изучил край своей пожизненной любви — Грузию: долины рек Куры, Риони, Алазани, Ингури, Арагви, Иори, побывал в Сванети, Кахети, Абхазии и Аджарии. Отсюда циклы «Стихов о Кахетии» (1935), «Горы» (1938—1940), начало поэмы «Серго в горах», повести и рассказы «Симон-большевик» (1933), «Неутомимый наездник» (1940), «Мамисон» (1940), «Кавалькада» (1941), «Волшебная бумажка» (1941).

Отсюда даже литературоведческий термин «колорит местности» наполняется у Н. Тихонсва 30-х годов реальным, зримым содержанием, уже согретым огнем поэтического вдохновения. Огни Цхнети и Таврарский лес, Сванети, «гомборский разгон», выход на верховья Алазани и Иори — это уже не географические понятия, а тропа дружбы, «двойная радуга», ведущая из Грузии в Дагестан или в Северную Осетию.

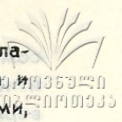
Не случайно стихотворения Н. Тихонова 30-х годов о Грузии вызвали такой горячий отклик среди грузинских поэтов С. Шаншиавили, Т. Табидзе, С. Чиксвани, Г. Леонидзе, К. Каладзе, они открыли для русской поэзии большой мир грузинской культуры, героического прошлого и настоящего, героев созидания, «жизни как деяния», их нравственную красоту. Социалистический реализм как художественный метод, на путях которого утверждался Н. Тихонсв, позволяет поэтической мысли проникнуть в истинное богатство жизненных процессов и преодолеть ограниченность упрощенного восприятия человеческих отношений, духовного мира человека.

Именно «Стихи о Кахетии» и в частности «Гомборы», «Циндандали», «Ночной праздник в Алаверды» стали жемчужинами русской советской поэзии, так как поэт выявляет здесь осознанный историзм художественного мышления, способность своего лирического героя познать не только мир, но и свое место в «рабочем строю». Если в поэме «Дорога» и в повести «Клятва в

тумане» — только эскиз, наброски будущего изображения героя, как творца жизни (поэтому в «Дорогу» врывается стук пневматических молотков), то в пленительных стихах о Кахети, отличающихся счастливыми поэтическими находками — ассоциативным мышлением, историческими аналогиями, поразительной звукописью, — лирический герой представляет собой одно целое с людьми Кахети. Кахети для тихоновского лирического героя — страна жизнерадостных, трудолюбивых «делателей» жизни: виноградарей, хлопководов, техников, строителей. Забыв о вековой распри, грузины, лезгины, осетины, ингуши плясали при свете факелов в «Ночном празднике в Алаверды», и над ними «раскачивались тучи, сквозь эти тучи самолет прошел» как символ новых отношений враждовавших прежде народов. Черный цвет ночи рассеян творцами социалистической жизни («Тобою, Киров, как знамена, снега Осетии зажглись»); побеждают «неистово зеленые» краски трудовой жизни, красота трудовых отношений. Знаменательно, что в стихотворении «Я прошел над Алазанью...» даже переосмысливается традиционная поэтика элегии, и общественный оптимизм новой жизни уничтожает безысходность обычного для элегии лирического конфликта. К тому же элегическая «осенняя пора» впитывает в себя не атмосферу отвлеченного романтического Кавказа, а трудовую ритмику совхоза «Цинандали». Несомненно, что «Стихи о Кахетии» — результат плодотворного творческого взаимообогащения литератур русского и грузинского братских народов. Благодаря и переводческой работе Тихонов, инациональный поэт, сумел постичь сущность национального характера, например, сигнахца («Башни Сигнахи»), проникнуться национальным началом («как бы стал грузинским поэтом»), постигнуть «живую душу» грузинской поэзии, избавившись при этом от привычной для себя излишней метафоричности, усложненности строфы. Так связь с грузинской поэзией уже первоначально придала романтизму молодого Н. Тихонова более «земной», действенный характер, помогла преодолеть условные стереотипы, обрести большую рельефность и зримость художественного изображения. К тому же несомненна и родственность поэтической манеры, поэтического видения мира с переводимыми им грузинскими поэтами.

Об этом говорит и та грандиозная работа переводчика, редактора, страстного пропагандиста грузинской литературы, которую стал осуществлять Н. Тихонов с 1933 года после приезда в Грузию в составе бригады Оргкомитета накануне I съезда советских писателей вместе с Б. Пастернаком, В. Гольцевым, Н. Заболоцким и другими.

Мастерские переводы русского поэта из Г. и Т. Табидзе



С. Шаншиашвили, С. Чиковани, Г. Леонидзе, П. Яшвили, К. Каладзе, Г. Абашидзе, И. Абашидзе, И. Мосашвили, А. Мирцхулава и других позволили ему обогатить русскую поэзию напевами, строфикой и ритмикой грузинского стиха, глубже раскрыть многосторонний духовный мир нашего современника. Прав Г. Леонидзе, заметив: «Он пришел в Грузию не в поисках ориентализма и экзотики — пришел к нам как товарищ, строить с нами новую жизнь и новую поэзию... Его стих, стремительный и звучный, навсегда породнился с Грузией». Стоящий у истоков, вместе с Горьким, того великого литературного процесса, который зовется переводом художественной литературы народов СССР, Н. Тихонов добился полноценного звучания в России проникновенного лиризма Тициана, полифоничности стиха Георгия Леонидзе, темпераментности и интеллектуальности поэтического зрения Симона Чиковани, классической четкости музыки Григола Абашидзе; это уже, говоря словами С. Чиковани, — «полная самоотдача... сердца, души, слуха, острейшего восприятия побратима и неразлучного друга, сроднившегося с полюбившимся ему краем». Хрестоматийным стал перевод стихотворения Г. Леонидзе «Поэту», в особенности крылатый афоризм о неразделенности юности и поэзии: «Стих и юность — их разделить нельзя, их одним чеканом чеканили», интонационно обогативший русскую поэзию. Мы не говорим уже о той самоотдаче Н. Тихонова, которая в 30-е годы отразилась не только на переводе древнейшего народного эпоса «Амираниани», но и на его организаторско-издательской деятельности в Ленинграде. Созданная им в Ленинграде секция грузинской литературы издала сборник «Грузинские романтики», произведения современных грузинских поэтов, в 1935-36 годы провела три вечера грузинской поэзии, в том числе творческие вечера Тициана Табидзе и Симона Чиковани.

Именно в 30-е годы — годы «великого разбега», «времени вперед», когда М. Горький поставил перед журналом «Наши достижения» и писателями И. Эренбургом, К. Паустовским, В. Катаевым, М. Шагинян, Л. Леоновым, Н. Погодиным и другими задачу показать коренные перемены, связанные с социалистическим преобразованием жизни народов Советского Союза, Н. Тихонов — уже признанный мастер советской поэзии — всесторонне и глубоко разрабатывает в лирике, прозе и публицистике тему интернационализма и дружбы народов, проблему национального и интернационального. Вот перед нами повесть «Симон-большевик», рассказы «Неутомимый наездник», «Кавалькада», «Мамисон», «Волшебная бумажка», «Рассказы о Бетале Калмыкове», начатая поэма «Серго в горах», согретые подлинным пафо-

сом социалистического реалиста, рисующего картины духовного и нравственного развития сынов братских народов Кавказа, Северной Осетии, Грузии, дружбы, закалившейся в огне гражданской войны, в борьбе против национальных предрассудков, в поднятии социалистической нови. Н. Тихонов видит, что в социалистическом обществе расширяются возможности и сфера проявления национального характера. На примере судьбы Симона, строящего Загэс, Н. Тихонов мастерски рисует, как социализм предоставляет широкий простор для свободного развития национальных культур и психологии народов. Так, Симон на этой всенародной стройке, подобно своему старшему собрату, ощутил, каким движущим стимулом являются интернационализм и трудовой энтузиазм народных масс: «Работали здесь осетины, грузины, абхазцы, русские, шведы, армяне и татары и много других. Я понял, что это и есть интернационал, потому что за эту мысль давно бились в гражданскую войну. Мы сражались за кабардинцев под Пятигорском, за грузин-трудящихся — в Раче, и теперь все строили мирную жизнь»¹.

Эта проблема интернационального характера у Н. Тихонова тесно связывается с проблемой народности. Народность таких героев Н. Тихонова 30-х годов, как С. Орджоникидзе, Б. Калмыков, кахетинские виноградари, немыслима вне осознания ими своей кровной сопричастности общенародной борьбе, вне соотношения личных устремлений с народной судьбой, народной мыслью. Так, в «Мамисоне» и связанной с ним тематически поэмой «Серго в горах», писавшейся почти двадцать лет и охватывающей масштабные проблемы века (проблемы значения Кавказа в истории России, взаимовлияния старого и нового в сознании людей, национальной самобытности и развития социалистических общественных отношений), Серго Орджоникидзе — настоящий народный герой — обладает историзмом мышления государственного деятеля: он прекращает вековую вражду хевсуров и ингушей, выводит по легендарной сбледенелой тропе свой отряд навстречу новой жизни, и этот отряд уже — «железный поток» людей нового мироощущения, новых связей со страной и народом. Дагестанец Аскер, ингуш Юсуп, преодолевшие вековую вражду, уже подходят к народной точке зрения на события, начинают постигать то, что действительно нужно народу, осознают, что «исчезает незаметно тот, кто жил собой одним, а народа жизнь бессмертна...»

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны и

¹ Н. Тихонов. Собр. соч. в 7 томах, т. III, 1974, с. 392.

своей блокадной эпопее вместе с В. Вишневым, А. Прокофьевым, В. Саяновым, О. Берггольц, Г. Суворовым и другими Н. Тихонов благодаря открытому им и глубоко познанному миру социалистической жизни братских народов СССР, Кавказа и его сердца — Грузии нашел своего конкретного лирического героя, мужество которого питалось национальными и народными истоками, родной землей и воздухом страны, неразрывным единством народов Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны лирический герой талантливейшего певца дружбы народов СССР, признанного мастера советской поэзии, в котором органично сплавлено воедино личное и общенародное, интернациональное и национальное, стал выразителем дум и чувств своих современников. Разве забудется пламенное обращение Николая Семеновича в самые тяжелые дни блокады Ленинграда к народам Кавказа («Глава Кавказа»)!

Поистине глобальной была деятельность знаменосца советской поэзии Н. Тихонова в 50—70-е годы. Член Всемирного совета мира Н. Тихонов по-прежнему был верен идеям интернационализма и дружбы народов СССР, их интенсивного творческого взаимобогащения, составляющим суть всего его творчества и деятельности.

Он пишет очерки, посвященные творчеству С. Шаншиашвили и М. Турсун-заде, Гамзату Цадасе и С. Вургуну, Джамбулу и К. Кулиеву, Э. Капиеву и Г. Гуляму. Он создает удивительный сплав лирики и эпоса, книгу воспоминаний «Двойная радуга», трепетную и взволнованную лирико-философскую медитацию «Цхнетские вечера», многочисленные статьи о братских республиках и литературах — грузинской, белорусской, латышской, осетинской, дагестанской, туркменской («Город над Курой», «Пять городов», «Героический эпос», «Поющая земля» и др.). Наконец снова обращается к теме Грузии, и в золотой фонд советской поэзии включается новая книга «Грузинская весна» — глубокие раздумья о сознании, деяниях и морали светского человека в преддверии коммунизма.

Мы подчеркиваем, что это прежде всего раздумья социалистического реалиста, определяющая тональность этой книги — коммунистическая партийность. Она выявляется сразу же в его умении видеть ведущее и существенное в жизни социалистической Грузии — строительство Храмгэса и завода в Рустави, рабочего Тбилиси — большевистский маяк для Тегерана и Багдада, Санчарский перевал в годы войны и сейчас, Кирова на Казбеке и А. Джапаридзе на Ушбе, руставского сталевара и сборщицу

чая, двойную радугу — символ дружбы русского и грузинского народов, всех братских народов СССР.

Несмотря на различие тематики, жанровых и интонационных особенностей стихов «Грузинской весны» — налицо единство ее образной системы, мировосприятия лирического героя и окружающей ландшафта, повседневной жизни и поэтики книги.

Как мы видели, еще «Стихи о Кахетии» помогли Н. Тихонову воссоздать нового героя социалистической действительности, обусловить его поступки конкретными типическими обстоятельствами трудовых будней республики. Здесь уже зрелый мастер воедино соединяет раскрытие характера героя с его духовным миром, событиями повседневности, с переключкой прошлого, настоящего и будущего и своими лирическими раздумьями в ретроспективном философском плане. Характерно, что даже поэтика этого сборника свободна от привычной склонности Н. Тихонова к «орнаментализму», излишней метафоричности. Она до предела строга и сдержанна в выборе средств художественного изображения, отборе тропов, рельефности ритмического рисунка, что в полной мере проявляется в одном из лучших стихотворений книги «Александра Джапаридзе на Ушбе». Как писал К. Кулиев в «Годах восхождения»: «Ничего лишнего. Поразительный лаконизм. Каждая строка — словно удар клинка».

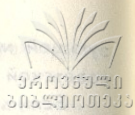
В свою очередь «Цхнетские вечера» — многоплановое философское раздумье «Автандила русской поэзии» (Г. Леонидзе) в канун Великой Отечественной войны о месте человека в природе, в жизни, в будущем страны, в памяти людской, противопоставление двух миров — мира добра, жизнелюбия, «древнего города славы и искусства, труда и мира» человеконенавистническому миру фашизма, войны, «солнца мертвых».

Мы попытались при помощи анализа стихотворений и прозы Н. Тихонова о Кавказе, Грузии, взаимоотношений русских и грузинских побратимов показать, насколько плодотворен процесс творческого взаимообогащения литератур народов СССР, их дальнейшего сближения на современном этапе. Каждый из братских народов нашей страны, заботясь о расцвете своей национальной культуры, искусства и литературы, вместе с тем решает единую интернациональную задачу строительства культуры коммунизма. Н. Тихонов — замечательный мастер советской поэзии, истинный побратим грузинского народа, посвятивший всю свою жизнь решению проблемы национального и интернационального, национального и народного, в своих произведениях о Грузии достиг такого изображения грузинского национального характера, социалистической Грузии, единства лирического героя и преобра-

зующей мир эпохи, что это стало настоящим открытием для всей советской поэзии.

Если образная структура книг Н. Тихонсва вскрывает существенную закономерность национального характера, получающего от социалистической действительности неисчислимы́е импульсы дальнейшего нравственного и интеллектуального движения, то и их поэтическая форма — также творческое завоевание советской поэзии. В ней органично сочетаются традиции русской и грузинской литературы — действенность материалистического оптимизма, социалистического гуманизма лирического героя русской поэзии, его ответственность за судьбы мира и народов мира с тончайшим лиризмом и психологизмом грузинской поэзии, непосредственностью и красочностью ее художественного видения, близостью к народным истокам слова, глубоким сознанием преемственности культуры. Все эти животворные традиции грузинской поэзии как бы щедрой пригоршней зачерпнул Н. Тихонов при многолетней работе переводчика и издателя, в живом общении и дружбе с Т. Табидзе, С. Шаншиашвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани, из неиссякаемого родника «Амираниани», лирики И. Чавчавадзе и В. Пшавела, Галактиона и Тициана, Гоглы и Симона — единой в своей многокрасочной полифоничности, адекватности природы, жизни и внутреннего мира человека, сопричастности истории. В свою очередь грузинские поэты учились у зачинателя советской поэзии мускулистой ксвке стиха, скульптурной вылепленности действенного, активного лирического героя, историзму его художественного мышления. Как писали С. Квдиашвили и Г. Натрошвили: «За любовь можно платить только любовью — поэтому в Грузии все от мала до велика любят Николая Тихонова, который всегда умеет так красноречиво и искренне выразить свою нежную и сильную любовь к нашей земле... И все-все пронизано глубоким чувством дружбы народов!»

Вот почему творчество поэта-интернационалиста (лауреата Ленинской и Государственных премий по литературе, Международной Ленинской премии за укрепление мира и дружбы между народами, Индийской литературной премии имени Джавахарлала Неру, республиканских премий Руставели, Шевченко, К. Хетагурова), правофлангового в борьбе против милитаризма, опасности ядерной войны, за мир и взаимопонимание народов Земли Николая Семеновича Тихонова — еще одно яркое свидетельство нерушимости многонациональной советской литературы.



Сулхан ЖОРДАНИЯ

«КЕНТАВР»:

МИФ,

МЕТАФОРА,

РЕАЛЬНОСТЬ

В СЕ в романе Джона Апдайка «Кентавр» говорит о том, что главный герой книги — **боль**. Боль присутствует везде — в мифе о Хироне, в лодыжке и психике Колдуэлла, во всем изумительном по своей архитектонике романе, но осязаемый, как голод, образ ее с особой силой концентрирует всю напряженность, все страдания и конфликты мира в одном человеке. Трансформированная талантом художника в эстетический символ боль прекрасна, ее невозможно не увидеть, а увидев — остаться равнодушным. Это физически ощущаешь на первой же странице книги: «Колдуэлл отвернулся, и в тот же миг лодыжку ему пронзила стрела... Боль взметнулась по тонкой сердцевине голени, просверлила извилину колена и, разрастаясь, бушует, хлынула в живот... Он так жаждал остаться с болью наедине, измерить ее силу, прислушаться, как она будет замирать, тщательно препарировать ее. Боль запустила щупальце в череп, расправив влажные крылья в груди, и ему, внезапно ослепленному кровавым туманом, почудилось, будто сам он — огромная птица, встрепенувшаяся ото сна». Боль продолжается, и через нее постигаются трагизм человеческого бытия и неприятие человеческого удела, тихое, отупляющее одиночество и грусть, отни-

мающая у человека веру в жизнь. Боль же вызывает к мечте о торжестве духа, исчезновении всех мелочных забот, к тоскливому сознанию ненужности и бесполезности существования человека.

Истина сложна. Существует много форм познания, и каждая из них по-своему закономерна. Путь к истине в «Кентавре» идет по линии отрицания; не отрицания воображаемого и описания реального, а, в определенной мере, отрицания реального и описания воображаемого. Обращаясь к мифу, Апдайк обогащает насыщенную абстракциями современную ему жизнь конкретным материалом первозданной наивности, заполняет вакуум, пустоту, окружающую людей, тем, «что могло бы быть, либо будет».

Предпосланный эпиграфом к роману миф сам по себе — не новость. Мировая литература изобилует фактами проецирования языческих и христианских мифов на данность более зрелых эпох. Особенно часто обращаются писатели к христианской идее самоотдачи и самоотречения на благо других. Так что, когда в эпиграфе мы читаем о страшной и неизлечимой боли Хирона, нанесенной ему, самому доброму и умному среди кентавров, «ближними своими», и о вознесении его после смерти на небеса, невольно вспоминаем евангельский миф и подсознательно готовимся к антиномии веры и безверия, добра и зла.

Вторжение мифа в реалистический контекст «Кентавра» ошеломляет: «Красивое песнопение продолжало неотвязно звучать в ушах Колдуэлла. — Над морем воссиял. Слышал он этот вздор, и не раз. Впервые еще в Пассейке. Как поразительно он переменялся с тех пор! Ему казалось, что верхняя его половина уходит в звездную твердь и плывет среди вечных сущностей, среди поющих юных голосов, а нижняя все глубже увязает в трясине, которая в конце концов его поглотит. Стрела, задевая об пол, всякий раз бередила рану. Он старался не наступать на большую ногу, но неровное цоканье остальных трех его копыт было таким громким, что он боялся, вдруг какая-нибудь из дверей распахнется, выйдет учитель и остановит его». Это место приходится перечитывать. Может быть, мы ослышались? Цоканье копыт в коридоре современного американского колледжа оскорбляет слух. Наш разум, наш литературный опыт скорее приемлет Колдуэлла с верхней частью туловища в небесах и с нижней в трясине, чем спокойное, невозмутимое превращение его в четвероногое чудовище. Почему? Потому, что Колдуэлла **кажется**, что он дорос до неба, а человеку все что угодно может казаться. Подобным же образом воспринимаем мы и одухотворение боли, отождествление ее то с бурным потоком, то с птицей, то со щупальцем какого-то отвратительного существа, то с каким-

то сверлящим инструментом. Контекст и механизм сравнения, скрытого либо явного, формально выраженного, как бы исподволь готовят нас к эстетическому восприятию образа. Ничего подобного в случае с «цоканьем копыт» мы не чувствуем. Переход с описания реальности на миф застает нас врасплох. Кодированная в непредсказуемом сочетании слов информация временно не поддается расшифровке.

Невозмутимость, бесстрастность неправды в «Кентавре» вызывает ассоциацию с творческим принципом Маркеса, хотя вымысел в романе Апдайка несет на себе неповторимую печать самобытности. В отличие от Маркеса, с несравненной щедростью одаряющего читателя разнообразными выдумками, Апдайк лишь раз прибегает в тексте к ошеломляющему эффекту «лжи», чтобы потом на протяжении всего повествования с большим мастерством пронизать ее страстным духом реализма. Как и все истинные художники, он перевоспитывает нас по ходу нашего знакомства с романом, увлекает нас в свой фантастический мир и заставляет смотреть на вещи его глазами. Вымысел, алогичность сами по себе приобретают обаятельную жизненную ощутимость, представляют собой неоспоримую эстетическую ценность и с развитием событий превращаются в некую галлюцинацию, сон наяву благородного, уставшего, болезненно восприимчивого индивидуума.

Чтение «Кентавра» — свободное скольжение парусника в открытом море неведения. Но и неведение имеет свой предел. Мы не в состоянии подолгу противостоять хаосу, и Апдайк осторожно направляет наше воображение по протоптанной им тропинке. И вот оказывается, что самая разнузданная алогичность в конечном итоге есть логика, внутренняя, имманентная логика художественной мысли. Мы не отворачиваемся от «неправды» в недоумении и презрении, нам хочется заглянуть в следующую строку, в следующую страницу, убедиться, что мы не ослышались, не исказили смысл фразы. Стиль, манера мыслить и писать определяют ценность всего, что рождается под пером Апдайка. Апдайк лепит, шлифует, одухотворяет миф, органически, естественно растворяет его в реальности: «В гараже было тепло. Этот человек хорошо относился к нему. С давних пор Гаммел приходился племянником жене папаши Крамера. Это он замолвил за Колдуэлла словечко в школьном совете и устроил его на работу в разгар депрессий, когда все оливковые деревья засохли и Деметра бродила по земле, оплакивая свою похищенную дочь. Там, где падала ее слеза, трава никогда уже не зеленела. Ее венок источал отраву, и ядовитый плющ вырос у каждого жилища. До тех пор все в

природе было благосклонно к человеку. Всякая ягода будила нежную чувственность, и, спускаясь галопом с Пелиона, он уви- дел юную Харакло, собиравшую нежную зелень». Жизнь и вымысел сливаются, сходятся в одном предложении, в одном акте коммуникации, первая, основная часть которой отражает реальность: «Это он замолвил за Колдуэлла словечко...», а вторая, адвербиальная, подчиненная — миф: «Когда все оливковые деревья засохли и Деметра...». В результате — необычайное усиление иллюзии раздвоенности человеческой психологии, единства абсолютного и относительного, мифического и реального в душе, в сущности человека.

Опыт учит, что жизненная сущность характера проявляется именно в отношениях с другими характерами, окружающей средой, обычаями, легендами, мировоззрением и мироощущением эпохи. Можно пойти еще дальше и утверждать, что иллюзия подлинности описанной в художественном произведении вещи возникает только тогда, когда ее трогают, пробуют на вес, ощущают ее тепло, запах и плотность разные люди в разных ситуациях. Уникальное видение мира вообще характерно для Апдайка: «Дорога, как кошка, прижавшая уши, ринулась по прямой»; «Обернувшись, я увидел нашего пассажира сквозь запыленное заднее стекло — он удалялся, похожий со своим свертком на рассыльного. Вскоре он стал крошечным коричневым пятнышком у въезда на мост, взлетел над землей, исчез».

В главе книги, откуда взяты эти примеры, Апдайк не раз заставляет Колдуэлла высказать благородные, полные человеколюбия и добра мысли, и они доходят до нашего сердца. Те же мысли, те же высказывания, те же настроения и эмоции в ином, тусклом, бедном образами одноцветном контексте звучали бы иначе, может быть назидательно, может быть холодно и ходульно, а то и вовсе глупо («...ему они нужнее, чем мне. Бедняга, наверное, сам не знает, как это у него вышло...»), — говорит он об отпете мерзавце, взамен благодарности укравшего у него дорогие перчатки, подарок сына). Но Апдайк знает, что мораль и литература — разные вещи, и строит повествование так, что императив гуманизма и добра для него — святая святых пре- красного.

«Кентавр» — горькая книга о боли. О мужской боли. «Кентавр» — не только взрыв отчаяния или бьющая через край безудержная тоска, не только одиночество, безысходность и страх, но и поражающая красота, высочайшее выражение подлинной, естественной, неподдельной самоотдачи, сострадания и любви.

-
- ДОКУМЕНТЫ

 - ПИСЬМА

 - ВОСПОМИНАНИЯ
-



Ирина ТРИУС

ЖИВУТ КНИГИ, ЖИВУТ УЧЕНИКИ...

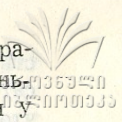
Почти шесть десятилетий, не смолкая, звучал в нашей поэзии страстный голос Антокольского.

Павел Григорьевич Антокольский многие годы был моим старшим другом по перу. Он дал мне рекомендацию в Союз писателей. Сейчас перечитываю его письма и стараюсь разгадать, что было скрыто за каждой его строкой, и думаю о том, откуда у него в его преклонном возрасте, при его горьких утратах, тяжелых болезнях оставалось столько душевных сил для тех, кто начинал трудную работу писателя? Отдать, поддержать, помочь — казалось целью его жизни. При том, что он сам творил, занимался обширной общественной деятельностью.

«...Прочитав Вашу книгу, почувствовал направление Вашей мысли, силу и точность этой хорошей русской прозы. Что же касается несчастий, которые одинаково знакомы Вам, как и мне, то в последнее время я всегда повторяю блоковское:

Всюду беды и утраты —
— что тебя ждет впереди.

Увы, этот лейтмотив всех жизней нашего века, все мы в одном кругу. Назвать его «адским» нет смысла, оттого что под ногами твердая земля, которая полгода бывает зеленой, а вверху небо, которое и сейчас, в октябре, бывает и синим...»



«...В целом Ваша лирическая проза мне определенно нравится, особенно «Ели» и «Земля и небо». Эти вещи меньше по значению, по напряженности, чем Ваша книга. Но и у них, у каждой, есть все права на существование, на печать, на внимание читателей, которые и в них узнают Вас. Так что действуйте смело, риск, как известно, дело благородное. Впрочем, о риске и говорить незачем. Вас ценят и любят многие и многие. И если на этот раз Вы делитесь личным и застенчивым, тем большая Вам цена...»

«...От всего сердца поздравляю Вас с главным праздником нашей истории, с Великим Октябрем, который послал поколение 20-х годов в дорогу дальнюю, дальнюю. Вы намного моложе меня. Октябрь был для Вас — легенда, книга. А я видел, как вышибали юнкеров из хамовнических казарм. На старости лет все это отчетливо стоит перед глазами...»

«...Большое спасибо за письмо, полное свойственной Вам энергии, любви к людям, страстного желания помочь в беде, в неудаче, болезни... Это настолько бросается в глаза и настолько редко по нынешним временам, что Честь Вам и Слава!...»

«...Только вчера вернулся из путешествия в Кишинев и Одессу и нашел на столе Ваш конверт, прочел Ваши новые вещи, которые Вы правильно называете миниатюрами.

Вот что пришло мне в голову. Только чур — условимся, примите сказанное, как совет старого писателя (или поэта — все равно). Совет рабочий, мастеровой — большей ценности в нем не ищите.

Пора Вам, как говорится, менять лошадей! Пора заново начать труднейшее в мире дело — искусство выражения себя в словах родного языка, в ритме, в образах. Никаких миниатюр! Никаких отрывков, никаких набросков, которые претендуют только на то, чтобы остаться набросками.

Вы должны (должны — слышите?) писать книгу. Какую? Это трудно подсказать другому человеку. Нелегко и самому этому «другому» (то есть Вам самой) предвидеть, какая она будет, эта книга. Наверно, по жанру повесть (до романа Вы не доросли). По содержанию — нескольких, так или иначе связанных между собой персонажей: люди Вашего поколения. Но судьбы у всех свои. Не надо заботиться о стройном и законченном сюжете. Не надо искусственно сводить концы с концами.

Но совершенно необходимо: с самого начала заинтересовать читателя изображенными (выдуманными Вами) дей-

ствующими лицами. Как это сделать — великий секрет писателя. Но пусть Вас ничего не пугает. Если Вы поверите, что выдуманное Вами — правда, если Вам хватит памяти и воображения для такого связанного рассказа — дело выгорит.

Память и воображение работают, так сказать, спаренной бригадой. Два лучших союзника и помощника писателя — память и воображение. Память подсказывает, воображение справляется с этим сырьем по своей державной воле. Вы можете возразить: «Вы — поэт, я — прозаик, мы разные, на разных языках говорим, на разных планетах живем».

Ан нет!

Выдумка, вымысел чего-то никогда не бывшего в жизни, но истинного — это обязательно для каждого пишущего человека. Предвижу все трудности, которые Вам помешают или могут помешать и тормозить Вашу работу. Но они есть у каждого из нас. Важно только одно: не робеть. Вы сами не заметите, как начнет крутиться волшебное колесо Вашей прятки.

Петры, Лены, Саши и Лизы сами начнут действовать, как только Вы толкнете их к выходу на сцену Вашей грязной, черновой рукописи. Дайте им волю!

Я совсем не боюсь ошарашить Вас своим предложением. Только ради бога, ничего не бойтесь. Изводите безжалостно бумагу и чернила. Сочиняйте лишние варианты, черкайте все, что взбредет в голову, жените и разводите жен и мужей, убивайте кого вздумается, вводите в структуру повести детектив, уголовщину, а то и ведьм с чертями, грязные перебранки коммунальных квартир, сплетни и вообще всю невообразимую путаницу жизни в трижды-семижды прекрасном и некрасивом обличии.

Убежден в том, что мой проект увлечет Вас. Мне очень хочется подбить Вас на такой неожиданный поворот в Вашей творческой судьбе. Поверьте, что он благодетелен. Он освежит Вас хотя бы тем, что до сей поры был Вам чужд и казался чем-то «неподходящим». От всего сердца желаю Вам успеха!

Ваш Антокольский».

Павла Григорьевича Антокольского давно уже нет среди нас. Но живут его книги, живут его ученики, все те, кому подарил он при жизни хотя бы частичку своей необыкновенной, чудесной души и кто с благодарностью и благоговением помнит его, одержимого любовью к поэзии, слову, людям.



казского историко-археологического института, а также работал в библиотеке только созданного тогда Тбилисского университета. Именно тут познакомился с будущей супругой Софьей Михайловной Марр, которая стала его преданным товарищем и другом по работе. До 1922 года Юрий Николаевич жил в Тифлисе, а потом переехал в Петроград.

И зрелые годы Ю. Н. Марра были связаны с Грузией. Судьба вскоре снова привела его сюда. С 1928 года до самой кончины из-за болезни он прожил на курорте Абастумани. Все это время состоял старшим ученым специалистом Кавказского историко-археологического института (КИАИ) Грузинского филиала АН СССР и лектором Тбилисского университета. В том же КИАИ возглавлял грузино-персидскую комиссию. Последовательно работал в области кавказоведения, в частности грузиноведения.

У него было здесь много друзей и знакомых среди таких деятелей науки и культуры, как И. В. Мегрелидзе, В. С. Путуридзе, Ш. В. Дзидзигури, Ш. Я. Амиранашвили, М. Я. Чиквани, Е. К. Харадзе, С. С. Джикия и многих других. Часто с ними встречаться ему не удавалось. Но, находясь в Абастумани, он регулярно переписывался с ними, чтобы не прерывать научного общения.

И. В. Мегрелидзе писал о нем: «Он был на редкость приятным и интересным собеседником, человеком необычайно скромным, незлопамятным и всегда приветливым. Он не кичился своей огромной эрудицией, не любил выставлять ее напоказ, подчеркивать меньшую осведомленность своего собеседника, но, охотно делясь своими знаниями, с большой готовностью помогал всем, обращавшимся к нему по научным вопросам. Юрий Николаевич был широкой и богато одаренной натурой и был чужд мелочности. С ним легко и приятно было работать»².

Среди деятелей литературы Ю. Н. Марр был особенно близко знаком и, как недавно стало известно, состоял в переписке с поэтом-академиком И. Г. Гришашвили.

Этого поэта-патриота, интернационалиста не нужно представлять грузинскому читателю. Но ко всему сказанному о нем хочется добавить слова великого армянского поэта Аветика Исаакяна, который считал И. Г. Гришашвили одним из популярнейших поэтов нашего времени. Вот как характеризует он поэзию своего собрата по перу: «Гришашвили — поэт-лирик, содержание его лирики преимущественно любовь. Тем не менее любсвью не ог-

² Ю. Н. Марр, «Статьи, сообщения и резюме докладов», том I, М.-Л., 1936, с. XIV.

раничивается сфера его чувств и волнений. Многострунна его лира. Наряду с чудесными любовными песнями у него имеются мощные песни, посвященные родине... Очень красивы его песни, воспевающие природу. Цветущие поля, девственные леса, белоснежные горы и морские пейзажи красивой Грузии описаны с восторгом и патриотизмом.

Стихи Гришашвили звучны, ритмичны; их отличает своеобразная мелодика и вместе с тем они всегда верны духу, стилю и поэтике грузинского стихотворения.

...Гришашвили является давним сторонником братания и обоюдного познания кавказских народов. Его гуманистическому духу чужда ненависть к народам. Он с любовью, чувством симпатии перевел армянских и азербайджанских поэтов для ознакомления грузинского народа с переживаниями и мечтами его древних соседей»³.

Ю. Н. Марр также высоко ценил работы И. Г. Гришашвили. Об этом можно судить по его письму, адресованному советскому иранисту Константину Ивановичу Чайкину (1889—1939): «Вчера... видел (был у меня) поэта Гришашвили. Тончайший мастер, виртуоз, наподобие Каани»⁴...

В старом районе города — Харлухи (Алгетский переулок № 1) находится Дом-музей И. Г. Гришашвили, где все — книги, газеты, фотографии и рисунки — рассказывает о поэте и старом Тбилиси. По образному выражению литератора и переводчика Нодара Тархнишвили, «романтика древнего города вскормила Иосифа Гришашвили».

Недавно здесь среди многочисленных документов нами были обнаружены два письма Ю. Н. Марра к И. Г. Гришашвили. В одном из них (почтовая открытка от 28.IV.30), написанном по-грузински, говорится о желании автора встретиться с Гришашвили и сообщается, что с 25 по 28 апреля у него проходило заседание. В конце послания на русском языке сделана приписка о том, что его воскресное утро занято.

³ Иосиф Гришашвили, Георгий Леонидзе, «Об Армении и армянской культуре», изд. АН Арм. СССР, Ереван, 1983, с. 177—178. (на армянск. яз.). Кстати, в этой же книге на 178—179 страницах напечатано стихотворение армянского поэта Веспера, посвященное И. Г. Гришашвили.

⁴ Каани (1807—1854) — крупнейший персидский поэт-одописец XIX века.

А вот и полный текст второго из этих писем, думается, дающего дополнительный материал для всестороннего изучения жизни и творчества Ю. Н. Марра.

16.III.30.

Абастумани.

«Я был обрадован и смущен, получив Ваше письмо. Я давно собирался Вам написать, пока только по поводу великолепной Вашей работы о литературной богеме старого Тифлиса, но, право, не знаю, когда напишу, т. к. хочется написать поподробнее. А приехав из Тифлиса, я оказался заваленным таким количеством работы, что до сих пор не могу разделаться с ней.

Ограничусь тем, что отмечу большую ценность Вашей работы для иранистов, особенно для лексикографов. Подробно напишу, когда освобожусь от двух срочных статей.

В самом начале Вашего словаря объяснено слово «аваджа», Персидский эквивалент его, вероятно, будет «овдж» — подобно тому, как «аваза», «яваза» в персидском «юз». У Гаффарова дано значение «верхняя нота». Однако у меня есть трактат по музыке, где, по-видимому, «свдж» — название не то строя, не то мелодии. Ваша книга раскрывает мне глаза на многое, но мне еще больше хотелось бы увидеть Вас живого, а не напечатанного, беседовать с Вами и, быть может, совместно с Вами постраниковать по некоторым областям Майдана.

Вы изволили любезно осведомиться о моих печатных трудах. Должен сказать, что большая часть находится в печати. Три моих заметки и статьи были напечатаны на персидском языке в Персии. Это: 1) О составлении персидского словаря. 2) Биография В. А. Жуковского (ираниста). 3) Воззвание к поэтам Фарса, с просьбой дать о себе биографические сведения. Я не имею этих вещей. Три мои небольшие вещи посылаю: 1) Автобиография Мирзы Мохаммеда Кермани, 2) Отрывок из книги о Голоде и 3) мелкие рецензии. Я ожидал, что мне пришлют из Л(енин)града недостающие оттиски, но, не получая, как только пришло Ваше письмо, написал туда, прося выслать их на Ваш адрес. Это: 1) Образец бахтиярской литературы. 2) Зиджи Улуг-Бека в переводе царя Вахтанга.

Кроме того, если вышли уже оттиски «Персидского петрушки», то и его.

Затем первый выпуск начатой нами серии материалов для персидского словаря.

Да. Еще, вероятно, на днях будет получен выпуск бюллетеня

ней КИАИ с моей заметкой об одном отрывке из Низами. Остальные печатаются, некоторые более двух лет. Это:

- 1) Библиотека современной Персии.
- 2) Резюме и список около 80 современных персидских изданий, привезенных мной для Аз(иатского) музея.
- 3) Типографское дело в современной Персии (по-украински).
- 4) Материалы словарные по живой речи, собранные в 1925-26 гг. в Персии.
- 5) Грузинские слова в четверостишиях Хакани (автор XII века н. э.).
- 6) Два образца народной словесности из Грузинск(ого) Ферейдана.
- 7) Беседа с грузином-ферейданцем.
- 8) Об именах «Нестан-Дареджан» и «Амиран-Дареджаниани».
- 9) По поводу статьи Б. В. Миллера «О диалекте города Шустера».
- 10) Современные средства передвижения, отраженные в персидской поэзии.

Остальные — совсем мелочь. Само собой разумеется, что все эти вещи, как только будут выходить, будут направляться мною Вам.

Но это все напечатанное. А мне гораздо больше хотелось бы в личной с Вами беседе показать Вам ряд перлов персидской изящной словесности, всю прелесть которой Вы можете понять и ощутить больше, чем кто-либо.

Одной из моих работ, намеченных на ближайшие годы, будет собирание материалов по музыкальной терминологии, сперва мусульман города Тифлиса, а потом и не мусульман.

В связи с этим меня и заинтересовало особенно слово (аваджа). Интересно, для какого района из Коридзе дано значение мелодии. Посылаю в неотделанном виде попытку слабую перевести первую половину заключительных стихов Вашего сборника. Многие Ваши стихи соблазняют меня на перевод.

С искренним приветом

Юрий Марр.

Фамилию нашу мы как будто не склоняем, но последнее время ее начали склонять. Так что можно писать и так и так.

Марго Церетели находится здесь и просила меня передать Вам от нее привет».

Следует надеяться, что в архивах Ю. Марра и И. Гришашвили в ходе дальнейших поисков обнаружатся новые материалы о дружеских отношениях этих двух выдающихся личностей.

ТРОПА В СТОРОНУ ПОЭЗИИ

Очевидно, это стало добрым обычаем: выход в свет книг русских поэтов, переводящих грузинскую поэзию и пишущих оригинальные стихи о Грузии. На моей памяти прежде всего — «Грузинские лирики» Бориса Пастернака, книга более чем полувекской давности, книга, поразившая нас, молодых тогда людей, уже писавших стихи и открывших для себя целый поэтический материк. За ней последовали другие книги других поэтов-переводчиков. Прибавлялись все новые и новые имена. У одних книг была широкая, можно сказать, широчайшая огласка, другие прошли более скромно. Не скажу — незаметно. В Грузии принято замечать добрые дела, которые вершат мастера русской поэзии.

Название новой книги Елены Николаевской — «Да здравствует вошедший!» — можно было бы понять как чересчур патетическое, если бы не знать, что это обычное грузинское приветствие: «Вини мовида—гаумарджос!» — «Вошедший в дом — да здравствует!». Все зависит от то-

го, как произносить. У одного — интонационно-восклицательный знак в единственном числе, у другого, произнесшего с особой силой, — подразумевается трехкратный. Елена Николаевская сбывается вовсе без восклицательных знаков. И сразу же создает атмосферу задумчивости, простых и прямых отношений между вошедшим и хозяином.

Попробуем войти в книгу, как входят в дом.

Книга разделена на две почти равные части.

Первая — «На слиянии рек» — это оригинальные стихи Елены Николаевской о Грузии, создававшиеся в разные годы. Вторая — ее переводы грузинских поэтов — от классиков до наших современников.

Внимательный читатель заметит, что обе части книги представляют собой как бы сообщающиеся сосуды. У них — собственных стихов и переводов — высокий уровень мастерства. Что касается оригинальных стихов, то у Е. Николаевской они отмечены «лица необщим выраженьем». Искусство же перевода в том и состоит, что у тех, кто талантливо работает в этой труднейшей области, помимо лица автора оригинала, неизменно ощущаешь и лицо того, кто доносит до русского читателя обаяние подлинника.

Читаю переводы, скажем, стихов Анны Каландадзе или Мурмана Лебанидзе, и во мне отзываются интонации таких оригинальных стихов самой Елены Николаевской, как «Осенний снег в Тбилиси» или «Самадло»; и в тех, и в других неизменно внимание и

стала певцом счастливой жизни, благорасположения людей, удачи их в работе. Но продолжением достоинства этой позиции являются ее недостатки. В стихах поэтессы мир так светел, что предметы даже не отбрасывают тень; он вообще порою лишен каких бы то ни было драматических, тем более трагических элементов. Углы срезаются, торжествует лишь овал или круг, такое милое благолепие, любезное читателю сердцу. И художественно изобразительные средства весьма однозначны. Вот, скажем, эпитеты: Картли — солнечная, Грузия — бархатная, жизнь — бессмертна, небо — большое, праздничное, емкое, о себе — «такую безмерно счастливой давно не была я, как здесь» («Ленинград. Финский залив»), вечер — мягок и ласков...

Из лирических произведений, пейзажных зарисовок, стихов балладного типа создается образ жизни, достаточно привлекательной, но весьма «утепленной», я бы сказал, добродушной, избавленной от тревог и напряжения, свойственных реальному, современному миру.

Вполне понятно, что давать благословение поэту куда приятней, чем говорить обо всем этом. И все же: как пройти мимо тревог и волнений, без них жизнь неполна, однозначна.

Книга Е. Николаевской «Да здравствует вошедший!» вышла в издательстве «Мерани», которое давно выпускает в свет сборники русских поэтов, пишущих о Грузии и переводящих грузинских поэтов. И уже образовалась у любителей этой поэзии объемистая книжная полка, в ней Па-

стернак и Тихонов, Заболоцкий и Антокольский, Межиров и Вознесенский, Ахмадулина и Рзгенцев, Гольцман и Леснович... — всех не перечислить. И у каждого из этих поэтов — своя Грузия, свой, неповторимый портрет страны и народа. Эта серия не может не обращаться на себя внимание.

Книга «Да здравствует вошедший!», таким образом, имея значение самостоятельное, вместе с тем является звеном в поэтической цепи книг русских стихотворцев о Грузии.

Более пятнадцати лет назад, в 1969 году, ереванское издательство «Айастан» выпустило другую книгу Е. Николаевской «Край света» (стихи об Армении, переводы армянских поэтов). Если к этой работе добавить еще и переводы башкирских поэтов почти всех поколений, то перед нами предстанет солидный труд поэтессы, интенсивно занимающейся переводом поэзии с языков народов нашей многонациональной Родины. Деятельность связиста иноязычных культур, наводящего литературные мосты дружбы между народами, создала Е. Николаевской добрую славу.

Хочется добавить: добрая слава эта есть результат многолетнего упорного труда, и в отличие от иных переводчиков-ремесленников (а их у нас немало) Е. Николаевская стремится передать индивидуальность каждого поэта, его национальное своеобразие. Апробированные образы, давно набившие оскомину обороты речи не кочуют у нее из книги в книгу, а напротив, в каждом национальном поэте ищет она его самого, суть его творчества. Тот, кто зна-

ет и любит грузинскую поэзию, в переводах сборника «Да здравствует вошедший!» без труда отличит Анну Каландадзе от Медеи Кахидзе, а Колау Надирадзе от Арчила Сулакаури, — каждого, обладающего своим лицом, своим голосом, своей интонацией. Тематическое различие? В том-то и дело, что нет. Различие почерков, а отсюда и различие индивидуальностей.

Уместно вспомнить, что в 1963 году в тбилисском издательстве «Заря Востока» вышла книга стихов и переводов Е. Николаевской «Память о солнце». Двадцать с лишним лет не прошли для поэтессы бесследно: Сравнение этих двух книг дает основание говорить о том, что с тех пор

написано немало стихов оригинальных, создано немало новых переводов. И это прибавление не только количественное. О качестве не скажешь — «прибавление», здесь нужны иные слова. Опыт жизни сказался на всем настроении книги, пережитое естественно отразилось и в стихах.

Как это важно — найти свою тропу в страну поэзии дружественного народа. Не менее важно войти в дом с добрым сердцем. Так войти, чтобы хозяин дома воскликнул: «Да здравствует вошедший!». Воскликнул не только в силу народного обычая. А по существу. Чувствуя, кто вошел и с какими помыслами.

Лев ОЗЕРОВ

ЧИСТЫЕ ЗВУКИ САЗА

В ДУМЧИВОЕ прочтении сборника стихов живущего в Грузии курдского поэта Азизэ Иско «Разноцветье» высвечивает минимум три момента, ожидающих своего отклика. Первый из них, быть может, наиболее значителен. Курды, волею исторических судеб обосновавшиеся на стыке четырех государств Ближнего и Среднего Востока, но по множеству причин так и не сумевшие создать собственного, долгими десятилетиями оставались объектом империалистических

поползновений, алчной игры политических страстей, беззащитной эксплуатации и неприкрытого геноцида. Кто только не тиранил многострадальный народ — от Османской Турции и всяких иных безжалостных региональных сатрапов до угнетателей, живущих по обе стороны Атлантики, прямо или косвенно владевших Курдистаном. Самобытная культура племен, населявших этот край, грубо попиралась. Так продолжалось вплоть до победы над фашизмом, обеспечившей разрушение и того звена колониальной системы, которое сковывало народы, живущие в этом районе, в том числе и курдов. И все-таки даже после 1945 года проблем у этих последних оставалось предостаточно...

Но была частица древнего этого племени, которую исторические судьбы расселили на южных землях государства, почитавшегося курдами их великим северным соседом, — в Грузии, в Армении. Племена, поселившиеся тут, стали полноправными гражданами СССР, получили все права, включая и священное право на развитие собственной культуры, в том числе и литературы. В частности, в Грузинской ССР сложилась довольно значительная группа курдских литераторов, создающих художественные произведения на родном языке: Джалилэ Аджо, Джардюз Асад, Доғарэ Бро, Шкоэ Гасан, Адоз Джанго, Бахчоз Иско, Мароз Мамед и другие. Один из них — уже известный нашим читателям по сборникам курдской поэзии «Поет мой саз» и «Край родниковой чистоты» — поэт Азизэ Иско в рецензируемой нами книге стихов представил на суд читателей произведения, посвященные родному народу, его прошлому и настоящему.

Второе соображение, которое хочется высказать после прочтения этой книги стихов, — их глубина, подлинность эмоций. По-восточному цветистые, орнаментальные строфы сборника «Разноцветье» доподлинно передают и колорит, и своеобразие чувствования повествователя. Сердечные импульсы лирического героя простираются как вонь — воспевая общую Родину советских народов, приютивших некогда обездоленных курдских братьев, так и вовнутрь — в толщу сугубо национальных тем. Азизэ Иско темпераментно говорит о великом единении народов своей страны, славит обре-

тенную курдами отчизну, подчеркивает, что безмерна их любовь не только к своей «большой родне» в целом, но и к братьям-грузинам, бок о бок с которыми живут и работают сыны и дочери древнего племени.

Характерно в этом отношении стихотворение «Моя столица» — трогательное признание в любви к «прекрасному добромю Тбилиси». Иско с восхищением пишет об этом городе братства народов:

И такая любовь и отвага
Обретаются в сердце твоём.
Что обуглиться может бумага
Под историей вечным пером!..
Так живи, вдохновенно
работай,
Расцветай нам на радость
и пой,
Неразлучный с мечтой
и свободой,
Окрыленный партийной
заботой,
Мой Тбилиси, мой город
родной.

Подобные краски и чувствования характерны и для многих других стихотворений, включенных в сборник «Разноцветье», скажем, для таких, как «Родина», «Слово о Ленинском комсомоле», «Песня о мире» или «Дворец труда». Поэт вдохновенно говорит о преемственности добрых дел человеческих, о том, что наши свершения остаются щедрым наследством тем, кто идет вослед Человеку, который всеми делами и помыслами своими вечен, непреходящ.

Азизэ Иско свойственно собственное — обостренное — понимание личности и долга поэта. Об этом в сборнике немало искренних строф, тро-

„ВЛИЯТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КИНО“

КАКОВО отношение поэта, представителя «вечного» искусства, к детищу XX века — кинематографу как к социальному и культурному феномену и как к средству художественного выражения? Есть ли разница в социальной роли кино сегодня и раньше, например, в 30-е годы? Каква взаимосвязь поэзии и кино? Какие стороны и возможности искусства экрана наиболее достойны внимания? Что может способствовать обновлению современного кино, какими путями оно может прийти к новым художественным завоеваниям? Вот вопросы, которые возникали в беседе с поэтом Ираклием Абашидзе. Это, конечно, широкий угол зрения, но в данной беседе — вполне оправданный. Современный грузинский поэт и общественный деятель Ираклий Абашидзе не часто высказывался о кинематографе, но вместе с тем его обширный, разносторонний, в каком-то смысле уникальный опыт в искусстве,

глубокое знание грузинской и мировой культуры позволяли предположить, что у него есть своя, глубоко личностная точка зрения на кинематограф и его социально-культурную роль в современном мире.

Поэт Александр Межиров, прекрасный переводчик стихотворений Ираклия Абашидзе на русский язык, писал: «Ираклий Абашидзе относится к слову отважно и робко. Только так и может относиться к слову настоящий поэт. Одной робости или одной отваги недостаточно». Это свойство настоящего поэта сказалось и в нашем разговоре о кино. Беседа эта протекала в непринужденной манере, свободно, Ираклий Висарионович говорил по-грузински, медленно, тщательно отбирая нужные слова, уточняя смысл сказанного и при этом предельно просто выражая свою мысль. Беседа носила характер размышлений, в которых Ираклий Абашидзе свободно переходил от мысли о собственно кинематографе к мыслям об искусстве, о поэзии. Часто он не прямо отвечал на вопросы, возвращался к сказанному, размышлял, вспоминал. Но при всей этой непринужденности не упускал из виду основную тему разговора, столь близкую его творческому кредо, — социальную функцию кино и искусства вообще, их возможности и обязанности. И сами вопросы строились, естественно, исходя из известного облика Ираклия Абашидзе как поэта и как личности с широким общественным, культурным, историческим кругозором.

Ираклий Абашидзе воздерживался от конкретных при-



меров, от «кинокритики». Он не посчитал себя вправе высказываться о кино так, как делают это кинематографисты. Этому легко найти объяснение: как поэт, кроме всего остального, Ираклий Абашидзе обладает огромной

эрудицией. И естественно, что к другой области искусства он относится с таким же пиететом и считает, что разговор о кино требует такой же глубокой, причем специально кинематографической, культуры, как разговор о поэзии.

* * *

— Чем было кино в жизни Вашего поколения и чем оно является сейчас? Изменилось ли со временем Ваше отношение к кино?

— Мой интерес к кино был более сильным и постоянным раньше, чем теперь. Это потому, что кино было чем-то новым, это было новое искусство, и я был молодым человеком.

Мы почти ровесники — кинематограф в Грузии и я. Я помню не только первые грузинские киноленты, но помню огромное количество разнообразных фильмов — с юности и до наших дней. Первые грузинские картины меня очень воодушевляли, вдохновляли.

А сегодня — иначе. У меня отношения не со всем кинематографом, связь не с кино, а с отдельными, наиболее значительными произведениями и грузинского, и советского, и зарубежного кино. В этой перемене все хорошо, кроме одного: исчез тот энтузиазм, с которым мы все, все мое поколение, поэты и не поэты, относились к кинематографу.

Я рад, что грузинское кино, которое с начала 20-х годов интенсивно развивалось, до сего дня сохранило свои лучшие традиции и является одним из передовых отрядов советской кинематографии, что везде — в обычных кинотеатрах, на международных кинофестивалях и смотрах грузинские фильмы привлекают большое внимание и получают горячее признание. Фильмы последних лет, как мы знаем, на многих европейских и других международных фестивалях отмечены премиями и дипломами как значительные произведения.

Несколько лет назад в Москве на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 60-летию образования СССР, Сергей Герасимов говорил, что в Грузии кино снова на высочайшем художественном уровне, так как там на высоком уровне литература, писательство.

Литература многое может сделать для развития киноискусства. Многие выдающиеся фильмы созданы на основе зна-

чительных литературных произведений. И эти ресурсы еще далеко не исчерпаны. Не надо забывать того простого факта, что литература как сфера творчества имеет за плечами многовековую традицию и в отношении кино часто бывала и много раз еще может быть первооткрывателем.

За последнее время в Грузии создано немало фильмов, в основе которых — крупные произведения литературы. Среди них я с удовольствием назову «Дата Туташхиа» («Берега») по роману Чабуа Амирэджиби, фильмы по произведениям Нодара Думбадзе.

Нодару Думбадзе особо повезло с кинематографом, но ведь и кино повезло в том, что были написаны «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце» и другие его вещи.

Приятно, что работники киноискусства обратили внимание не только на эти произведения, но и привлекли их авторов в кинематограф, заставили работать для кино. Например, насколько мне известно, прозаик Чабуа Амирэджиби работает на киностудии «Грузия-фильм», и таким образом он еще и практически связан с кино, он на практике изучил специфику сценарного дела.

Многие мои друзья ушли в кино в годы моей молодости. У меня не было такого счастья — работать в кино. Может быть, потому, что не было соответствующих способностей. Сближение с кино навсегда увело из литературы в 20-е годы Николая Шенгелая, Георгия Мдивани, Давида Рондели, Лео Эсакиа. Это были поэты и писатели, они начинали в литературе.

— **Какие фильмы вызывали наибольший Ваш интерес?**

— На моем веку много было таких фильмов, но некоторые из них занимали все же особое место. В 30-е годы мне нравился — и я не был исключением — фильм Николая Шенгелая «Элисо». Нравился потому, что в этом фильме наряду с показом глубоких социальных явлений (а тогда, в первые годы после революции, литература и искусство были особенно захвачены социальными проблемами) была предпринята попытка заглянуть в душу человека глазами кино. Николай Шенгелая соединил социальное искусство с психологическим.

Это было новым явлением не только в кино, но и в других видах искусства. Рождалось не просто новое искусство — кино, но и новое психологическое искусство, способное передавать переживания и движения человеческой души, показы-

вать нового человека. Искусство, в удивительно краткие сроки овладевшее мастерством в передаче этих сложных вещей.

Хотя фильм «Элисо» Николая Шенгелая не был посвящен советской действительности, он был принципиально важным для советского кино, потому что благодаря новому взгляду на социальные проблемы смог по-новому показать человеческую душу, внутреннюю жизнь человека, его психологию. Линия, идущая от «Элисо», была плодотворной, она имела продолжение и сейчас продолжается в нашей кинематографии.

Я поэт, и поэтому меня больше волнует искусство проникновения в человеческую душу. Неудивительно, что я с удовольствием встретился на экране с героями Достоевского, увиденными Иваном Пырьевым.

Его прочтение Достоевского вызвало споры, которые сводились к тому, что киноискусство, по всей вероятности, не может исчерпывающе передать богатейшую и сложнейшую природу героев Достоевского. Скорее всего, критики были правы. Но мне лично нравится то, что до сего дня смог кинематограф.

Я хотел бы надеяться, что кино сможет больше в передаче мира героев таких титанов, как Достоевский, Толстой, Пушкин, Чавчавадзе. Мы будем всегда приветствовать любое продвижение вперед в этом направлении, но и то правда, что культурный и взыскательный зритель будет требовать от кино еще больше.

Кроме этих требований, надо учесть и то, что у каждого — свое представление о героях Достоевского, Толстого и других крупных писателей, и кино никогда не сможет удовлетворить требования верных и внимательных читателей. Потому что они всегда будут разными, многоликими и даже взаимоисключающими. Но кино не должно этого бояться. Ведь и стихи большого поэта не вызывают одинаковых чувств и переживаний. Когда разные люди и даже одни и те же, но в разные периоды и в разных состояниях читают Пушкина, Тютчева, Блока, Галактиона Табидзе, Маяковского и многих, многих других, которых я сейчас не называю, они по-разному переживают эти контакты с произведением, разное из него извлекают. И это хорошо. Искусство потому и существует.

Я вспомнил Достоевского, так как особенно люблю психологическое искусство. И я хочу, чтобы грузинское кино было искусством, которое говорит о свойствах человеческой души, о проявлениях духа. Мысль, печаль, восторг — вот что требует выражения.

— История кино знает не так много случаев, когда поэт становится кинематографистом. Однако, если такое случилось (в качестве примера можно назвать Жака Превра, Жана Кокто, Пьера Паоло Пазолини, Николая Шенгеля), результат, как правило, был примечательным и неординарным. Пожалуй, существует даже некоторая зависимость между тем, как редко крупные поэты приходили в кинематограф, и тем, как ярко, неповторимо они себя в нем проявляли.

Была ли у Вас когда-нибудь идея создать свой фильм? Если да, то что Вас к этой идее привело и что помешало ей осуществиться? И каким этот фильм должен был быть?

— Лет двадцать назад на юбилейных торжествах, посвященных Шота Руставели, итальянский писатель Карло Леви предложил мне написать вместе сценарий «Витязя в барсовой шкуре». Я сначала очень обрадовался не только потому, что меня воодушевила мысль принять участие в такой работе, но прежде всего потому, что сама возможность перенести на экран бессмертную поэму Шота Руставели показалась мне великолепной!

Но спустя два или три дня я отказался, мотивировав это тем, что никогда не работал в кино и не могу браться за такое огромное дело.

Я сказал это, чтобы оправдать свой отказ, на самом же деле я отказался, ибо не мог представить, как можно передать всю мудрость, величие и красоту «Витязя...» в кино. Может быть, кто-то сможет, но я не взялся. Хотя сюжет поэмы очень притягателен для кино. Песнь самопожертвования ради любви, дружбы, хвала самоотверженному рыцарству... Но это лишь один из пластов гениальной поэмы. Важный, конечно, пласт, но так же важны мудрость и философия «Витязя в барсовой шкуре». Я до сих пор думаю о предложении Карло Леви и продолжаю придерживаться той же точки зрения, что кинематографу пока еще трудно осилить эту грандиозную работу. Здесь нужен свой гений — кинематографический.

Но я думаю и о том, что мастера киноискусства так же рождаются, как поэты и романисты. Родится и такой мастер...

Чем больше проходит времени, тем прочнее связь поэзии с кино. Развитие киноязыка, техники тоже помогает этому. И я не удивлюсь, если вдруг увижу на экране «Мерани» нашего Николоза Бараташвили. Кино все больше и больше ловит то неуловимое нечто, что раньше называлось «бо-

жественной инспирацией», то есть то, чего нет в строчках, но прочитывается между ними.

И, повторяю, я не удивлюсь, если увижу фильмы по лирическим стихотворениям, например, Пушкина или Тютчева, и если в этих фильмах можно будет увидеть то самое, чего нет даже в пушкинских строках, а есть лишь между ними.

Ведь происходят чудеса на свете!

И, разумеется, я был бы счастлив, если бы сценарием такого фильма стали бы и мои стихи...

Еще один поэт, который был увлечен кинематографом, который практически принял участие в работе над фильмами, — это Владимир Маяковский. Но сегодня трудно представить себе такое увлечение поэта кинематографом, которое было нормальным для той поры. Пришельцы не могут сделать что-либо интересное в кино. Потому что кино сейчас — это профессия. А тогда, в 20-е годы, в 30-е годы, когда поэты особенно часто обращались к кинематографу, кино само еще было на любительском уровне и даже самые крупные кинорежиссеры были любителями в том смысле, что они набирались опыта вместе с тем искусством, которое создавали.

А сейчас кино — это специфика, это особые знания и навыки, и для создания современного фильма требуется глубокое мастерство. И поэтому в кино нельзя гастролировать, это вряд ли может принести хорошие плоды. Что касается меня лично, то я никогда не считал себя готовым к работе в кино, я считал кино серьезным искусством и чувствовал ответственность за результат.

— Ваши первые кинематографические впечатления? Фильмы, которые Вы помните? Есть ли у Вас ностальгия по старому кинематографу?

— Когда я вспоминаю фильмы первых лет нашего кино, перед моим взором встают «Три жизни», «Кто виноват?», «Два охотника», «Отцеубийца» — грузинские фильмы 20-х—30-х годов.

Мы были влюблены и в фильмы, и в тех, кто их создавал. У поэтов ведь особая любовь к кино.

Передо мной как сейчас стоят наши актеры Нато Вачнадзе, Тамар Болквадзе, Тамар Цицишвили, Сесилия Такайшвили, Котэ Микаберидзе, Дмитрий Кипиани, Серго Закариадзе, Ушанги Чхеидзе. Замечательные актеры! В Грузии много замечательных актеров.

Драматический театр и, в частности, театр Котэ Мар-

джанишвили, многое для кино сделал. Но и кино ведь сыграло свою роль в обновлении театра. Марджанишвили был первым, кто использовал на театральной сцене экран. Мы были все воодушевлены этим нововведением — кино в драматическом спектакле.

Кино пришло как стихия, как наводнение. И мы приветствовали это наводнение!

Мы всего ждали, все было впереди, все начиналось сначала! Это было буквально во всем. И тут — кино, новое искусство, которое тоже только начиналось!

После первой мировой войны, после революции у людей родилась надежда, что через искусство, литературу, кино можно воздействовать на жизнь, строить ее по-новому.

Так было и после второй мировой войны. Ведь итальянский неореализм возник примерно в таком же состоянии умов. Эти надежды на обновление через искусство часто бывают связаны с послевоенным периодом.

И у меня есть ностальгия скорее по тому отношению, какое было к кино. Кино было средством, возможностью говорить о жизни

— Помните ли Вы первый фильм, который посмотрели в своей жизни?

— Помню, и прекрасно. В наш маленький город, где я родился и жил в детстве, привезли фильм о зевоте. Это было в 1916 году. Мой дядя взял нас в «кинотеатр», который был устроен под деревом. Мне было тогда семь лет. И я помню, что это был смешной фильм.

Этот первый сеанс в нашем маленьком Хони поднял целую дискуссию о кино. Диапазон оценок был огромный — от восхищения и стремления разгадать тайну этой чуть ли не магической мерцающей диковины — до недоумения и осторожности.

Но в общем в Грузии народ сразу принял киноискусство, полюбил его. Ведь у нас всегда любили искусство, были уютявшиеся традиции театрального искусства. И кино нашло здесь хорошую почву.

Нередко, исследуя искусство, изучая его историю, мы забываем, что для его развития, особенно для развития искусства зрелищного, необходим культурный, подготовленный, воспитанный зритель. А грузины все немного артисты, все играют, пишут стихи...

— Что почерпнул кинематограф из общекультурного наследия Грузии? В чем сила грузинского кино, какие тенденции развития для него полезны, а какие, на Ваш взгляд, нежелательны и, может быть, даже опасны? Какие грузинские фильмы Вы считаете «ключевыми», поворотными? И почему?

— В последнее время созданы фильмы по поэтическим произведениям Важа Пшавела, Георгия Леонидзе. На мой взгляд, авторы фильмов не идут след в след за литературным текстом, а говорят от своего лица. Фильмы Тенгиза Абуладзе «Мольба» и «Древо желания» — это большая удача режиссера, ему удалось извлечь из литературного произведения всю глубину мысли, эмоциональное напряжение, нравственный заряд. Это и есть творческий подход.

В первые годы кинематограф, обращаясь к литературе, часто страдал буквалистским подходом, то есть был в плену у литературы, и оттого мы можем назвать не так уж много удачных фильмов на основе произведений литературы, а тем более поэзии. Хотя, если судить строго, и сейчас их не много.

Кинорежиссер должен быть настоящим поэтом, настоящим творцом, он должен кричать на весь мир — и обращаться к каждому живущему на земле. Этим побеждало итальянское кино, в этом заключалась победа и Чарли Чаплина.

Кинематографу порой не хватает смелости в подходе к литературе. Театр в этом смысле гораздо свободнее, за ним в общем признается право свободной интерпретации, и, даже ставя классику, режиссеры, актеры вносят свое в трактовку произведения в зависимости от того, что диктует эпоха.

Во многих современных фильмах слишком подчеркнута философия. Как будто режиссеры сами себе не доверяют.

Некоторые молодые режиссеры в Грузии тоже следуют этим путем. У них нет той легкости, какая была у мастеров итальянского неореализма. Они слишком стремятся быть глубокими и забывают об эстетических требованиях искусства. А философия, к которой так сейчас стремятся художники, должна быть растворена в эстетических, художественных образах. Не должно быть никакого насилия над восприятием. К сожалению, это касается и прозы последних лет.

В самом начале нашей беседы я говорил о том, что люблю искусство проникновения в душу человека, мастером которого был Федор Достоевский. А здесь я хотел бы добавить, что даже на пути психологического искусства художнику необходимы определенные ограничения. Порой реализм

так переходит в натурализм, что автор даже не замечает этой грани. Нужно быть очень осторожным, когда подступаешь к тем пределам, где начинается натурализм. Как-то в беседе с одним писателем я сказал, что искусство начинается выше нуля, ниже нуля — холод, лед. Натурализм именно это: холод, лед. И более всего он виден в кино.

Надо сказать, что грузинское кино почти избегло этой опасности. Рыцарская природа грузин восстает против натурализма.

Как-то, лет двадцать назад, группе советских писателей и поэтов показали в Италии последние фильмы Феллини, Пазолини, Антониони.

Александр Твардовский выступил на одном из заседаний и сказал, что из всех показанных фильмов самое большое впечатление произвела картина Пьера Паоло Пазолини «Евангелие от Матфея», которая больше связана с искусством, нежели с режиссерскими изысками или поисками. Здесь как бы отсутствует техника, с помощью которой режиссер создает картину. Вот другой фильм, показанный в это же время, — «Красная пустыня» Микеланджело Антониони — поражает нас, каждым своим кадром как будто говорит: «Посмотрите, что могут создать техника, машина, киноаппарат!».

В последнее время уж очень заметно, что кинотехника достигла больших успехов. А должно быть иначе, на мой взгляд. Техника, как и философия, не должна выпирать наружу, нужна «скрытая камера»...

Современные люди и так утомлены техникой, ее невероятными возможностями. И кино, на мой взгляд, не должно удивлять и утомлять зрителя своим техническим совершенством и блеском.

— Не кажется ли Вам, что уменьшилась социальная роль кино?

— Напротив. Она огромна. Ни одно искусство сегодня не стоит так крепко рядом с человеком. Человек чаще мыслит конкретно, нежели обобщенно. Кино — конкретное искусство. Герои стоят перед глазами, они такие, а не другие. В литературном произведении они имеют тысячу возможных воплощений и обликов, а здесь, в кино, они обретают конкретные образы, близки зрителю.

А ведь социальные явления и процессы тоже происходят в конкретных эпохах и обстоятельствах, и поэтому кино



больше, чем какое-либо другое искусство, держит в руках эти явления и порою может даже ими управлять.

Кино — влиятельное искусство. И, видимо, со временем это влияние будет возрастать.

Обычно, когда говорят «вечное искусство», имеют в виду поэзию. А сейчас и кино стало таким. Оно так легко, властно вобрало в себя токи, идущие от старых искусств, что уже кажется, будто оно существовало всегда.

Потому что кинематограф способен сохранять материальный, вещественный лик эпохи, времени. Какое счастье, что благодаря кино, документальному и художественному тоже, мы сегодня можем видеть Толстого, Акакия Церетели! Документальный кинематограф — очень важный вид искусства кино.

— Общеизвестно, что грузинское кино имеет свое неповторимое лицо, свой стиль. Однако когда дело доходит до формулировок, возникают разного рода затруднения. На Ваш взгляд, есть ли некая общая (или основополагающая) художественная черта, особенность, которая объединяет разные грузинские фильмы, делая их плодами единого культурного древа?

— Поэтичность. Поэзия — вот то, что является особенностью лучших грузинских фильмов. Мы — народ, воспитанный на традициях Руставели. Для нас гуманизм, любовь, добро, дружба, рыцарский дух — все, что проповедовал великий Шота, — являются теми непреходящими мерками, с которыми мы подходим к произведениям искусства.

Беседу вела Латавра ДУЛАРИДЗЕ



КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Грузинская литература, вся многонациональная советская литература понесли тяжелую утрату — скончался выдающийся советский писатель, один из основоположников грузинской советской литературы, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Грузинской ССР, лауреат премии имени Шота Руставели Константин Александрович Лордкипанидзе.

Всю свою долгую жизнь и богатое творчество Константин Лордкипанидзе отдал без остатка советскому народу, Родине. Имя писателя неразрывно связано с развитием грузинской советской литературы. Его художественное и публицистическое наследие — правдивая и волнующая летопись подъема нашего народа, борьбы за установление и утверждение Советской власти в Грузии, первых побед.

Константин Александрович Лордкипанидзе родился в селе Диди Джихаиши (ныне Самтредского района) 7 января 1905 года. Сразу же после окончания технического училища он включается в литературную жизнь. В 1923 году вместе с другими молодыми литераторами он основал Союз пролетарских писателей Кутаиси, впоследствии преобразованный в отделение Союза писателей Грузии. Константин Лордкипанидзе был делегатом первого съезда пролетарских писателей СССР, со



стоявшегося в 1927 году, участвовал в работе всех съездов советских писателей, со дня основания являлся членом правления и президиума Союза писателей Грузии, а с 1967 года — членом правления Союза писателей СССР. В разное время избирался секретарем Союза писателей Грузии, руководил издательством «Накадули», работал главным редактором журнала «Литературная Грузия», «Цискари», альманахе «Саундже». В последние годы редактировал альманах «Гантиади» в Кутаиси.

Первыми же своими книгами Константин Лордкипанидзе привлек всеобщее внимание. Уже в его ранних произведениях была четко видна здоро-

вая, жизнеутверждающая позиция, которой писатель остался верен до конца. Это — преданное и бескорыстное служение новой социалистической действительности. Оно и привело тогда еще совсем молодого писателя к творческой победе такого большого масштаба, какой явился роман «Долой кукурузную республику», переименованный впоследствии, после переработки и расширения, в «Зарю Колхиды».

«Заря Колхиды» переведена и издана на многих языках. Благодаря большой жизненной правде, масштабности, силе художественного воссоздания действительности это произведение по праву признано классическим советским романом.

Константин Лордкипанидзе всегда одним из первых откликался на призывы Коммунистической партии и советских писателей. Так было и в 30-е годы, когда под руководством Максима Горького литературные контакты между братскими народами приобрели широкий и организованный характер. После длительной творческой командировки в Белорусскую ССР Константин Лордкипанидзе написал свой замечательный цикл «Бессмертие, или белорусские рассказы».

С первых же дней Великой Отечественной войны Константин Лордкипанидзе — корреспондент газеты «Коммунисти» в действующей армии. Его фронтовые очерки систематически печатались на страницах центральных и республиканских газет. В рассказах на военную тему с документальной достоверностью, художественной убедительностью и обаятельной простотой созданы образы

светских солдат, героически вынесших на своих плечах все тяготы сражений и завоевавших Победу.

70—80-е годы были для Константина Лордкипанидзе особенно продуктивными. С истинно юношеским энтузиазмом, плечом к плечу с партией и народом он включился в бескомпромиссную борьбу с негативными явлениями, развернувшуюся в республике. Новую волну подъема и обновления, которая поднялась сегодня в Грузии, писатель воспринял как собственную программу действий и создал немало впечатляющих публицистических, документально-художественных произведений. Его книги «Что произошло в Абаше», «Горец вернулся в горы», «Золотая гроздь» и другие помогают читателю глубже проникнуть в суть происходящих сегодня процессов, лучше разобраться в уже происшедших и грядущих переменах.

Совсем недавно Константин Лордкипанидзе завершил долголетнюю работу над романом «Вслеплый камень», выхода которого отдельным изданием автор не дождался. Это многоплановое эпическое полотно о жизни грузинской деревни читатель получит в ближайшее время.

Многонациональный советский народ хорошо знает и высоко ценит творчество Константина Лордкипанидзе. Его лучшие рассказы и романы переведены на языки многих народов мира.

Коммунистическая партия и Советское государство по достоинству оценили общественную деятельность Константина Лордкипанидзе и его весомый вклад в развитие советской литературы. Он изби-

рался депутатом Верховного Совета Грузинской ССР четырех созывов, был удостоен премии имени А. Фадеева, награжден двумя орденами Ленина, Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя ор-

денами «Знак Почета» и медалями.

Имя выдающегося советского писателя, достойного сына грузинского народа, пламенного патриота и интернационалиста Константина Александровича Лордкипанидзе и его творчество долго будут жить в памяти народной.

Д. И. Патишвили, В. И. Алавидзе, Г. А. Андроникашвили, Г. А. Анчабадзе, О. Г. Вардзелашвили, П. Г. Гиладзе, Г. Н. Енукидзе, А. Н. Инаури, К. А. Кочетов, Г. Д. Мгеладзе, Б. В. Никольский, Т. В. Ростиашвили, О. Е. Черкезия, Н. А. Читанава, З. А. Чхеидзе, Б. В. Адлейба, Г. Г. Гумбаридзе, Т. В. Лордкипанидзе, Т. И. Мосашвили, В. Р. Папунидзе, Н. Р. Саджая, Ф. С. Санакоев, Н. Ш. Джанберидзе, Н. А. Попхадзе, Д. В. Маргвелидзе, З. Ш. Месхишвили, С. Т. Ригвава, Г. Г. Абашидзе, И. В. Абашидзе, Р. Б. Амашукели, Г. В. Бединешвили, Х. М. Берилава, А. Н. Джонуа, Р. К. Инанишвили, А. Ш. Иоселиани, Д. В. Квицаридзе, И. С. Козаев, А. Р. Санеблидзе, Л. Р. Табукашвили, Ф. И. Халваши, Г. Ш. Цицишвили, Д. А. Чарквиани, Н. Г. Черкезишвили, Т. И. Чиладзе.



Номер верстался, когда пришла скорбная весть: не стало Константина Лордкипанидзе, видного грузинского писателя, первого главного редактора «Литературной Грузии»...

Волевой, умный, смелый, хорошо разбирающийся в людях, Константин Александрович умело подбирал и организовывал коллектив, учил нас работать на высоком профессиональном уровне, создавал увлеченную творческую атмосферу в редакции и сплотил вокруг журнала авторский коллектив профессиональных литераторов.

«Литературная Грузия» по сей день хранит традиции, заложенные им с первых дней основания журнала, и всегда будет помнить уроки, преподанные им.



ЗАСЕДАНИЕ ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ

В СОВЕТЕ Министров Грузинской ССР состоялось заседание оргкомитета по проведению юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося ученого - филолога, одного из основателей Тбилисского государственного университета, академика Академии наук Грузинской ССР, члена-корреспондента Академии наук СССР Акакия Гавриловича Шанидзе.

Юбилейные торжества пройдут в феврале 1987 года. Состоит совместный юбилейный вечер Академии наук Грузинской ССР, Тбилисского государственного университета и Союза писателей Грузии. Симпозиум Академии наук Грузии и Тбилисского университета будет посвящен вопросам структуры и истории языков, в нем примут участие видные советские и зарубежные ученые. Предусмотрен ряд мероприятий с участием студенческой молодежи, учащихся школ.

Будет создан документальный фильм о жизни и деятельности А. Г. Шанидзе. В Тбилисском университете будет развернута выставка «Основные этапы развития картвелологии», на которой будут представлены многочисленные труды А. Г. Шанидзе.

Выйдут в свет фотоальбом о жизни и научной деятельности ученого, брошюра о нем на грузинском, русском и английском языках. Тбилисский университет подготовит и издаст юбилейный сборник, по-

священный 100-летию со дня рождения А. Г. Шанидзе. Академия наук республики и университет завершат издание 12-томного собрания трудов ученого.

Юбилейные мероприятия состоятся также в городах Кутаиси, Самтредиа и селе Нога Самтредского района.

Итоги заседания подвел Председатель Совета Министров Грузинской ССР О. Е. Черкезия.

ДРУЖБА НАРОДОВ, ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

МУЗЕЕМ дружбы народов Академии наук Грузинской ССР совместно с Белорусским государственным университетом имени В. И. Ленина в Минске проведена III Межреспубликанская научная конференция на тему «Взаимобогащение литератур народов СССР на примере грузино-белорусского общественно - литературного сотрудничества».

Десятки докладов, прочитанных грузинскими и белорусскими учеными, свидетельствуют об обоюдном интересе к проблемам взаимосвязи литератур наших народов. К истокам грузино - белорусских литературных взаимосвязей, уходящих своими корнями в глубь веков, не раз обращались грузинские ученые. На основе этих исследований написано несколько монографий и кандидатских диссертаций.

Огромный интерес к грузинской литературе и со стороны белорусских коллег, которые публикуют научные статьи, очерки, касающиеся ли-

тературных взаимоотношений наших народов.

Конференция позволила познакомиться с целым рядом новых исследований и грузинских, и белорусских ученых, которые задались целью изучить взаимосвязи наших литератур на основе типологического сопоставления творчества отдельных писателей и поэтов.

Большой интерес вызвала работа доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом культуры Музея дружбы народов АН Грузии И. Богомолва.

Проблемам литературных взаимосвязей двух братских народов были посвящены доклады доцента ТГУ К. Квацантирадзе, научных сотрудников Музея дружбы народов АН республики кандидатов филологических наук М. Нинидзе, Н. Гаприндашвили, М. Кшондзер и других.

Встреча ученых в Минске наметила дальнейшие пути исследований проблем взаимоотношения литератур на

родов СССР на примере грузино - белорусских литературных взаимосвязей.

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

В СЕЛЕ Дзвели Абаша Абашского района Грузии прошел ставший уже традиционным праздник «Константинэоба», посвященный памяти выдающегося грузинского писателя Константина Гамсахурдиа.

В празднике приняли участие местные жители, а также известные грузинские писатели, деятели культуры, актеры Сухумского государственного академического театра им. К. Гамсахурдиа, почитатели таланта писателя.

Перед собравшимися выступила актриса Татия Хаиндрава, которая прочитала отрывки из произведений великого мастера.

Прекрасным завершением этого праздника стал литературный вечер, организованный в городском кинотеатре имени Руставели.

◆

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

Сдано в набор 10.06.86 г. Подписано к печати 26.08.86 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч.-изд. л. 14, ОУЭ 06879. Тираж 6 000 экз. Заказ 1437. Адрес редакции : 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, М. Ю. ЛОХВИЦКИЙ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, Л. Ш. СТУРУА, Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Группу» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

საქართველოს
აკადემიის
გამომცემლობა

საქართველოს
აკადემიის
გამომცემლობა

№ 563
4. IX 86

65 к.

26-86

ИНДЕКС 76117

86-583

16000000
2000000000

